

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 4 (20)

Киров
2020

Главный редактор

В. Т. Юнгблуд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Печенкин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров),
ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

А. С. Дриккер, д-р культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург),
ORCID: 0000-0002-8987-7591;

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 4 (20)

Kirov
2020

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archaeology

- A. M. Belavin**, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);
T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);
A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);
A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);
A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;
E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);
Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);
A. A. Pechenkin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Philology

- O. I. Kolesnikova**, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;
E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);
V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);
O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;
N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);
N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);
D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);
H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

- A. S. Drikker**, Dr. of cultural studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg), ORCID: 0000-0002-8987-7591;
I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);
T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);
D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);
A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);
V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);
T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);
G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal «Vyatka State University»

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

<i>Акманов А. И., Ярмуллин А. Ш.</i> Военная деятельность представительства Автономной Башкирской Советской Республики при ВЦИК в 1919–1920 гг.	7
<i>Василькова В. А.</i> Атомная энергетика СССР в период разрядки международной напряженности: инструмент экономической и политической интеграции?.....	13
<i>Коршунков В. А.</i> «Кричал, что мало гальки»: починка дорог в Вятской губернии в XVIII–XIX веках	29
<i>Трушкова И. Ю., Титова Е. И.</i> Старообрядческие общины Кировской области в годы Великой Отечественной войны	39
<i>Кантимирова Р. И., Павлова О. С.</i> Опыт взаимодействия земских участковых начальников и волостного суда: по материалам Уфимской губернии	48

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

<i>Антонова Л. В., Дронова Н. В.</i> Британский милитаризм и общество: опыт военных выставок 1901 года в Лондоне	56
<i>Васильева А. Ю.</i> Развитие транспортной инфраструктуры и возникновение индустрии туризма в Великобритании в XIX веке	67
<i>Зворыгин А. А.</i> Социальная перцепция России в рамках генезиса конфедеративного Польского государства	74
<i>Шишов Н. Ю.</i> Политика венгерского правительства в отношении этнических венгерских общин в 2010–2020 гг.	82

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

<i>Новиков М. В., Перфилова Т. Б. М. М.</i> Хвостов: восхождение к вершинам научной и профессиональной деятельности	89
<i>Тихомиров Н. В.</i> Проблема межнациональных отношений в концепции Русского государства в отечественной историографии 1930-х – начала 1950-х годов.....	101

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Горелов О. С.</i> Принцип экспериментации в сюрреалистическом коде: проблема сюрреалистического образа и феномен опыта.....	111
<i>Марков А. В.</i> Итальянское искусство в поэзии Жозефины Пастернак.....	119
<i>Бельский И. О.</i> Концепция жертвы в системе образов в романах Пьера Буало и Тома Нарсежака.....	128
<i>Япишина А. Е.</i> Визуально-графические особенности текста в книге стихотворений Е. Мнацакановой «Новая Аркадия»	135

CONTENTS

PROBLEMS OF NATIONAL HISTORY

<i>Akmanov A. I., Yarmullin A. Sh.</i> Military activity of the representative office of the Autonomous Bashkir Soviet Republic at the Central Executive Committee in 1919–1920.....	7
<i>Vasilkova V. A.</i> Nuclear energy of the USSR in the period of detente of international tension: an instrument of economic and political integration?.....	13
<i>Korshunkov V. A.</i> "He shouted that there is not enough gravel": repairing roads in Vyatka province in the 18th–19th centuries.....	29
<i>Trushkova I. Yu., Titova E. I.</i> Old believers' communities of the Kirov region during the Great Patriotic War.....	39
<i>Kantimirova R. I., Pavlova O. S.</i> Experience of interaction between Zemstvo district chiefs and the volost court: based on the materials of the Ufa province	48

PROBLEMS OF GENERAL HISTORY

<i>Antonova L. V., Dronova N. V.</i> British militarism and society: the experience of military exhibitions 1901 in London	56
<i>Vasilyeva A. Yu.</i> The development of transport infrastructure and the emergence of the tourism industry in the UK in the XIX century	67
<i>Zvorygin A. A.</i> Social perception of Russia in the framework of the genesis of the Confederate Polish state	74
<i>Shishov N. Yu.</i> The policy of the Hungarian government against the ethnic Hungarian communities in the period of 2010–2020.....	82

ISSUES OF HISTORIOGRAPHY

<i>Novikov M. V., Perfilova T. B. M. M.</i> Hvostov: ascent to the heights of scientific and professional activity	89
<i>Tihomirov N. V.</i> The problem of international relations in the concept of the Russian state in the Russian historiography of the 1930s – early 1950s	101

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Gorelov O. S.</i> The principle of experimentation in the surreal code: the problem of the surreal image and the phenomenon of experience	111
<i>Markov A. V.</i> Italian art in the poetry of Josephine Pasternak.....	119
<i>Bel'sky I. O.</i> The concept of sacrifice in the system of images in the novels of Pierre Boileau and Tom Narcejac.....	128
<i>Yapishina A. E.</i> Visual and graphic features of the text in the book of poems by E. Mnatsakanova "New Arcadia"	135

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(470.57).084.3

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.044

Военная деятельность представительства Автономной Башкирской Советской Республики при ВЦИК в 1919–1920 гг.

А. И. Акманов¹, А. Ш. Ярмуллин²

¹доктор исторических наук, профессор, вице-президент, Академия наук Республики Башкортостан.
Россия, г. Уфа. E-mail: aytuganakmanov@gmail.com

²начальник отдела, Национальный архив Республики Башкортостан.
Россия, г. Уфа. E-mail: azat-julan@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты военной деятельности представительства первой республики в составе РСФСР – Автономной Башкирской Советской Республики. Авторы обращают внимание на исторические традиции и закономерность создания воинских формирований башкир в 1919–1920 гг. Первоначальная активная служба значительной части башкир в составе белой армии постепенно было свернута ввиду отсутствия обязательств о перспективах национально-государственного строительства. Одним из важных условий перехода башкир на сторону Советской власти в условиях гражданской войны было сохранение и укрепление национальных воинских формирований. По Соглашению центральной Советской власти с Башкирским правительством 20 марта 1919 г. башкирские войсковые части получили статус отдельной боевой единицы РККА – отдельной Башкирской Красной Армии. Для обеспечения оперативного взаимодействия между центральной советской властью и руководством республики было создано Башкирское представительство при ВЦИК РСФСР. В представительстве Башкирской Советской Республики функционировала специальная структура – Военный отдел, который непосредственно занимался вопросами формирования и снабжения башкирских частей РККА. Представительство внесло большой вклад в создание башкирских частей и соединений для Красной Армии, координируя их формирование и снабжение. В частности, это выразилось в организационном содействии при переброске соответствующих башкирских формирований на театры военных действий, обеспечении личного состава обмундированием, питанием, вооружением и боеприпасами. Прекращение активной фазы гражданской войны обусловило постепенное прекращение деятельности представительства в этом направлении. В 1920 г. военный отдел представительства Башреспублики был упразднен.

Ключевые слова: автономия, башкирские войска, Красная Армия, соглашение, реввоенсовет.

Формирование башкирских войсковых частей Красной Армии непосредственно связано с национальным движением за автономию Башкортостана. В 1917 г. на волне демократических преобразований в среде башкирской общественности зародилась идея создания собственной национальной автономии. В реализации данной идеи башкиры ориентировались на исторический опыт, связанный с особой кантонной системой управления в Башкирии и военной службой башкир в составе национального иррегулярного войска XIX века [1, с. 21].

Идея создания автономии башкирами подразумевалась в том числе и как возрождение национального войска. Уже летом 1917 г. представители общественности выступили с инициативой к руководству Башкирского центрального совета (руководящий орган движения за автономию Башкортостана) обратиться с решением этого вопроса к Временному правительству в Петрограде. Однако ходатайство центрального совета было отклонено правительством.

Между тем октябрьский переворот 1917 года в Петрограде лишил страну легитимной центральной власти, что первоначально привело к общественно-политическому кризису и затем к Гражданской войне. В свою очередь, репрессии со стороны местных большевиков применительно к правительству автономной Башкирии предопределили его участие в во-

оруженной борьбе совместно с белой армией. Летом 1918 г. при поддержке Сибирского временного правительства и Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (Самарское правительство) башкирам в кратчайший срок удалось сформировать регулярные войсковые части в составе одного корпуса. Данное соединение в августе вошло в состав Народной Армии Комуча. Башкирские полки принимали участие во взятии Екатеринбурга, Орска, а также в боевых действиях вблизи Верхнеуральска, Актюбинска, Сызрани [15, с. 60].

Следует отметить, что с началом функционирования башкирских формирований руководство Уфимской директории и белого командования стремилось лишить самостоятельности Башкирское правительство и его войска. Данное обстоятельство постепенно разочаровывало башкир. Приход к власти адмирала Колчака и вовсе оттолкнул многих башкир от белого движения. Тем не менее благодаря своим вооруженным силам Башкирскому правительству удалось не только сохранить самостоятельность, но и заключить союз с большевиками.

Предложение башкирского правительства во главе с А. А. Валидовым в январе 1919 года, адресованное к советскому руководству признать их автономию, было встречено положительно. Так, председатель СНК РСФСР В. И. Ленин и народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин проявили заинтересованность в ослаблении войск А. В. Колчака и обеспечении перелома ситуации на Восточном фронте в свою пользу с привлечением новых союзников. Кроме того, они проявляли гибкость в урегулировании национального вопроса в отличие от их политических оппонентов. В итоге с 18 февраля 1919 г. Башкирское правительство и его войска перешли на сторону Советской власти.

20 марта 1919 г. в Москве состоялось подписание Соглашения центральной Советской власти с Башкирским правительством о создании автономной республики. Особое внимание в данном документе было уделено вооруженным силам Башкирской автономии. Они получили статус отдельного боевого объединения Красной Армии. В IX пункте Соглашения говорилось: «В целях укрепления советской власти в Башкирской Советской Республике и борьбы как с российской, так и мировой контрреволюцией организуется отдельная Башкирская армия в составе одной четырехполковой кавалерийской дивизии и одной трехполковой стрелковой бригады, подчиняющихся общему командованию и управляемых согласно положению о Красной Армии» [4, с. 637].

Через 10 дней после подписания Соглашения 30 марта 1919 г. в Москве при Президиуме Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК) было учреждено Представительство Автономной Башкирской Советской Республики. Башкирский военно-революционный комитет (правительство Башреспублики) назначил своими представителями видных деятелей, члена Башревкома Абдуллу Адигамова и бывшего адъютанта, командующего Башкирским войском, Абдрашита Бикбавава. Они принимали активное участие в подписании Соглашения между центральной советской властью и Башкирским правительством. Оба представителя имели равные права и были наделены широкими полномочиями. Они могли принимать участие «во всех заседаниях ВЦИК Советов, непременно присутствуя на тех из них, в которых обсуждаются вопросы, касающиеся непосредственно БСР или косвенно затрагивающие ее интересы» [6]. По этим же вопросам башкирские представители могли принимать участие на заседаниях СНК РСФСР, межведомственных совещаниях наркоматов РСФСР.

Представительству отводилась важная роль в создании и снабжении вооруженных сил Башкирской Республики. Представителям вменялось в обязанность: «Наблюдать, чтобы отдельная Башкирская армия и отдельные войсковые части, выставяемые БССР в целях укрепления Советской власти в Башкирии и борьбы против Российской и мировой контрреволюции, использовались по своему назначению и чтобы войсковые части не терпели ни в чем нужды и получали необходимые им оборудование, снаряжение и довольствие, а равно подлежащее техническое восполнение из общероссийского военного фонда» [6].

Для этих целей в представительстве был создан военный отдел, который состоял из четырех отделений: снабжения, учетного, распорядительно-хозяйственного и отделения связи с Башреспубликой. На отделение снабжения были возложены следующие функции: «истребование от главных довольствующих управлений военного имущества (вещевое, обозное, артиллерийское, техническое) для Башчастей, отправка полученного имущества по назначению (через товарно-транспортный отдел); наблюдение за правильностью плановых снабжений по штатам Башчастей, изыскание средств к удовлетворению заявленных требований, выяснение и устранение причин в задержке отпуска имущества. Собираение руководящих распоряжений

(законодательных актов) по военным ведомствам Центральной власти и Башправительством, переписка по предметам ведения» [4].

Учетное отделение Военного отдела выполняло следующие задачи: «Учет истребованного и отправляемого имущества, составление сведений о потребном имуществе, координацию работ по учету и потребности имущества с Башвоенкомом. Регистрация всех командированных в Москву военнослужащих Башчастей. Собираение сведений о численности и новых формированиях Башчастей» [7]. Распорядительно-хозяйственное отделение занималось вопросами переписки по организации строевой и хозяйственной части караульной команды Представительства, снабжением и учетом имущества команды. Немаловажную функцию выполняло отделение связи, которое должно было содействовать оперативной коммуникации с руководством военного отдела Башкирской автономии: «живая связь с Башреспубликой по отправке приказов и проч. в Башреспублику и доставка оттуда срочных пакетов всякого рода поручений» [7].

Таким образом, на военный отдел представительства Башкирской Республики при ВЦИК были возложены широкие полномочия по формированию и снабжению частей отдельной армии. Главным структурным подразделением военного отдела являлось отделение снабжения, которое, кроме своих вопросов, занималось систематизацией информации по оборонным ведомствам центральной Советской власти и правительства Башкирской Республики.

По распоряжению Башревкома решение военных вопросов было возложено на А. Бикбавова. Данное обстоятельство не было случайным, так как он, как один из представителей Башкирского войска, принимал активное участие в переговорах с командованием Красной Армии в городах Уфе и Симбирске с февраля 1919 г. Кроме того, он был также одним из организаторов подписания соглашения с центральной советской властью 20 марта 1919 г. Теперь же ему, как представителю национальных формирований, предстояла задача реализации пунктов соглашения относительно создания отдельной Башкирской армии.

Между тем на основании вышеуказанного соглашения Реввоенсовет РСФСР 5 апреля 1919 г. издал два секретных приказа №№ 615, 616. Первым приказом Революционный военный совет республики (РВСР) дал старт созданию Башкирской армии и постановил сформировать трехполковую стрелковую бригаду по штату приказа РВСР за № 220 «...при одном легком артиллерийском дивизионе, одной гаубичной батарее, роте связи, роте саперов» и четырехполковую кавалерийскую дивизию по штату приказа РВСР 1918 г. за № 460. При дивизии создавались конный артиллерийский дивизион, конно-гаубичная батарея и подразделение по содержанию патронного резерва. Создание этих формирований возлагалось на Башкирский военный комиссариат. Обмундирование, вооружение и снабжение формируемого объединения возлагалось на Центральное управление снабжения (ЦУС) Красной армии [5, с. 177].

Приказом № 616 Реввоенсовет утвердил Положение о Башкирском военном комиссариате, согласно которому он был наделен более широкими полномочиями, чем губернский военкомат. В административном отношении данное учреждение имело права окружного комиссариата. При этом военный комиссар республики наделялся правами командующего отдельной армией. Башкирский военный комиссариат был подчинен непосредственно Всероссийскому главному штабу и обеспечивался «...из центральных организаций снабжения российской армии» [8].

Однако в связи с контрастованием армии А. В. Колчака формирование Башкирской армии осложнилось. По приказу Реввоенсовета Башревком и его войсковые формирования были переброшены в г. Саранск Пензенской губернии, куда они прибыли к концу апреля 1919 г. Комплектование башкирских частей началось с мая 1919 г. в Саранске.

Значительную работу в Москве по обеспечению снабжения частей Башкирской армии осуществил А. Бикбавов. Так, 4 мая 1919 г. он сообщил в Саранск, что «...3 мая приступил к приему по расчету на 3000 комплектов следующих предметов снабжения в счет общего количества видов снабжения для отдельной Башкирской армии: шинелей 3000 штук, гимнастерок 3000 штук, исподних брюк 3000 штук» [9].

Между тем вопрос формирования управления армии все еще оставался открытым, хотя в приказе Реввоенсовета № 616 указывалось, что армия будет формироваться «по особому расписанию». Тем временем 16 мая 1919 г. Бикбавов подал доклад в Реввоенсовет РСФСР о необходимости формирования штаба Башармии [10]. Он просил также и руководство Башвоенкомата срочно выработать сокращенный штат армии и прислать в Москву. Через несколько дней представительство Башреспублики обратилось к начальнику Всероссийского

главного штаба с просьбой «...сделать внеочередное распоряжение... о формировании управления отдельной башкирской армии». По Соглашению 20 марта 1919 г. предполагалось, что «...должна быть создана отдельная башкирская армия, во главе которой, вполне естественно, должно находиться управление этой армии. Между тем приказами Революционного совета Республики от 5 апреля с. г. №№ 615 и 616, отданными в развитие этого договора, не установлено формирование подобного управления, как возглавляющего высшее командование и водительство на театре военных действий, так и объединяющего планомерную политическую работу в башкирской армии...» – констатировал представитель Башреспублики [11].

Однако Реввоенсовет и Главштаб РККА затягивали с решением данного вопроса. Более того, в июне 1919 г. руководство полевого штаба Красной армии, ссылаясь на решение Совета обороны РСФСР, объявило о том, что в составе РККА национальные армии не будут формироваться. Несмотря на это работа по комплектованию башкирских войсковых соединений в виде кавалерийской дивизии и стрелковой бригады продолжалась.

Представляя интересы Башкирской Республики в военной сфере А. Бикбавов взаимодействовал с руководством Реввоенсовета РСФСР, Всероссийским Главным Штабом, Полевым штабом РККА. При необходимости башкирские представители добивались встречи и с руководителями РСФСР. Так, в июне 1919 г., после того как Главком РККА И. Вацетис отдал приказ отправить башкирские полки на Южный фронт, А. Бикбавов и А. Адигамов встретились с В. И. Лениным и проинформировали вождя российского пролетариата о нецелесообразности такого решения.

Тем не менее Троцкий и Вацетис настояли на отправке башкирских частей на Южный фронт. В июне 1919 г. на территории г. Белебей Уфимской губернии Башвоенкомат приступил к формированию частей Башкирской стрелковой бригады и нескольких кавполков. 8 июля 1919 г. военный отдел представительства Башреспублики отправил 800 драгунских винтовок для формируемых кавалерийских частей.

При этом А. Бикбавов просил Башвоенкомат: «...через Фрунзе дайте сведения в ЦУС¹, что в Белебее формируется по приказу 615 два кавалерийских и 1 стрелковый полк. Также через Фрунзе передайте ЦУС, что приказом 615 снабжение Башармии возложено непосредственно на ЦУС» [12]. К августу 1919 г. представительство добилось получения обмундирования и снаряжения для трех башкирских полков и 500 комплектов для конского запаса.

Башкирские представители констатировали, что «...неоднократно просили сообщать ЦУС и Всеглавштабу о всех мельчайших формированиях, но наши просьбы остались тщетными. Никто не знает, где какие башчасти формируются, и это ужасно тормозит снабжение армии» [13].

В сентябре 1919 г. по приказу председателя Реввоенсовета РСФСР Л. Троцкого отдельная Башкирская стрелковая бригада из Белебея была переброшена в Петроград. Вместе с отдельной Башкирской кавалерийской дивизией, прибывшей позже, они составили Башкирскую группу войск Петроградского фронта, которые в совокупности объединяли более 10 тысяч военнослужащих.

В этой ситуации для представительства Башреспублики обозначилась новая задача – это организация снабжения всем необходимым башкирских войск в Петрограде. Кроме того, в конце августа 1919 г. на сторону Красной Армии перешла Башкирская кавбригада под командованием М. Л. Муртазина. Для обеспечения вышеуказанных частей пополнением в республике были сформированы запасные войсковые подразделения, численность которых достигла около 15 тысяч человек. К концу сентября через А. Бикбавова для башкирских частей было передано 25 тысяч комплектов утепленного обмундирования. Как видно, представители Башреспублики подключались к разрешению самых сложных вопросов.

Несмотря на неоднократные просьбы Башвоенкомата, возвращение башкирских частей из Южного фронта задерживалось. В конце сентября 1919 г. А. Адигамову пришлось отправиться на Южный фронт для решения данного вопроса. После этого в 20-х числах октября Башкирский сводный полк прибыл на территорию Петроградской губернии. С декабря 1919 г. по приказу командующего Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе отдельная Башкирская кавбригада М. Л. Муртазина была включена в состав 5-й кавдивизии как 2-я бригада. С упразднением башкирского формирования не согласилось руководство Башревкома и Башвоенкомата. В итоге благодаря усилиям представителей правительства республики, которые вошли с ходатайством к Л. Д. Троцкому, Башкавбригада сохранила свой статус [14].

¹ Центральное управление снабжения РККА.

После победы над армиями Колчака, Деникина и Юденича власть большевиков укрепи-лась, и теперь центральная советская власть уже рассматривала вопрос о пересмотре взаимоотношений с Башкирской Советской Республикой в сторону ограничения ее автономии. В этой связи постепенно стала обсуждаться целесообразность функционирования башкирских войсковых частей [2, с. 400]. Так, приказом Реввоенсовета РСФСР от 23 апреля 1919 г. воинские соединения Башреспублики в оперативном отношении были подчинены Заволжскому военному округу. Затем декретом ВЦИК и СНК РСФСР «О государственном устройстве Автономной Советской Башкирской Республики» от 19 мая 1920 г. Башкирский военный комиссариат передан в подчинение Заволжскому окружному военному комиссариату [3, с. 116].

С принятием последнего декрета Башреспублика практически лишилась как политических, так и экономических полномочий, гарантированных Соглашением от 20 марта 1919 г. Одновременно произошло определенное изменение статуса и полномочий представительства Башкирской Республики в Москве. Так, его военный отдел был упразднен. При этом представительство из подчинения ВЦИК оказалось переподчинено народному комиссариату по делам национальностей РСФСР, а представители А. Бикбавов и А. Адигамаев были заменены другими людьми.

Итак, представительство Башкирской Советской Республики при ВЦИК РСФСР было учреждено в результате заключения соглашения центральной Советской власти с Башкирским правительством. Данная структура обладала широкими полномочиями, в том числе и в военном вопросе. Оно сыграло важную роль при формировании и организации снабжения вооруженных сил Башкирской Республики. Для этих целей в представительстве функционировала особая структура – это военный отдел, где А. Бикбавов был наделен статусом представителя Башкирской армии. В своей деятельности башкирские уполномоченные взаимодействовали с высшими руководящими органами Красной Армии и руководителями РСФСР.

Список литературы

1. *Асфандияров А. З.* Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа, 2005. 256 с.
2. *Ганин А. В.* Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. 864 с.
3. *Ишемгулов Н. У.* Образование Башкирской республики. Уфа, 2018. 172 с.
4. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы : в 4 т. / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Т. 2. Ч. 1. Уфа, 2002. 680 с.
5. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы : в 4 т. / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Т. 2. Ч. 2. Уфа, 2003. 696 с.
6. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 629. Оп. 1. Д. 36. Л. 42.
7. НА РБ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
8. НА РБ. Ф. 700. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.
9. НА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 76. Л. 12.
10. НА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 65. Л. 178.
11. НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 395. Л. 213, 215.
12. НА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 76. Л. 17.
13. НА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 76. Л. 53.
14. НА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 76. Л. 44.
15. *Таймасов Р. С.* Участие башкир в Гражданской войне. Кн. 1. В лагере контрреволюции (1918 – февраль 1919 гг.). Уфа : РИЦ БашГУ, 2009. 199 с.

Military activity of the representative office of the Autonomous Bashkir Soviet Republic at the Central Executive Committee in 1919–1920

A. I. Akmanov¹, A. Sh. Yarmullin²

¹Doctor of Historical Sciences, professor, vice-president, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. Russia, Ufa. E-mail: aytuganakmanov@gmail.com

²head of the department, National archive of the Republic of Bashkortostan. Russia, Ufa. E-mail: azat-julan@mail.ru

Abstract. The article deals with some aspects of the military activities of the representative office of the first Republic in the RSFSR – the Autonomous Bashkir Soviet Republic. The authors draw attention to the historical traditions and regularity of the creation of military formations of the Bashkirs in 1919–1920. The

initial active service of a large part of the Bashkirs in the white army was gradually curtailed due to the lack of commitments on the prospects of national-state construction. One of the important conditions for the transition of the Bashkirs to the side of the Soviet government in the conditions of the civil war was the preservation and strengthening of national military formations. By Agreement of the Central Soviet government with the Bashkir government on March 20, 1919, the Bashkir military units received the status of a separate combat unit of the red army – a separate Bashkir Red Army. To ensure operational interaction between the Central Soviet government and the leadership of the Republic, a Bashkir representative office was established at the Central Executive Committee of the RSFSR. In the representation of the Bashkir Soviet Republic there was a special structure-the Military Department, which was directly involved in the formation and supply of Bashkir units of the red army. The representative office made a great contribution to the creation of Bashkir units and formations for the red Army, coordinating their formation and supply. In particular, this was reflected in the organizational assistance in the transfer of the relevant Bashkir formations to the theaters of military operations, providing personnel with uniforms, food, weapons and ammunition. The cessation of the active phase of the civil war led to the gradual cessation of the representative office's activities in this direction. In 1920, the military Department of the representative office of the Republic of Bashkortostan was abolished.

Keywords: autonomy, Bashkir troops, Red Army, agreement, revolutionary military council.

References

1. *Asfandiyarov A. Z. Kantonnoe upravlenie v Bashkirii (1798–1865 gg.)* [Cantonal administration in Bashkiria (1798–1865)]. Ufa. 2005. 256 p.
2. *Ganin A. V. Sem' "pochemu" rossijskoj Grazhdanskoj vojny* [Seven "why" of the Russian Civil War]. M. 2018. 864 p.
3. *Ishemgulov N. U. Obrazovanie Bashkirskoj respubliki* [Formation of the Bashkir Republic]. Ufa. 2018. 172 p.
4. *Nacional'no-gosudarstvennoe ustrojstvo Bashkortostana (1917–1925 gg.). Dokumenty i materialy : v 4 t. – The National-state structure of Bashkortostan (1917–1925). Documents and materials : in 4 vols. / author-comp. B. H. Yuldashbayev. Vol. 2. Part 1. Ufa. 2002. 680 p.*
5. *Nacional'no-gosudarstvennoe ustrojstvo Bashkortostana (1917–1925 gg.). Dokumenty i materialy : v 4 t. – The National-state structure of Bashkortostan (1917–1925). Documents and materials : in 4 vols. / author-comp. B. H. Yuldashbayev. Vol. 2. Part 2. Ufa. 2003. 696 p.*
6. *Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB) – The National Archive of the Republic of Bashkortostan (NA RB). F. 629. Inv. 1. File 36. Sh. 42.*
7. NA RB. F. 629. Inv. 1. File 1. Sh. 13.
8. NA RB. F. 700. Inv. 1. File 38. Sh. 1.
9. NA RB. F. 1107. Inv. 1. File 76. Sh. 12.
10. NA RB. F. 1107. Inv. 1. File 65. Sh. 178.
11. NA RB. F. 1832. Inv. 4. File 395. Sh. 213, 215.
12. NA RB. F. 1107. Inv. 1. File 76. Sh. 17.
13. NA RB. F. 1107. Inv. 1. File 76. Sh. 53.
14. NA RB. F. 1107. Inv. 1. File 76. Sh. 44.
15. *Tajmasov R. S. Uchastie bashkir v Grazhdanskoj vojne. Kn. 1. V lagere kontrrevolyucii (1918 – fevral' 1919 gg.)* [Participation of Bashkirs in the Civil war. Book 1. In the camp of the counter-revolution (1918–February 1919)]. Ufa. RIC BashSU. 2009. 199 p.

Атомная энергетика СССР в период разрядки международной напряженности: инструмент экономической и политической интеграции?

В. А. Василькова

аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского.

Россия, г. Нижний Новгород. ORCID: 0000-0002-3196-4115. E-mail: vasilkovava@idist.ru

Аннотация. В статье обобщается опыт экспорта Советским Союзом технологий в сфере мирного атома в период разрядки международной напряженности. Работа не только раскрывает детали и промежуточные итоги сотрудничества СССР с развивающимися и развитыми странами, но и затрагивает вопросы производственно-экономических отношений Москвы со странами социалистического блока, в том числе создание специализированных объединений и органов управления. Отмечается рост важности и приоритета экономического стимула в период разрядки международной напряженности. Однако, несмотря на стимулирование роста экономических отношений, имел место ряд спорных вопросов, обозначившихся по мере развития международного обмена в сфере мирного атома: страх использования направленных в третьи страны технологий и материалов в военных целях, конкуренция между различными технологическими и производственными школами, обострение проблемы неравенства стран на очередном этапе научного и технологического развития.

На основании изученных источников в заключении дается неоднозначная оценка влияния экспорта СССР на интеграционные процессы, характерные для периода разрядки. Так, увеличение количества научных и производственных объектов, созданных при техническом содействии Советского Союза, как в странах Восточной Европы, так и Северной Европы, а также Ближнего Востока подталкивало Вашингтон и дружественные ему страны-экспортеры к поиску сдерживания технологической экспансии Москвы. Кроме того, уменьшилась возможность для обмена технологиями между сверхдержавами и некоторыми из их союзников и нейтралистских стран ввиду того, что в период 1950–1960-х гг. они продолжали реализовывать национальные программы по созданию ядерного оружия.

Ключевые слова: СССР, разрядка международной напряженности, атомная энергетика, экспорт технологий, холодная война.

Экономический стимул в условиях роста взаимной интеграции стран в период разрядки международной напряженности стал приобретать все больший вес и побуждал к поиску путей расширения сотрудничества в целях увеличения объемов товарного и технологического обменов.

При этом одним из существенных вопросов повестки экономических взаимоотношений стран стал обмен передовыми технологиями и сопряженными с ними услугами, в том числе в сфере атомной энергетики.

Важность этого обмена, с одной стороны, объяснялась растущей потребностью развивающихся стран в формировании собственных национальных производственных и энергетических систем в постколониальный период. С другой стороны, если мы говорим о развитых странах, то их интерес был обусловлен стремлением к освоению передовых технологий для обеспечения сохранения конкурентоспособности экономической и научной сфер и поддержания имеющегося политического статуса.

Помимо экономического интереса стран к использованию энергии мирного атома свою роль играла также невозможность для многих из них получить статус державы, обладающей ядерным оружием, поскольку государства – члены ядерного клуба, в первую очередь США и СССР, проводили методичную работу, направленную на отсечение прочих стран от возможности проведения соответствующих военных разработок. Обозначившаяся в начале 60-х гг. XX в. тенденция на становление разрядки международной напряженности, отчасти подогреваемая страхом ядерной войны, способствовала углублению этой тенденции, выводя тему военных разработок в сфере атома за пределы легитимной повестки для тех стран, которые на тот момент ядерным оружием не обладали.

В этом смысле показателен интерес Соединенных Штатов к ядерным программам Израиля, Франции, Южной Африки и других стран.

Как бы то ни было, США и Советский Союз активно презентовали свои успехи в сфере промышленного и сельскохозяйственного строительства, создания современных инфраструктурных и энергетических объектов. При этом СССР преследовал широкий спектр гуманитарных, политических и экономических целей.

Популяризация советского опыта в сфере атомной энергетики происходила не только посредством демонстрации успешно функционирующих объектов, участия в научных мероприятиях, использования своего влияния в международных организациях, но и, в отдельных случаях, в готовности организовать и провести за свой счет выставки на территории заинтересованных стран, которые раскрывали бы возможности использования атома в мирных целях [30; 34].

Однако одной лишь презентацией дело не ограничивалось и дружественным странам оказывалась материальная и техническая помощь, как в создании отдельных объектов, так и в формировании национальных исследовательских школ. Необходимость указанной помощи была обусловлена тем, что в некоторых государствах количество специалистов, имеющих инженерное образование, являлось недостаточным для проведения требующихся конструкторских и строительного-монтажных работ.

Если обратиться к статистическим данным, то картина технического сотрудничества СССР с развивающимися странами в целом выглядит следующим образом.

Таблица 1

Число предприятий, сооружений и других объектов, построенных за послевоенный период, строящихся и подлежащих строительству за границей при техническом содействии СССР по отраслям хозяйства (развивающиеся страны)
 [3, с. 744; 4, с. 796; 5, с. 775; 6, с. 758; 7, с. 578; 8, с. 553; 9, с. 571]

Наименование показателя	на 01.01.73		на 01.01.74		на 01.01.75		на 01.01.76		на 01.01.78		на 01.01.79		на 01.01.80	
	всего по соглашениям	введено в эксплуатацию												
Всего предприятий	858	412	871	448	899	472	954	507	1 035	583	1 069	606	1 157	643
из них по отраслям хозяйства														
промышленность	423	166	416	180	420	194	426	208	447	250	463	259	508	278
в том числе														
электроэнергетика	65	26	69	28	70	31	74	33	88	49	96	51	99	58
черная металлургия	19	10	20	11	20	12	21	12	21	13	21	13	21	16
цветная металлургия	16	3	16	2	17	3	17	3	16	7	17	7	17	8
угольная промышленность	13	3	12	3	12	3	14	6	24	11	24	11	24	11
нефтеперерабатывающая и нефтехимическая промышленность	11	7	12	9	12	9	12	9	10	9	10	9	11	9
химическая промышленность	15	4	14	4	14	5	14	6	10	5	10	5	9	5

Окончание табл. 1

Наименование показателя	на 01.01.73		на 01.01.74		на 01.01.75		на 01.01.76		на 01.01.78		на 01.01.79		на 01.01.80	
	всего по соглашениям	введено в эксплуатацию												
машиностроение и металлообработка	51	37	47	37	49	39	53	40	51	42	49	44	74	44
промышленность строительных материалов	27	5	29	7	29	8	31	8	33	11	34	11	34	13
легкая промышленность	22	6	23	7	26	7	25	7	25	7	26	10	25	10
пищевая промышленность	51	19	44	20	42	21	56	22	61	23	62	24	75	25
мукомольно-крупяная и комбикормовая промышленность	90	23	88	30	89	34	68	38	66	42	66	42	62	47
сельское хозяйство	116	55	120	59	129	61	138	66	149	73	155	75	308	175
транспорт и связь	70	49	72	53	82	56	88	58	96	61	100	63	294	210
просвещение, культура, здравоохранение, спортивные сооружения	173	106	183	112	187	116	215	129	252	145	245	144	282	88
жилищное и коммунальное хозяйство	7	4	7	4	7	4	9	6	12	8	12	9	69	43

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что объекты энергетики наряду с производственными, сельскохозяйственными предприятиями и социальными сооружениями, входили в первую пятерку объектов, техническое содействие в строительстве которых оказывал Советский Союз.

Отметим, что первая в мире атомная электростанция заработала под Москвой в городе Обнинске в июне 1954 года. Вслед за ней началось строительство промышленных энергоблоков Нововоронежской атомной электростанции.

Спустя непродолжительное время после формирования фундамента советской атомной энергетики были подписаны первые двусторонние соглашения с Чехословакией и Германской Демократической Республикой об оказании СССР научно-технической помощи последним, как в создании опытно-промышленных атомных электростанций, так и специализированных научных центров.

Активность Советского Союза, конечно, не осталась незамеченной в Вашингтоне: в конце 1950-х гг. XX в. США в свою очередь вели активные переговоры о возможных формах сотрудничества с Европейским сообществом по атомной энергетике [25].

Более того, на первой конференции, ознаменовавшей начало работы Международного агентства по атомной энергии (далее – агентство, МАГАТЭ), которая прошла в 1957 году, по

мнению американской стороны, явственно обозначилось стремление СССР к гегемонии в пространстве мирного атома. В докладе американской делегации, в частности, отмечено, что участие в конференции приняли не только представители Советского Союза, но и Чехословакии, а также Югославии. При этом специалисты социалистических стран придерживались схожей политической позиции, голосуя исходя из собственных стратегических интересов. Также им удалось убедительно продемонстрировать наличие успешно функционирующих на практике технических разработок, тем самым подтвердив свой высокий научный статус [31, с. 5].

По результатам анализа расклада сил, который имел место быть на конференции, в указанном докладе сделан вывод о том, что для захвата и удержания главенствующей роли в деятельности агентства США следует развивать работу по следующим ключевым направлениям [31, с. 8–9]:

- быть готовыми предложить альтернативные привлекательные проекты в сфере мирного атома для реализации на территории развивающихся стран в качестве альтернативы инициативам СССР;
- увеличить расходы на обучение специалистов под эгидой агентства;
- стимулировать деятельность агентства, инициировать проведение все новых и новых мероприятий международного уровня;
- развивать контакты со странами-членами агентства;
- лоббировать интересы США посредством углубления контактов с секретариатом организации;
- оказывать влияние на получение странами членства в агентстве с целью сохранения выгодного США расклада сил в организации.

Отдельно подчеркивалась важность взвешенных и осторожных действий, которые не смогли бы явно обнаружить стремление Вашингтона реализовывать свои личные национальные интересы посредством агентства.

Тем временем СССР продолжал наращивать объемы экспорта технологий.

К 1973 году проектирование и строительство атомных электростанций с реакторами ВВЭР-440 при содействии СССР осуществлялось в таких странах, как ГДР, Народная Республика Болгария, Венгерская Народная Республика, Финляндия, Чехословакия [2, с. 21]. Помимо этого, сотрудничество осуществлялось также в рамках строительства производственных предприятий, обмена опытом, в том числе по вопросу подготовки научно-технических кадров, осуществления совместных разработок на базе объединенного института ядерных исследований, подготовки общих норм и требований в части разработки и эксплуатации энергетического оборудования.

Сотрудничество, как правило, закреплялось международными соглашениями. Их массу можно разделить на две большие группы. К первой относятся договоренности о создании конкретных объектов, вторые касаются основ научно-технического сотрудничества в сфере.

Анализ соглашений позволяет выделить следующие ключевые моменты. Важной их частью являлось утверждение приоритета использования научных разработок в сфере атома в мирных целях в духе разрядки международной напряженности. Нередко этот важный аспект обозначался уже в преамбуле [13, с. 111].

Если договор касался научного обмена в целом, в некоей научно-практической области, то выделялись следующие ключевые направления взаимодействия [14, с. 167; 15]:

- проектирование, конструирование и эксплуатация атомных исследовательских и энергетических экспериментальных реакторов;
- проведение научно-исследовательских работ в области ядерной физики;
- проведение научно-исследовательских работ в области радиационной химии;
- разработка и эксплуатация ускорителей элементарных частиц;
- производство радиоактивных изотопов и их применение в различных отраслях народного хозяйства, медицине и науке;
- защита от ядерных излучений;
- переработка и обезвреживание радиоактивных отходов;
- взаимное обучение (стажировка) специалистов в области ядерной физики, атомной техники, радиационной химии, а также в иных научных областях.

Соглашения о создании конкретных объектов предусматривали следующие обязательства СССР [17]:

- создание технических проектов и рабочих чертежей;
- поставка основного оборудования, приборов и материалов для объекта;
- передача инструкций к поставленному оборудованию;
- поставка оборудования для осуществления строительных и монтажных работ;
- обеспечение обмена специалистами.

В этом же 1973 году для контроля над реализацией международных соглашений в сфере атомной энергетики было создано специализированное объединение «Атомэнергоэкспорт», а также Всесоюзное объединение «Союзглавзагранатомэнерго». Обеспечение выполнения соглашений также было возложено на Министерство энергетики и электрификации СССР и Государственный комитет по внешнеэкономическим связям.

Благодаря сотрудничеству СССР с зарубежными странами появились следующие исследовательские объекты в сфере атомной энергетики [2, с. 22–23]:

- Объединенный институт ядерных исследований (1956 г.);
- Физический институт в Ланчжоу (1958 г.);
- исследовательский реактор ВВР-С тепловой мощностью 4 МВт в г. Ржеж (1959 г.);
- исследовательский реактор ВВР-С тепловой мощностью 2 МВт, комплекс физических и химических лабораторий в г. Дрезден (1960 г.);
- Научный центр им. Бориса Кидрича с тяжеловодным реактором мощностью до 10 МВт в Югославии (1960 г.);
- исследовательский реактор на 2 МВт в Объединенной Арабской Республике (1961 г.);
- Институт ядерной физики с экспериментальным реактором ИРТ и радиохимической лабораторией близ г. София;
- Институт ядерных исследований и исследовательский реактор типа ВВР-С мощностью 2 МВт в г. Бухарест;
- Институт ядерных исследований и Центр по подготовке персонала для атомной энергетики с исследовательским реактором ВВР-С мощностью 2 МВт, институт ЦИФИ в Венгерской Народной Республике;
- исследовательские центры с типовым набором установок и оборудования в Ираке и КНДР (1965–1966 гг.);
- реактор ВВР-С и исследовательский реактор «Мария» на 40 МВт в Польской Народной Республике.

В аналитических материалах, подготовленных Вашингтоном по случаю ввода научного центра им. Бориса Кидрича в эксплуатацию, отдельный раздел был посвящен роли СССР в создании этого объекта. Акцентировалось внимание на возникших при строительстве трудностях и задержках [27]. При этом в целом ядерная программа Югославии не оценивалась Соединенными Штатами как потенциально опасная.

Как отмечалось ранее, наибольший интерес к разработкам Советского Союза в сфере атомной энергетики проявляли страны, вынужденные искать альтернативные источники энергии ввиду нехватки энергоемких природных ресурсов, а также нуждающиеся в быстрых темпах прироста мощностей для удовлетворения потребностей формирующегося промышленного сектора. К числу таких стран относились государства различных регионов мира: Восточной Европы, Ближнего Востока [18], Азии.

Дополнительную привлекательность контрактам с СССР придавало обязательство последнего по приемке отработанного топлива для его дальнейшего хранения или переработки [2, с. 35], а также возможность оплаты оказанной помощи посредством кредитов, предоставляемых Советским Союзом развивающимся странам на оплату строительства объектов, национальной валютой заемщика, или путем поставки товаров – преимущественно сырья, сельскохозяйственной продукции и продукции легкой промышленности.

Так, в 1968 году между Индией и СССР был подписан протокол о готовности стран к наращиванию сотрудничества в сфере мирного атома. Этому предшествовал обмен специалистами, в ходе которого индийские ученые посетили объекты атомной энергетики Советского Союза, познакомились с применением ядерных технологий в промышленности, сельском хозяйстве и медицине. На момент 1968 года сторонами было обозначено не менее 4 перспективных направлений сотрудничества с указанием места проведения научных работ и перечня соответствующих специалистов [26]. Сотрудничество продолжало развиваться и в последующие годы.

Более неоднозначно обстоит вопрос технологического обмена СССР со странами Азии. Одной из основных причин стало обострение вопроса обеспечения безопасности.

В 1960 году в рамках работы МАГАТЭ развернулась дискуссия по вопросу гарантий, которые должны предоставить страны для подтверждения использования ими полученных технологий и материалов исключительно в мирных целях. Выдвинутые Соединенными Штатами и их союзниками предложения были оценены странами социалистического блока, Индией, рядом стран Юго-Восточной Азии, как избыточные и дискриминационные по отношению к странам третьего мира [28, с. 15–17].

На самом деле страх использования принимающими странами полученных технологий не только в мирных, но и военных целях стал неотъемлемым спутником их экспорта. Несмотря на гарантии того, что это не представляется возможным, существовало мнение, что сам факт приобщения стран к ядерным технологиям и создание национальной исследовательской базы в этой сфере при желании в дальнейшем могли послужить основой для проведения военных разработок. По этому непростому вопросу между США, Великобританией и Канадой в конце 50-х гг. развернулась активная дискуссия. Среди предложений, которые выдвинула канадская сторона для обеспечения использования экспортируемых расходных материалов исключительно в мирных целях, были усиление международного контроля над процессами разделения изотопов, развитие системы контроля над содержанием и реализацией национальных исследовательских программ в сфере атома, проведение инспекции соответствующих объектов [39, с. 12]. Однако источником критики выступал не только Вашингтон, но и Москва, выразившая в прессе недовольство по поводу мер, предпринимаемых США в отношении ядерной программы Южной Африки, усматривая неискренность и двойные стандарты [37].

Опасения Соединенных Штатов по вопросу безопасности вновь разгорелись в период работы над договором о нераспространении ядерного оружия в 1968 году [23, с. 4–5]. Формированию итогового документа препятствовали претензии некоторых стран, указывающих на избыточность требований, призванных обеспечить использование полученных странами материалов, технологий и оборудования исключительно в мирных целях, вплоть до обвинений в желании полностью закрыть для них доступ к современным технологиям. Кроме того, выражалось недовольство тем, что в значимых международных организациях, таких, например, как МАГАТЭ, доминирующее положение занимали державы – члены ядерного клуба.

В этом контексте можно выделить проблему расширения Тайванем своей ядерной программы. Изначально она носила мирный характер и предполагала создание исследовательских мощностей. Однако вскоре Тайвань обозначил потребность в строительстве химического предприятия для нужд атомной отрасли, чем были обеспокоены в Вашингтоне [24, с. 26]. Как показали будущие события – не беспочвенно. Помимо прочего, интерес Тайваня к проведению военных разработок в сфере атома объяснялся сложной геополитической ситуацией, в которой находилась страна, лишь частично признанная и соседствующая с Китаем.

Возвращаясь к теме сотрудничества СССР со странами Азии по вопросу экспорта технологий в сфере атома, отметим, что в 1955 году Китай строил достаточно амбициозные планы по формированию национальной исследовательской базы, причем не только в мирных целях. Готовность Советского Союза оказывать технологическое и образовательное содействие в этот период воспринималась КНР в позитивном ключе [22]. В 1956 году китайской стороной в адрес Советского Союза было подготовлено обращение, содержащее просьбы о рассмотрении возможности содействия КНР в создании одного или нескольких современных атомных объектов, формировании соответствующих перспективных планов, поставке необходимого оборудования и расходных материалов, проведении строительно-монтажных работ, а также направлении советских специалистов в Китай для оказания консультационной и организационной помощи и принятии ученых из КНР на обучение в СССР [36]. Однако в силу роста напряженности между странами, а также усиления движения за нераспространение ядерного оружия Советский Союз поставил на паузу обмен с КНР [35].

Что касается КНДР, то, несмотря на явный интерес Северной Кореи [29; 32], развитие сотрудничества тормозилось ввиду непростой геополитической обстановки, сложившейся в регионе, а также из-за нарушения корейской стороной своих обязательств по ранее достигнутым торговым договоренностям с СССР [33].

Несмотря на обозначенные спорные моменты, советский экспорт продолжал развиваться.

В результате растущего спроса и наличия крупных перспективных контрактов, в том числе с несоциалистическими странами, такими как Финляндия и Ливия, собственное производство комплектующих для сооружения и обеспечения работы атомных электростанций по-

лучило дополнительный стимул развития, что привело к созданию завода «Атоммаш», переоснащению и модернизации машиностроительных и металлургических предприятий СССР.

Важным было и то, что Советский Союз приложил усилия по формированию международной кооперации в сфере производства оборудования для индустрии мирного атома. Так при участии стран СЭВ была создана производственная кооперация, в рамках которой каждая из стран специализировалась на производстве того или иного оборудования для атомных энергетических объектов. Для этих целей в 1973 году было образовано Международное хозяйственное объединение «Интератомэнерго». Вовлечение стран соцлагеря в процессы производства оборудования для отрасли атомной энергетики имело как политическое, так и экономическое значение, укрепляя связи стран с СССР.

Подобного рода сотрудничество нашло свое отражение, например, в соглашении с Чехословакией от 15.11.1976. В статье 2 соглашения отмечено, что стороны в том числе обеспечат взаимодействие компетентных специалистов по вопросу производства в порядке кооперации восьми реакторных установок типа ВВЭР-440 с соответствующим комплектующим оборудованием, а также по вопросу разработки проектно-технической документации на унифицированное оборудование реакторных установок ВВЭР-1000 и ВВЭР-500 [21].

Затронем также вопрос об экономических выгодах СССР от вложений в энергосистемы других государств.

По-прежнему сохраняется мнение о том, что отношения Советского Союза и развивающихся стран носили асимметричный характер, предполагая выделение Москвой чуть ли не безвозмездной помощи. Безусловно, материальная поддержка, которую оказывали сверхдержавы в период холодной войны, имела явный политический подтекст, не всегда предполагала адекватную материальную отдачу и в большей степени была направлена на «покупку» политической верности и солидарности.

Вместе с тем по вопросу экспорта технологий в сфере мирного атома речь могла идти о возможности получения Советским Союзом следующих экономических выгод:

- непосредственная оплата строительства объектов;
- рост экспорта оборудования и расходных материалов, необходимых для обеспечения функционирования объектов атомной энергетики за рубежом;
- развитие собственной профильной промышленности;
- повышение конкурентоспособности советской атомной энергетики на международном рынке за счет увеличения количества объектов, созданных и функционирующих по советским технологиям;
- возможность создания объектов на бартерной основе для получения доступа к различным ресурсам прочих стран (в случае неплатежеспособности либо низкой платежеспособности страны, на территории которой планировались к созданию объекты, а также в случае особой ценности указанных ресурсов);
- получение части прибыли по результатам деятельности предприятий, созданных при техническом или материальном содействии СССР;
- рост числа зарубежных контрактов ввиду делегирования части производственных операций иным странам.

Часть проектов действительно принесла Советскому Союзу существенную прибыль, в том числе в валюте. В этом смысле выделяются объекты, созданные в Ливии.

Кроме того, в соглашении [19] с ливийской стороной от 04.03.1972, закреплявшем сотрудничество, можно увидеть интересное условие, касающееся покупки сырой ливийской нефти с последующим правом реэкспорта в качестве оплаты части затрат советской стороны на создание объектов¹.

¹Соглашение с Ливийской Арабской Республикой носило комплексный характер и предполагало не только строительство атомной электростанции, но и проведение геологоразведочных работ на твердые полезные ископаемые, составление геологической карты территории Ливии, геолого-съёмочные работы на прибрежной полосе Ливии, утонение природных запасов газа и нефти, создание нефтеперерабатывающего завода, опреснительных установок с целью использования опреснённых вод в сельском хозяйстве, разработку ТЭО на строительство линии электропередач и подстанций для создания единой энергосистемы ЛАР-АРЕ и при необходимости сотрудничество в строительстве, сотрудничестве в изучении возможностей строительства металлургического завода и участие в его сооружении, сотрудничестве в области железнодорожного строительства.

В целях реализации указанного соглашения в 1975 году было подписано два протокола [10; 11]. Протоколами предусматривалось создание на территории Ливии атомной электростанции, а также Центра атомных исследований, включающего исследовательский реактор мощностью 2 МВт с возможным в дальнейшем расширением до 10 МВт, лабораторию для получения радиоактивных изотопов, ускоритель элементарных частиц, установку «Токамак» для исследования горячей плазмы. Кроме того, протоколом от 01.08.1979 предусматривалось строительство на территории Ливии второго блока двухцелевой атомной электростанции для производства электроэнергии и опреснения морской воды с реактором на легкой воде под давлением (БВЭР) электрической мощностью 440 МВт и опреснительными установками производительностью примерно 40 тыс. м³ питьевой воды в сутки [12].

Энергия мирного атома, очевидно, становилась перспективной и прибыльной нишей энергетики. К концу 1960-х гг. между странами, осуществляющими разработку инженерных решений для атомных электростанций, уже существовала конкурентная борьба [1], подстегиваемая не только стремлением к получению экономических выгод, но и молодостью отрасли и, следовательно, новизной, неординарностью конструкторских задач.

Особым проектом в контексте холодной войны и разрядки международной напряженности является строительство АЭС «Ловииза» в Финляндии [2, с. 80–91]. Советское руководство приложило немало сил для того, чтобы получить тендер на создание этого объекта.

Во многом причиной было желание взять под контроль реализацию крупного проекта в сфере ядерных технологий, планируемого к созданию в непосредственной близости от границ СССР. В связи с этим в ходе длительных переговоров советская сторона предложила создать указанный объект «под ключ», взяв на себя внушительный объем обязательств, в том числе по монтажу и пусконаладочным работам. При этом проект АЭС пришлось разрабатывать с учетом использования западного оборудования из США, ФРГ, Канады, Франции, Англии. К объекту также предъявлялись повышенные требования в вопросах безопасности и автоматизации для минимизации возможных ошибок операторов.

Сотрудничество с Финляндией было закреплено соответствующим соглашением [16]. Помимо описания условий взаимного обмена оборудованием, материалами, а также технической документацией, в соглашении многократно по сравнению с аналогичного рода документами, подписанными с социалистическими странами, подчеркивался мирный характер сотрудничества, что объяснялось политическими причинами.

Дело в том, что в период холодной войны Финляндия относилась к группе нейтралистских стран, испытывая ожидаемое давление по вопросу развития своих контактов со странами, входящими в противоборствующие блоки. Даже видимость избыточного внимания Финляндии к той или иной стороне могла привести к политическим осложнениям. В этой связи нейтралистские страны проявляли особую осторожность в публичной риторике. Начавшийся период разрядки международной напряженности не смог существенно изменить для нейтралистских стран установленный порядок.

Упомянем также и о сближении СССР и Франции. Не является секретом, что Шарль де Голль стремился к проведению более самостоятельной внешней политики, а также к развитию национальной армии, не исключая ее укрепление передовым оружием. Получив достаточно определенную реакцию из Вашингтона, а также от европейских соседей на эти устремления, Франция стала углублять контакты с СССР, в том числе в интересующей ее сфере атома, чему способствовала нарастающая в то время разрядка международной напряженности. В двустороннем соглашении от 1975 года отмечено, что страны намерены развивать сотрудничество, в том числе в сфере атомной энергетики [20]. Отсутствие какой бы то ни было конкретики по существу этого сотрудничества или отсылки к созданию, обслуживанию конкретных объектов не делало соглашение менее значимым, так как ясно демонстрировало наличие реальной и привлекательной альтернативы США и другим западным экспортерам технологий в сфере атома в лице СССР. При проведении международных консультаций и переговоров Франция также выражала свое несогласие с мерами безопасности, предлагаемыми США и их западными союзниками [38].

Подводя итоги, попробуем ответить на вопрос: можно ли считать, что экспорт Советским Союзом технологий в сфере атомной энергетики способствовал росту интеграционных процессов в период разрядки международной напряженности?

Исходя из исследованного материала однозначный ответ на данный вопрос дать затруднительно.

С одной стороны, укреплялись экономические и научно-технические связи СССР со странами социалистического блока, развивающимися странами и вполне себе развитыми капиталистическими благодаря их потребности в получении доступа к советским технологиям, как для целей развития энергетического комплекса, так и для формирования национальной исследовательской базы. Отдельные страны получили дополнительный материальный бонус в виде участия в производственной кооперации с Советским Союзом в процессе исполнения крупных международных контрактов на создание исследовательских и производственных объектов. В свою очередь СССР благодаря отелльным условиям соглашений, которыми, как правило, оформлялось подобного рода сотрудничество, развивал свое экономическое присутствие в иных государствах, например, благодаря формированию кредитных отношений, а также получению доступа к интересующим его ресурсам.

Имело место и укрепление политического и научного авторитета СССР, что, безусловно, приобрело особую важность в период разрядки международной напряженности, позволяя усилить позиционирование себя в качестве миролюбивой державы не только словом, но и делом. Тема мирного атома носила компромиссный характер, предлагая альтернативный способ приобщения к современным технологиям тем странам, которые не «успели» зарезервировать себе место в ядерном клубе. Советский Союз активно пропагандировал важность равного доступа стран к передовым научным достижениям, успешно подкрепляя это практикой создания исследовательских и промышленных объектов в развивающихся странах при собственном непосредственном участии и на льготных условиях.

Не забудем и о политическом аспекте вопроса. В условиях разрядки международной напряженности, характеризующейся усложнением взаимоотношений как между странами, входящими в противоборствующие блоки, так и между традиционными союзниками, нетипичные ранее формы сотрудничества стали возможными. Примером может служить сближение Франции и СССР, в том числе по вопросу научно-технических разработок в сфере атома. Главным здесь, пожалуй, является демонстрация неоднородности западного блока, готовности некоторых его участников достаточно открыто обозначить имеющиеся противоречия и искать в этой связи альтернативные способы достижения национальных целей.

Что же касается взаимоотношений СССР и США, то их позиции в наибольшей степени сходились по вопросу ограничения распространения ядерного оружия. Несмотря на наличие определенных противоречий, особенно в части обеспечения гарантий использования полученных технологий и материалов исключительно в мирных целях, взаимное понимание важности прогресса как в двусторонних, так и многосторонних переговорах в целях сокращения угрозы создания и применения ядерного оружия преобладало. Отчасти этим можно объяснить осторожность СССР в Азии и повышенный интерес США к ядерным программам, в том числе своих союзников.

Обмен технологиями в сфере мирного атома также стимулировал развитие контактов между странами, которые уже получили содействие в создании национальных исследовательских баз, и теми, кто только планировал это сделать. Причиной служило стремление собрать больше информации о деталях возможного сотрудничества, а также отсутствие в отдельных случаях ожидаемого одобрения сверхдержав. Альтернативой становилось развитие научно-технического сотрудничества со странами, пусть и не являющимися «передовиками» научных и практических изысканий в сфере атома, зато готовыми по мере возможности реализовывать совместные проекты.

При этом ряд факторов оказывал влияние, прямо противоположное интеграционным процессам.

Во-первых, это соперничество США и СССР в научной и социально-экономической сферах. Вопрос о том, насколько в действительности разрядка международной напряженности способствовала продуктивному советско-американскому научному сотрудничеству, достоин отдельного исследования, однако нельзя не заметить, что определенный дух соперничества и ревностное отношение к успехам друг друга имели место быть. Как свидетельствуют источники, в Вашингтоне не только интересовались ходом работ по созданию отдельных объектов при участии СССР в третьих странах, но и оценивали потенциал советского научного экспорта как требующий создания некоего противовеса, в том числе в виде готовности предложить заинтересованным странам собственное содействие, либо содействие своих союзников и ближайших партнеров.

Во-вторых, это соперничество между странами не столько в качестве членов противоборствующих блоков, сколько в качестве экспортеров и субъектов научной деятельности.

С одной стороны, отрасль атомной энергетики была молодой, бурно развивающейся, исследователи предлагали разные технические решения для возникающих конструкторских и иных задач. В случае если приходилось соединять разработки разных научных школ при создании одного объекта, требовалось прилагать дополнительные усилия. Зачастую же они и вовсе позиционировались как альтернативы друг другу. Также экспорт технологий в сфере мирного атома был выгоден с точки зрения его прибыльности. Напомним, что объекты строились в том числе в странах, которые обладали высокой степенью платежеспособности, при этом международные контракты с СССР могли оплачиваться в валюте.

Наконец, одной из ключевых проблем стала опасность использования переданных технологий и материалов не только в мирных, но и в военных целях. С одной стороны, в различных регионах мира, например, в Азии и на Ближнем Востоке сохранялась опасная напряженность в отношениях локальных держав. Некоторые из них считали, что наличие ядерного оружия сможет гарантировать в этих условиях безопасность и реализацию собственных стратегических интересов. С другой стороны, разрядка международной напряженности привела к усложнению взаимоотношений не только между сверхдержавами, но и между сверхдержавами и их союзниками и сателлитами. Последние почувствовали большую свободу маневра, стали рассматривать возможность проведения более самостоятельной политики. Все это приводило, как это ни странно, к росту международной напряженности на почве вопроса о предотвращении распространения ядерного оружия, порождало подозрительность и взаимные обвинения, на одном полюсе которых находились претензии к странам-импортерам технологий в проведении тайных исследований и взаимной потенциально опасной кооперации, заявленные цели которой могли существенно отличаться от реальных, на другом – к странам-экспортерам в попытках осознанно оттеснить прочие государства от современных знаний и технологий.

В завершение хочется подчеркнуть, что на примере исследования вопроса о научном и технологическом сотрудничестве стран мы можем увидеть, насколько неоднозначным, многогранным по своей сути был период разрядки международной напряженности и как важно сегодня изучать этот богатый опыт для поиска позитивных альтернатив построения международных отношений на современном этапе.

Список литературы

1. Генеральный адрес, зачитанный на открытии конференции VII мирового энергетического конгресса. Атомная энергия. М. : Атомиздат, 1968. Вып. 5. С. 460.
2. Козлов В. В. Российская атомная энергетика за рубежом / В. В. Козлов. М. : Ваш формат, 2018. 220 с.
3. Народное хозяйство СССР в 1972 году : статистический сборник / ЦСУ СССР. М. : Статистика, 1973. С. 824.
4. Народное хозяйство СССР в 1973 году : статистический сборник / ЦСУ СССР. М. : Статистика, 1974. С. 880.
5. Народное хозяйство СССР в 1974 году : статистический сборник / ЦСУ СССР. М. : Статистика, 1975. С. 862.
6. Народное хозяйство СССР в 1975 году : статистический сборник / ЦСУ СССР. М. : Статистика, 1976. С. 846.
7. Народное хозяйство СССР в 1977 году : статистический сборник / ЦСУ СССР. М. : Статистика, 1978. С. 654.
8. Народное хозяйство СССР в 1978 году : статистический сборник / ЦСУ СССР. М. : Статистика, 1979. С. 631.
9. Народное хозяйство СССР в 1979 году: статистический сборник / ЦСУ СССР. М. : Статистика, 1980. С. 615.
10. Протокол между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Ливийской Арабской Республики по вопросам сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях от 30.05.1975. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-25/55977?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 05.04.2020).
11. Протокол между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Ливийской Арабской Республики о сотрудничестве в строительстве атомной электростанции в Ливийской Арабской Республике. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-25/55978?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1

0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 05.04.2020).

12. Протокол между Союзом Советских Социалистических Республик и Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирией о дальнейшем расширении советско-ливийского сотрудничества в области атомной энергетики. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-24/55984?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 11.04.2020).

13. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXIV: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1965 года и 31 декабря 1966 года / Министерство иностранных дел СССР. М. : Международные отношения, 1971. 560 с.

14. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXV: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1967 года и 31 декабря 1968 года / Министерство иностранных дел СССР. М. : Международные отношения, 1972. 478 с.

15. Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Румынской Народной Республикой о дальнейшем расширении сотрудничества в деле использования атомной энергии в мирных целях от 19.04.1962. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-26/49614?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 04.04.2020).

16. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Финляндской Республики о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях от 14.05.1969. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-25/57990?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 04.04.2020).

17. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Социалистической Республики Румынии о сотрудничестве в сооружении атомной электростанции в Социалистической Республике Румынии от 26.05.1970. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-25/49475?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 05.04.2020).

18. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Иракской Республики о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-25/49377?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 05.04.2020).

19. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Ливийской Арабской Республики об экономическом и техническом сотрудничестве от 04.03.1972. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-25/55974?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 05.04.2020).

20. Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Французской Республики о сотрудничестве в области энергетики от 17.10.1975. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-25/49366?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 05.04.2020).

21. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Чехословацкой Социалистической Республики о дальнейшем сотрудничестве в развитии атомной энергетики от 15.11.1976. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/

2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-25/58385?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 11.04.2020).

22. Address by Zhou Enlai at the plenary session of the fourth meeting of the State Council (excerpt) // Dang de wenxian (Party Historical Documents). No. 3. 1994. Pp. 16–19. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114333> (data accessed: 08.05.2020).

23. Central Intelligence Agency, Directorate of Intelligence, «Prospects for the Nonproliferation Treaty», 27 November 1968. P. 16. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4415138-Document-36-Central-Intelligence-Agency> (data accessed: 15.05.2020).

24. Charles Van Doren, ACDA, to Dwight Porter [Deputy Representative to IAEA], «Background Materials on US Policy Toward a ROC Reprocessing Plant», 1 December 1972. P. 26. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=5676719-Document-07-Charles-Van-Doren-ACDA-to-Dwight> (data accessed: 15.05.2020).

25. Draft memorandum of understanding between the European atomic energy commission and the Government of the United States of America // Historical Archives of the European Union, JMDS-120. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121248> (date accessed: 08.05.2020).

26. India Department of atomic energy, press release, «India and the USSR sign protocol for collaboration in the peaceful uses of atomic energy» // Department of Atomic Energy, IDSA. Obtained and contributed by the Institute for Defence Studies and Analyses (IDSA). URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116938> (data accessed: 10.05.2020).

27. Intelligence Information Brief No. 236, «Yugoslavia Nuclear Reactor Goes into Operation», 4 January 1960. P. 4. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=2830703-Document-3-Intelligence-Information-Brief-No-236> (data accessed: 15.05.2020).

28. John McCone, Chairman, Atomic Energy Commission, to Secretary of State Christian Herter, «Report of the U.S. Delegation to the Fourth Regular Session of the General Conference of the International Atomic Energy Agency, Vienna, Austria, September 20 to October 1, 1960», 5 January 1961. P. 6. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4116384-Document-34-John-McCone-Chairman-Atomic-Energy> (data accessed: 15.05.2020).

29. Journal of Soviet ambassador to the DPRK V. I. Ivanov for 20 January 1956 // Russian State Archive of Contemporary History. F. 5. O. 28. D. 412. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/120790> (data accessed: 09.05.2020).

30. Journal of Soviet Ambassador to the DPRK A. M. Puzanov for 22 October 1957 // Archive of Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/115942> (date accessed: 04.05.2020).

31. Lewis L. Strauss and Robert McKinney to Secretary of State John Foster Dulles, 18 April 1958, enclosing «Confidential Report of the United States Delegation to the First Meetings of the General Conference and Board of Governors of the International Atomic Energy Agency», October 1–23, 1957. P. 14. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4116358-Document-12> (date accessed: 15.05.2020).

32. LT. Col. J. Załuska, «Record: information from CSSR military attaché, col. Goch, obtained during a hunt» // Polish Institute of National Remembrance. AIPN, 2602/7974. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/208547> (data accessed: 10.05.2020).

33. Memorandum, Branch office of the Hungarian ministry of foreign trade in Pyongyang to the Hungarian ministry of foreign trade // National Archives of Hungary (MNL OL). MOL, XIX-J-1-j Korea, 1976. 82. Dobož, 5, 00170/7/1976. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/111476> (data accessed: 10.05.2020).

34. Report on the work of the Soviet exhibition in Mexico year 1959 // Russian State Archive of the Economy. F. 635. Op. 1. D. 392. Ll. 1–12. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/122362> (data accessed: 09.05.2020).

35. Report by Nie Rongzhen to Mao Zedong regarding science and technology (abridged) // Dang de wenxian (Party Historical Documents). No. 1. 1996. Pp. 8–9. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114348> (data accessed: 09.05.2020).

36. Request by the Chinese leadership to the Soviet leadership for help in establishing a Chinese nuclear program // TsKhSD (Center for the Storage of Contemporary Documentation). F. 5. Op. 30. D. 164. Ll. 7a, 48–9. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/110398> (data accessed: 09.05.2020).

37. Restricted Teleletter from J. E. Holmes, UK embassy in Moscow, to R. B. Bone, «South African nuclear intentions» // The National Archives of the UK. FCO45-2131. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116653> (data accessed: 11.05.2020).

38. U. S. Embassy London telegram 09224 to State Department, «Nuclear Export Policy: Bilateral with Canada», 17 June 1975. P. 2. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=3513503-Document-12-U-S-Embassy-London-telegram-09224-to> (data accessed: 15.05.2020).

39. Wershof M. H., Canadian Mission to the IAEA, to Robert M. McKinney, U. S. Representative to the IAEA, enclosing «The Application of Safeguards to Nuclear Exports», 24 September, 1958. P. 12. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4116360-Document-14-M-H-Hershoff-Canadian-Mission-to-the> (data accessed: 15.05.2020).

Nuclear energy of the USSR in the period of detente of international tension: an instrument of economic and political integration?

V. A. Vasilkova

postgraduate student, National Research State University of Nizhny Novgorod n. a. N. I. Lobachevsky.
Russia, Nizhny Novgorod. ORCID: 0000-0002-3196-4115. E-mail: vasilkovava@idist.ru

Abstract. The article summarizes the Experience of the Soviet Union's export of technologies in the field of peaceful nuclear energy during the period of defusing international tensions. The work not only reveals the details and intermediate results of cooperation between the USSR and developing and developed countries, but also touches on the issues of industrial and economic relations between Moscow and the countries of the socialist bloc, including the creation of specialized associations and management bodies. There is an increase in the importance and priority of economic stimulus in the period of defusing international tensions. However, despite stimulating the growth of economic relations, there were a number of controversial issues that emerged with the development of international exchange in the field of peaceful nuclear energy: the fear of using technologies and materials sent to third countries for military purposes, competition between various technological and industrial schools, and the aggravation of the problem of inequality of countries at the next stage of scientific and technological development.

Based on the studied sources, the conclusion gives an ambiguous assessment of the impact of Soviet exports on the integration processes characteristic of the period of detente. Thus, the increase in the number of scientific and production facilities created with the technical assistance of the Soviet Union, both in Eastern Europe and Northern Europe, as well as in the Middle East, pushed Washington and its friendly exporting countries to seek to contain Moscow's technological expansion. In addition, the opportunity for technology exchange between the superpowers and some of their allies and neutralist countries has decreased, as they continued to implement national nuclear weapons programs during the 1950s and 1960s.

Keywords: USSR, defusing international tensions, nuclear power, technology export, cold war.

References

1. *General'nyj adres, zachitannyj na otkrytii konferencii VII mirovogo energeticheskogo kongressa. Atomnaya energiya* – General address read out at the opening of the conference of the VII world energy Congress. Atomic energy. M. Atomizdat, 1968. Is. 5. P. 460.
2. *Kozlov V. V. Rossijskaya atomnaya energetika za rubezhom* [Russian nuclear power engineering abroad] / V. V. Kozlov. M. Vash format. 2018. 220 p.
3. *Narodnoe hozyajstvo SSSR v 1972 godu : statisticheskij sbornik* – National economy of the USSR in 1972 : statistical collection / Central statistical office of USSR. M. Statistika. 1973. P. 824.
4. *Narodnoe hozyajstvo SSSR v 1973 godu : statisticheskij sbornik* – National economy of the USSR in 1973 : statistical collection / Central statistical office of USSR. M. Statistika. 1974. P. 880.
5. *Narodnoe hozyajstvo SSSR v 1974 godu : statisticheskij sbornik* – National economy of the USSR in 1974 : statistical collection / Central statistical office of USSR. M. Statistika. 1975. P. 862.
6. *Narodnoe hozyajstvo SSSR v 1975 godu : statisticheskij sbornik* – National economy of the USSR in 1975 : statistical collection / Central statistical office of USSR. M. Statistika. 1976. P. 846.
7. *Narodnoe hozyajstvo SSSR v 1977 godu : statisticheskij sbornik* – National economy of the USSR in 1977 : statistical collection / Central statistical office of USSR. M. Statistika. 1978. P. 654.
8. *Narodnoe hozyajstvo SSSR v 1978 godu : statisticheskij sbornik* – National economy of the USSR in 1978 : statistical collection / Central statistical office of USSR. M. Statistika. 1979. P. 631.
9. *Narodnoe hozyajstvo SSSR v 1979 godu: statisticheskij sbornik* – National economy of the USSR in 1979: statistical collection / Central statistical office of USSR. M. Statistika. 1980. P. 615.
10. *Protokol mezhdru Pravitel'stvom Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Pravitel'stvom Livijskoj Arabskoj Respubliki po voprosam sotrudnichestva v oblasti ispol'zovaniya atomnoj energii v mirnyh celyah ot 30.05.1975* – Protocol between the Government of the Union of Soviet Socialist Republics and the government of the Libyan Arab Republic on cooperation in the field of the peaceful use of atomic energy of 30.05.1975. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-25/55977?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedsearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_frompage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andoperator=1 (date accessed: 05.04.2020).
11. *Protokol mezhdru Pravitel'stvom Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Pravitel'stvom Livijskoj Arabskoj Respubliki o sotrudnichestve v stroitel'stve atomnoj elektrostancii v Livijskoj Arabskoj Respublike* – Protocol between the Government of the Union of Soviet Socialist Republics and the Government of the Libyan Arab Republic on cooperation in the construction of a nuclear power plant in the Libyan Arab Republic. Available at:

https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-25/55978?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedsearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_frompage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andoperator=1 (date accessed: 05.04.2020).

12. *Protokol mezhdru Soyuzom Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Socialisticheskoy Narodnoj Livijskoj Arabskoj Dzhamahiriej o dal'nejshem rasshirenii sovetsko-livijsskogo sotrudnichestva v oblasti atomnoj energetiki* – Protocol between the Union of Soviet Socialist Republics and the Socialist people's Libyan Arab Jamahiriya on the further expansion of Soviet-Libyan cooperation in the field of nuclear energy. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-24/55984?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedsearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_frompage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andoperator=1 (date accessed: 11.04.2020).

13. *Sbornik dejstvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Vyp. XXIV: Dejstvuyushchie dogovory, soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu mezhdru 1 yanvarya 1965 goda i 31 dekabrya 1966 goda* – Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign States. Issue XXIV: Current treaties, agreements and conventions that entered into force between January 1, 1965 and December 31, 1966 / Ministry of foreign Affairs of the USSR. M. International relations, 1971. 560 p.

14. *Sbornik dejstvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Vyp. XXV: Dejstvuyushchie dogovory, soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu mezhdru 1 yanvarya 1967 goda i 31 dekabrya 1968 goda* – Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign States. Issue XXV: Current treaties, agreements and conventions that entered into force between January 1, 1967 and December 31, 1968 / Ministry of foreign Affairs of the USSR. M. International relations, 1972. 478 p.

15. *Soglasenie mezhdru Soyuzom Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Rumynskoj Narodnoj Respublikoj o dal'nejshem rasshirenii sotrudnichestva v dele ispol'zovaniya atomnoj energii v mirnyh celyah ot 19.04.1962* – Agreement between the Union of Soviet Socialist Republics and the Romanian people's Republic on further expansion of cooperation in the peaceful use of atomic energy, dated 19.04.1962. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-26/49614?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedsearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_frompage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andoperator=1 (date accessed: 04.04.2020).

16. *Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Pravitel'stvom Finlyandskoj Respubliki o sotrudnichestve v oblasti ispol'zovaniya atomnoj energii v mirnyh celyah ot 14.05.1969* – Agreement between the Government of the Union of Soviet Socialist Republics and the Government of the Republic of Finland on cooperation in the field of peaceful uses of atomic energy from 14.05.1969. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-25/57990?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedsearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_frompage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andoperator=1 (date accessed: 04.04.2020).

17. *Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Pravitel'stvom Socialisticheskoy Respubliki Rumynii o sotrudnichestve v sooruzhenii atomnoj elektrostancii v Socialisticheskoy Respublike Rumynii ot 26.05.1970* – Agreement between the Government of the Union of Soviet Socialist Republics and The government of the Socialist Republic of Romania on cooperation in the construction of a nuclear power plant in the Socialist Republic of Romania from 26.05.1970. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-25/49475?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedsearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_frompage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andoperator=1 (date accessed: 05.04.2020).

18. *Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Pravitel'stvom Irakskoj Respubliki o sotrudnichestve v oblasti ispol'zovaniya atomnoj energii v mirnyh celyah* – Agreement between the Government of the Union of Soviet Socialist Republics and the government of the Republic of Iraq on cooperation in the field of peaceful uses of atomic energy. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-25/49377?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedsearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_frompage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andoperator=1 (date accessed: 05.04.2020).

19. *Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Pravitel'stvom Livijskoj Arabskoj Respubliki ob ekonomicheskom i tekhnicheskome sotrudnichestve ot 04.03.1972* – Agreement between the Government of the Union of Soviet Socialist Republics and the government of the Libyan Arab Republic on economic and technical cooperation of 04.03.1972. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-25/55974?_storageviewer_WAR

storageviewerportlet_advancedsearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_frompage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andoperator=1 (date accessed: 05.04.2020).

20. *Soglashenie mezhdru pravitel'stvom Soyuzu Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Pravitel'stvom Francuzskoj Respubliki o sotrudnichestve v oblasti energetiki ot 17.10.1975* – Agreement between the government of the Union of Soviet Socialist Republics and the government of the French Republic on cooperation in the field of energy of 17.10.1975. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storageviewer/bilateral/page-25/49366?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedsearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_frompage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andoperator=1 (date accessed: 05.04.2020).

21. *Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Soyuzu Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Pravitel'stvom Chekhoslovackoj Socialisticheskoy Respubliki o dal'nejshem sotrudnichestve v razvitii atomnoj energetiki ot 15.11.1976* – Agreement between the Government of the Union of Soviet Socialist Republics and the government of the Czechoslovak Socialist Republic on further cooperation in the development of nuclear energy from 15.11.1976. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storageviewer/bilateral/page-25/58385?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedsearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_frompage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andoperator=1 (date accessed: 11.04.2020).

22. Address by Zhou Enlai at the plenary session of the fourth meeting of the State Council (excerpt) // Dang de wenxian (Party Historical Documents). No. 3. 1994. Pp. 16–19. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114333> (date accessed: 08.05.2020).

23. Central Intelligence Agency, Directorate of Intelligence, "Prospects for the Nonproliferation Treaty", 27 November 1968. P. 16. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4415138-Document-36-Central-Intelligence-Agency> (date accessed: 15.05.2020).

24. Charles Van Doren, ACDA, to Dwight Porter [Deputy Representative to IAEA], "Background Materials on US Policy Toward a ROC Reprocessing Plant", 1 December 1972. P. 26. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=5676719-Document-07-Charles-Van-Doren-ACDA-to-Dwight> (date accessed: 15.05.2020).

25. Draft memorandum of understanding between the European atomic energy commission and the Government of the United States of America // Historical Archives of the European Union, JMDS-120. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121248> (date accessed: 08.05.2020).

26. India Department of atomic energy, press release, "India and the USSR sign protocol for collaboration in the peaceful uses of atomic energy" // Department of Atomic Energy, IDSA. Obtained and contributed by the Institute for Defence Studies and Analyses (IDSA). Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116938> (date accessed: 10.05.2020).

27. Intelligence Information Brief No. 236, "Yugoslavia Nuclear Reactor Goes into Operation", 4 January 1960. P. 4. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=2830703-Document-3-Intelligence-Information-Brief-No-236> (date accessed: 15.05.2020).

28. John McCone, Chairman, Atomic Energy Commission, to Secretary of State Christian Herter, "Report of the U.S. Delegation to the Fourth Regular Session of the General Conference of the International Atomic Energy Agency, Vienna, Austria, September 20 to October 1, 1960", 5 January 1961. P. 6. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4116384-Document-34-John-McCone-Chairman-Atomic-Energy> (date accessed: 15.05.2020).

29. Journal of Soviet ambassador to the DPRK V. I. Ivanov for 20 January 1956 // Russian State Archive of Contemporary History. F. 5. O. 28. D. 412. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/120790> (date accessed: 09.05.2020).

30. Journal of Soviet Ambassador to the DPRK A. M. Puzanov for 22 October 1957 // Archive of Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/115942> (date accessed: 04.05.2020).

31. Lewis L. Strauss and Robert McKinney to Secretary of State John Foster Dulles, 18 April 1958, enclosing "Confidential Report of the United States Delegation to the First Meetings of the General Conference and Board of Governors of the International Atomic Energy Agency", October 1–23, 1957. P. 14. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4116358-Document-12> (date accessed: 15.05.2020).

32. LT. Col. J. Załuska, "Record: information from CSSR military attaché, col. Goch, obtained during a hunt" // Polish Institute of National Remembrance. AIPN, 2602/7974. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/208547> (date accessed: 10.05.2020).

33. Memorandum, Branch office of the Hungarian ministry of foreign trade in Pyongyang to the Hungarian ministry of foreign trade // National Archives of Hungary (MNL OL). MOL, XIX-J-1-j Korea, 1976. 82. Dobož, 5, 00170/7/1976. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/111476> (date accessed: 10.05.2020).

34. Report on the work of the Soviet exhibition in Mexico year 1959 // Russian State Archive of the Economy. F. 635. Inv. 1. D. 392. Ll. 1–12. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/122362> (date accessed: 09.05.2020).

35. Report by Nie Rongzhen to Mao Zedong regarding science and technology (abridged) // Dang de wenxian (Party Historical Documents). No. 1. 1996. Pp. 8–9. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114348> (date accessed: 09.05.2020).

36. Request by the Chinese leadership to the Soviet leadership for help in establishing a Chinese nuclear program // TsKhSD (Center for the Storage of Contemporary Documentation). F. 5. Inv. 30. D. 164. Ll. 7a, 48–9. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/110398> (date accessed: 09.05.2020).

37. Restricted Teleletter from J. E. Holmes, UK embassy in M. to R. B. Bone, "South African nuclear intentions" // The National Archives of the UK. FCO45-2131. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116653> (date accessed: 11.05.2020).

38. U. S. Embassy London telegram 09224 to State Department, "Nuclear Export Policy: Bilateral with Canada", 17 June 1975. P. 2. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=3513503-Document-12-U-S-Embassy-London-telegram-09224-to> (date accessed: 15.05.2020).

39. Wershof M. H., Canadian Mission to the IAEA, to Robert M. McKinney, U. S. Representative to the IAEA, enclosing "The Application of Safeguards to Nuclear Exports", 24 September, 1958. P. 12. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4116360-Document-14-M-H-Hershoff-Canadian-Mission-to-the> (date accessed: 15.05.2020).

«Кричал, что мало гальки»: починка дорог в Вятской губернии в XVIII–XIX веках

В. А. Коршунков

кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: vla_kor@mail.ru

Аннотация. Дорожная проблематика чрезвычайно важна для понимания Российской империи – крупнейшей континентальной державы мира. Но историки не слишком активно изучают транспортные аспекты былой российской повседневности и системы государственного управления. Между тем в законодательных актах и распоряжениях, в наших архивах, в старинной периодике и мемуарах имеется немало свидетельств о способах прокладки и починки сухопутных дорог и мостов в XVIII–XIX вв. Достоверные сведения о дорожных ремонтах позволяют лучше понять внутреннее устройство Российского государства, равно как и отношение власти к народу. В предлагаемой статье эта проблематика рассмотрена на примере Вятской губернии.

Выявленные и использованные источниковые материалы относятся ко второй половине XVIII и к XIX в. – главным образом, ко времени до Великих реформ, то есть к периоду неограниченного самодержавия и крепостничества. В то время подневольный народ пригоняли на дорогу и принуждали копать, возить, кидать, трамбовать. Трудовые повинности включали в себя засыпку рытвин и водомоин, выравнивание бугров на полотне дороги, рытье канав для отвода воды, вырубку леса по обочинам, прокладку гатей и починку мостов, а ко всему еще и поставку подвод. Особенно трудно было работать на дорогах Русского Севера, где население немногочисленно, расстояния огромные, полно речек, ручьев, болот. Архивные данные указывают на непрестанные попытки властей более справедливо распределить бремя этих трудов и на столь же постоянные попытки простых людей уклониться от них. Эксплуатация населения на дорожных работах в Российской империи была слишком велика, а организация труда отличалась редкостной неэффективностью. Дороги же если исправлялись, то, как правило, накануне проезда высокого начальства, и то ненадолго.

Ключевые слова: дороги, Российская империя, повседневная жизнь, Вятская губерния, государственное управление.

Россия – страна протяженностей. Сухопутные дороги тянулись на тысячи верст, через лесные чащи, болота, степи. Они пересекали большие и малые реки, ныряли в овраги, подводили к опасным кручам. Император Николай I, беседуя в 1839 г. с французским гостем маркизом А. де Кюстином, обронил афористичную фразу: «Расстояния – бич России» [9, т. 1, с. 224]. Древние римляне твердили, что плавать по морю необходимо («*Navigare necesse est*»), добавляя при этом: «а жить нет необходимости» («*vivere non est necesse*»)¹. Наши предки могли бы заметить, что государство Российское жизненно нуждалось в связности – самую обширную на свете страну необходимо было вдоль и поперек пересекать купцам, военным, ссыльным, паломникам, фельдъегерям. Ездить по дорогам необходимо.

Дорожная проблематика, таким образом, чрезвычайно важна для понимания Российской империи как крупнейшей континентальной державы мира, с ее сущностными особенностями. Но историки не слишком активно изучают эти аспекты былой российской повседневности и системы государственного управления, оставляя возможность высказываться преимущественно краеведам и публицистам. По крайней мере, монографических исследований пока нет. Между тем в законодательных актах и распоряжениях, в наших архивах, в старинной периодике и мемуарах имеется немало свидетельств о способах прокладки и починки сухопутных дорог и мостов в XVIII–XIX вв. Достоверные сведения о дорожных ремонтах позволяют лучше понять внутреннее устройство Российского государства, равно как и отношение власти к народу. Эта проблематика будет здесь рассмотрена на примере Вятской губернии (на первых порах – Вятского наместничества). Выявленные и использованные источниковые материалы относятся ко второй половине XVIII и к XIX в. – главным образом, ко времени до Великих реформ, то есть к периоду неограниченного самодержавия и крепостничества. В царствование Александра II дорожное дело стало вестись иначе.

Часто колесивший по России А. С. Пушкин в незаконченной статье «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833–1835) со знанием дела утверждал: «Поправка дорог, одна из самых тягостных повинностей, не приносит почти никакой пользы и есть большею частью предлог к утеснению и взяткам». Тяжких работ по прокладке дорог и затем по поддержанию их в проезжем состоянии во все времена бывало с избытком. До Великих реформ 1860-х гг. подневольный народ просто-напросто пригоняли на указанное место и принуждали копать, возить, кидать, трамбовать. Трудовые повинности включали в себя засыпку рытвин и водоин, выравнивание бугров на полотне дороги, рытье канав для отвода воды, расчистку леса по обочинам, прокладку гатей и починку мостов, а ко всему еще и поставку подвод. Иной раз начальство требовало деревца по обочинам сажать.

Особенно трудно было работать на дорогах Русского Севера, где и население немногочисленно, и версты немеренные, да и речек, ручьев, болот полно [см., например: 15]. Вятский край по своим природно-климатическим условиям сходен с северными губерниями – Олонецкой, Архангельской, Вологодской.

Кроме обычных дорожных работ, слишком часто бывали и злоупотребления. Например, марийское население Поволжья и Приуралья, судя по документам 1767–1768 гг., страдало и от узаконенных повинностей, и еще больше – от насилия, побоев, а то и прямых грабежей, чинившихся проезжающими. Жалобы на это содержались чуть ли не в каждом втором направлявшемся наверх документе [3].

Крестьяне всего этого терпеть не могли. Тем более что ремонт проводился в теплое время года, когда люди и без того бывали очень заняты. В 1815 г. в Яранском уезде Вятской губернии поправляли Московский тракт, и распорядившийся работами уездный землемер предписывал дистанционному смотрителю Шаптинской волости подготовить и вывезти необходимый для устройства дороги лес «на места так, чтоб они по приступлении к работам были на оных в совершенной готовности». И сделать это к 1 июня [16, ф. 582, оп. 1, д. 65, л. 101а]. Следовательно, сами работы предполагались в ту пору, когда в Вятском крае тепло и не очень дождливо – уже после сева (и по-видимому, чтобы закончить до уборки). В пореформенный период, согласно российским законам, натуральная дорожная повинность могла применяться лишь в свободное от полевых работ время, то есть весной после посева яровых и осенью после уборки хлеба. Сзывать же крестьян в иное время можно было только в чрезвычайных случаях, когда возникала какая-либо опасность для проезжающих. И если такое случалось, следовало докладывать министру внутренних дел [14, т. 1, ч. 1, с. 56]. Однако этот порядок нередко нарушался. К тому же работы зачастую бывали чересчур спешными – их затевали перед проездом какого-либо важного чина, хоть бы и в самую страду.

16 июня 1794 г. вятский наместник (губернатор) Ф. Ф. Желтухин направил предписание о необходимости подлатать дороги окружным (уездным) органам власти – Яранскому и Царевосанчурскому нижним земским судам. Путь был испорчен рытвинами от весенних вод, да и мосты находились в дурном состоянии. Желтухин требовал от подчиненных, чтобы исправление было сделано непременно «до начатия полевых работ, дабы в тогдашнее время не отлучать для сего поселян от исправления домашних работ, ибо оными на целый год избытки свои промышляют они». Но, кажется, произошло недопонимание. Чиновники Царевосанчурской округи поспешили не слишком, и губернскому начальнику спустя несколько недель пришлось им пригрозить, требуя выполнения. Он писал, что сумеет лично проверить, сделают ли они что-нибудь: ежели, мол, я не увижу исправления дорог во время объезда губернии, то будет вам наказание. Тогда из Царевосанчурска пришло спешное извещение: дорожные работы проведены, теперь все в порядке. Но и на это Желтухин отреагировал неодобрительно – как раз потому, что поправка дорог производилась в июле. Ведь он предписывал принуждать поселян к поправке дорог и мостов «при начале весны до наступления рабочего времени» [16, ф. 583, оп. 600, д. 328, л. 1–1об., 4, 6, 7–7об.]. В общем, первое указание от наместника в Царевосанчурск поступило летом, уже во время полевых работ, затем раздался еще один начальственный окрик. Тут-то чиновники и засуетились – то ли вправду согнали крестьян на дорогу, то ли по привычке слукавили. Но и включать авральный режим чиновникам было нельзя! Желтухин в своих посланиях указывал им, что сами по себе должностные их обязанности требуют своевременного, без дополнительных указаний, выполнения дорожных и всяких прочих работ – то есть без чрезмерной спешки и суеты.

А за пять лет до того, в 1789 г., в Елабужской округе Вятского наместничества крестьяне сумели так пожаловаться на обременение дорожной повинностью, что руководивший окру-

гой елабужский земский исправник вынужден был обратиться выше, и в конце концов это дело рассматривалось Вятским наместническим правлением. Примечательны обороты речи, которыми чиновники в официальных документах описывали положение крестьян: «...Оных селений, где состоят станции, жители по малолюдству, а более по совершенной скудости, понести тех тягостей, которые почти ежечasto бывают, не в силах» [16, ф. 583, оп. 600, д. 499, л. 41об.]. Тягощи заключались в ямской гоньбе, сопровождении отправляемых по трактам колодников и рекрутских партий, ремонте мостов и в прочих трудах. «...Каковыи тягощи и изнуряют живущих поселян при больших дорогах противу протчих собратий их, жителствующих в сторонах» [16, ф. 583, оп. 600, д. 499, л. 42об.]. «Поселяне» придорожных деревень и сел умоляли даже не об уменьшении работ и забот, а указывали на несправедливость: те люди, которые обитали чуть дальше от больших дорог, не подлежали таковым утеснениям. Вятские чиновники придумали было, чтоб эти сторонние помогали хоть чем-нибудь придорожным своим «собратам», но это не могло стать удовлетворительным решением. Сходные жалобы звучали и позже, в 1793 г., когда наместническое правление обращалось в Вятский нижний земский суд, замечая, что «отправляющие ямскую гоньбу одни против других болше отягачаются, некоторые по малосостоянию людей, а другие по далности расстояния станцеи, и иные по множеству пересылавщихся колодников...» Тогда «для уравниения всех» решили собрать сведения о количестве ямских станций и лошадей по каждому участку того или иного тракта и вообще о состоянии путей [16, ф. 583, оп. 600, д. 499, л. 45–45об.]. Вот и все, что сумели измыслить.

Отношение народа к принудительным работам на дорогах хорошо иллюстрирует рапорт вятского губернского землемера Филиппа Бардина губернатору от 27 июня 1812 г. Там говорилось: «В прошлом 1811-м году, по части устройства Сибирского тракта замечено мною, что рабочие люди приписанных к тому волостей являлись не в том количестве, как было назначаемо – с каждых 100 по 10 человек, а менее, и не с 1-го числа положенного на сие июня м[еся]ца, а позже. И то ж многие без показания каким-либо землемером работ, по издержании хлеба отлучались, не зделав на тракте ничего, в свои дома! Ибо землемеры уездные отряжались к тому с 1-го числа показанного м[еся]ца, и в проезде том, буде где рабочих нет, дистанции оставались без показании. После ж того, хотя рабочие и явятся, но, не зная, что делать, отлучались без всяких позволения, как выше упомянуто, в свои дома...» Землемер уточнял, что «вместо назначаемых 11 943 являлось не более 1500 душ...» [16, ф. 582, оп. 46, д. 6, л. 66–66об., 90]. А ведь вроде бы всё чиновники учли, с точностью до единого человека! Но являться в летнюю рабочую пору для тяжкого и маловразумительного труда со своими подводами и лошадьми да на своих харчах можно было только из-под палки.

В 1824 г. через Вятскую губернию проследовал путешествовавший по стране Александр I, который был в г. Вятке с 8 по 11 октября. Доверенный сановник императора генерал А. А. Аракчеев еще 24 июня писал вятскому губернатору П. М. Добринскому, что государю стало известно о проводившейся в губернии починке дорог. Александр просил Аракчеева узнать, в чем причина – обычное ли это ежегодное исправление или подготовка к визиту? С присутствующей ему дотошностью Аракчеев запрашивал и такие сведения: «Сколько в продолжении сего лета на какой именно дороге во вверенной вам губернии употреблено было работников и конных подвод и с какого числа душ то и другое приходилось? Есть ли же наймом, то сколько имянно издержано денег и по скольку пришлось заплатить с ревизской души?» Губернатор Добринский на это отвечал, что нынешнее исправление дорог – обычное, «на основании Высочайше изданных о дорогах правил...» По его утверждению, он лишь планомерно продолжал дорожное строительство, согласно правилам об устройстве почтовых трактов [16, ф. 582, оп. 47, д. 17, л. 4–8об. См. также: 1, т. 2, с. 849–850; 7; 10, с. 4–41]. Информацию же состоянии и поправке дорог по губерниям правительство и прежде время от времени требовало. Скажем, 29 июня 1810 г. вятский губернатор Ф. И. фон Брадке получил запрос: требовались «обстоятельные сведения о настоящем состоянии столбовых больших почтовых дорог, какое имеют места, по коим они пролегают, естественное положение, сколько находится на оных мостов, спусков и плотин, какие материалы к устройению и починке, соответственно свойству дорог и мостов, употребляются, каков наблюдается порядок в содержании оных и как расположена раскладка земской повинности по душам и обязанность поселян и жителей, вместе с достоверным показанием способов и распоряжений, посредством коих производится покупка и доставление разных для сей потребности надобных материалов?» [16, ф. 582, оп. 46, д. 6, л. 1–1об.]. Обобщая такие данные, высокое начальство определяло, что со всем этим делать.

«Правила», на которые в своем ответе ссылался губернатор Добринский, – это «Именной указ, данный управляющему Министерством полиции», от 13 декабря 1817 г. (с дополнением к нему, которое было введено в 1819 г.). В указе много было сказано о дорогах. Они должны быть гладкими: «Среди дороги не оставлять ступеней, уступов (бугров), ям, выбоин, рытвин и, наконец, следов большого проезда, которые большей частью бывают после обозов и называются простонародно калеями». В опасных местах и на мостах надлежало ставить надолбы с перекладами. Везде нужны были верстовые столбы. В тех губерниях, где достаточно лесов, следовало «заводить по дорогам аллеи за канавками в два ряда», в степных губерниях – ставить знаки «для указания в зимнее время дороги» [13, с. 908–910].

Серьезная поправка дорог в Вятской губернии действительно тогда проводилась. В Центральном государственном архиве Кировской области сохранилось дело о дорожных работах в Яранском уезде Вятской губернии в 1815 г. По этому уезду проходил имевший общегосударственное значение Московский тракт. Затем, в 1819 г., прокладывали спрямленный четырехверстный участок Московского тракта на выезде из г. Вятки [16, ф. 582, оп. 1, д. 65; ф. 237, оп. 76, д. 908].

Предчувствие не обмануло губернатора Добринского, что бы там он ни докладывал Аракчееву: высочайшее посещение было назначено. Уже 6 августа в Вятке было получено официальное предписание из Министерства внутренних дел, где говорилось, что следует употребить «должные средства к исправлению дорог, гатей, мостов по тракту Его Величества» [16, ф. 582, оп. 47, д. 17, л. 1–2].

Вероятно, неспроста вятский губернатор проявил чрезмерное рвение для подготовки к проезду Александра I. Вскоре после визита императора, 11 ноября 1824 г., Добринский направил на имя Аракчеева письмо с оправданиями «по двум предметам», на которые, надо полагать, ему указал император: по «первому – несовершенной исправности дороги и второму – по оглашению излишних с крестьян сборов». Он повторял, что поправка дорог, особенно пролежавшего по территории Вятской губернии Сибирского тракта, была начата сразу после издания «Правил». И успехи, писал Добринский, очевидны: «...Оставалось на некоторых дорогах при мостах поновить форменные надолбы и упрочить дорогу, где позволяет местоположение, насыпью гравия или песку...» Но работам, дескать, препятствовал вице-губернатор Ермолаев. Тот еще «в 1822 г. во время, для дорожных работ назначенное, распустил крестьян с Пермского тракта, лежащего между городами Вяткою и Слободским, и сделал через казенную палату о сем волостным правлениям предписание», которое хотя и было отменено, «не могло не ослабить видимого устройства». А в начале октября 1824 г., накануне высочайшего посещения, пошли дожди, «и дорога, имея большею частью мягкий грунт, невольным образом сделалась хуже». Все тот же коварный Ермолаев, несмотря на это, погнал «транспорты бочек с вином на колесах в города Вятку, Слободской и Глазов через пространство в 200 верст, от чего все пространство сей дороги тем более попортилось...» [10, с. 38, 39]. Кроме того, с 11 августа по 4 ноября 1824 г. Вятскую губернию проверяли сенаторы-ревизоры Е. А. Дурасов и А. А. Долго-руков (таким образом, визит императора пришелся на то время, когда они были в Вятке), а после их отъезда работу продолжали три чиновника из министерств финансов, юстиции и внутренних дел. Правда, в их отчете впрямую не говорилось о неисправностях дорог губернии – видимо, хватало более серьезных упущений [16, ф. 170, оп. 1, д. 314, л. 4об.]². По итогам сенаторской ревизии Добринский от должности был отстранен [17, с. 130; 10, с. 25].

Преемником Добринского на губернаторском посту стал А. И. Рыхловский (1825–1830). В документе, датированном 2 апреля 1827 г., он писал: «Со вступлением моим в управление Вятскою губерниею, между прочими частями, обратило особенное мое внимание устройство по Высочайше изданным правилам трактов. Личное со стороны моей удостоверение и во многом числе поступившие жалобы от поселян открыли, что устройство по здешней губернии дорог сопряжено с крайним отягощением одних и облегчением пред ними других поселян. Главнейшею причиною сего есть неуравнительное назначение участков, кои должны они обрабатывать...» [16, ф. 582, оп. 82, д. 1, л. 1]. «Высочайше изданные правила», согласно которым нужно было устраивать тракты, – это все тот же указ 1817-го г. (с дополнением). Император желал установить ясные правила для каждой провинции. А для этого требовалось обследование состояния трактов [16, ф. 582, оп. 82, д. 1, л. 4]. Спустя два года, в 1829 г., губерна-

² Представленный на имя императора отчет сенаторов о проведенной в Вятской губернии ревизии опубликован: [10, с. 29–36].

тор Рыхловский также ссылаясь на собственный опыт наблюдения над вятскими дорогами, упомянув, что он дважды обзирал губернию [16, ф. 582, оп. 82, д. 1, л. 96–96об.]. Он видел свою главную задачу в изменении порядка приписки крестьян к дорожным участкам, которые они должны были постоянно ремонтировать, поддерживая в удовлетворительном состоянии. То есть дороги-то плохи, но ключ к их исправлению – в разумной организации труда подневольных мужиков, сгонявшихся на дорожные работы по принуждению. Крестьяне и вправду беспрестанно жаловались на тяготы этих работ – во многих документах времени правления Рыхловского, как и прежде, встречается указание на эти жалобы. Губернатор даже обращался из-за этого в Петербург – в Министерство внутренних дел. В официальных бумагах того времени опять и опять встречаются характерные обороты речи – о том, что работы для поселян не должны быть столь обременительны. На это указывал губернатор, и так изъяснялись его подчиненные. В 1827 г. земский исправник Нолинского уезда, начиная длинное рассуждение о необходимости иначе проложить уже существующий Казанский тракт, не преминул ввернуть: «...Желая привести в надлежащее устройство чрез легчайшие для поселян способы...» [16, ф. 582, оп. 82, д. 1, л. 22]. Собственно, губернатор Рыхловский хотел как-нибудь изменить порядок, согласно которому для работ по починке каждого тракта направлялись не только обитатели ближних к нему сел и деревень, но и те, кто жил далеко. Подсчитали, что к Сибирскому тракту, пролегавшему по Малмыжскому уезду, приписано было 120 704 души из разных уездов, и люди, вынужденные издали являться на земляные работы, «совсем приходят в совершенное разорение» [16, ф. 582, оп. 82, д. 1, л. 46–46об.]. При этом, согласно по-разному составленным документам, добираться им нужно было за 100 и более верст; от 100 до 160 и более верст; от 100 до 180 и более верст (в последнем случае сперва написано было – «до 160», но исправлено на «180») [16, ф. 582, оп. 82, д. 1, л. 83–83об., 84об., 96–96об.]. Впечатляет это «более»... Губернатор предлагал, чтобы те, кто нес большие натуральные повинности на дорожных работах, получили бы облегчение при обязательных платежах: требовалось, стало быть, учитывать труд крестьян на дорогах «при раскладке денег на земскую повинность» [16, ф. 582, оп. 82, д. 1, л. 47]. Министерство внутренних дел, в общем, было не против, только там сформулировали этак: пусть мосты по Сибирскому тракту для облегчения поселян устраиваются и содержатся на счет общих по губернии земских повинностей [16, ф. 582, оп. 82, д. 1, л. 98–98об.]. А в начале 1829 г. министерство разрешило при дорожном строительстве обходиться без березовых аллей и рвов вдоль трактов [16, ф. 582, оп. 82, д. 1, л. 84–85, 90–91об.] – тоже облегчение, хоть и невеликое.

Судя по архивному делу, начатому в 1862 г., в Котельничском уезде Вятской губернии (по нему пролегал Московский тракт) к работам опять-таки привлекались в том числе те крестьяне, что жили далее ста верст. В таком случае они предпочли заплатить по 25–30 копеек, чтобы не ехать туда самим, а на эти деньги нанять для вывоза гальки на тракт мужиков из ближних селений [16, ф. 55, оп. 1, д. 383].

Поразительно: десятилетиями подряд власти мудрили, как бы так исхитриться и гонять на работы не только близживущих мужиков, а и дальних, но так, чтоб не за тридевять земель! То и дело приступали к очередному обследованию состояния дорог, чтобы потом принять единственно верное решение, но составлением справок, на поживу будущим историкам, все обычно и заканчивалось.

Народ упирался, чиновники свирепели – им-то при таких условиях необходимо было хоть как, но выполнять работы на дорогах. И вот что из этого получалось.

В 1834–1835 гг. Котельничский уездный суд разбирал дело по обвинению уездного земского исправника, майора Александра Гутовского в том, что тот позволял себе насильственные действия в отношении крестьян Суловской волости и волостного начальства. Нужно было организовать ремонт на Московском тракте, и в исполнительском раже полицейский чиновник лупцевал мужиков плеткой. Оправдываясь, он напоминал в своем рапорте губернатору, что 8 сентября 1834 г. получил от него указание «о непременно устройстве всех лежащих в здешнем уезде трактов». В частности, следовало сделать на дороге «хрящевую насыпь» и заготовить хрящ (крупный песок вперемешку со значительным количеством мелкой гальки) на будущее время [16, ф. 55, оп. 1, д. 166, л. 44]. Кроме того, требовались и обычные работы по устройству канав, поправке мостов и т. п. Согласно рапорту исправника Гутовского, занявшись этим делом, он «встретил явную ослушность». Он писал, что многие, «привыкшие по закоснелой грубости к ослушностям, на дорогу по высылке сельских начальств не являются, а ежели которой и придет, то болшею частию с одними толко деревянными лопатками, но и

тут, побывши недолго и походивши по дороге, опять уходят в свои места...» Гутовский признавал, что проявил рвение чрезмерное. И объяснял это тем, что было «секретное предписание от вашего превосходительства» (да и слухи тоже ходили) о возможном проезде императора, который собирался быть неподалеку от тех мест – в Казани [16, ф. 55, оп. 1, д. 166, л. 44об.–45].

Крестьянам Суловской волости Котельничского уезда, которые в сентябре того же 1834 г. чинили Московский тракт, запомнились угрозы Гутовского. Дескать, он кричал: «Кому суждено жить 10 лет, у меня проживет 5 лет» (один свидетель припомнил, что было еще: «Я убавлю веку») [16, ф. 18, оп. 1, д. 247, л. 1]. Исправник тогда забрал с собой с дороги в деревню человек двенадцать и поодиночке собственноручно высек их. Власти стали разбираться, за что он их наказывал. Один из мужиков пояснил: «Сек исправник меня за то, что пришел я на дорогу без лошади», да и другие говорили о том же [16, ф. 18, оп. 1, д. 247, л. 4–4об.]. Дело в том, что для починки тракта требовалось от реки возить гальку, так что работникам следовало явиться с лошадьми и телегами.

Мужики другой волости – Юмской – тоже тогда пострадали от Гутовского. Староста д. Шмелевской Дмитрий Яровиков свидетельствовал: «Осенью прошлого года (1834-го. – В. К.) исправник Гутовский проезжал по тракту чрез наш дорожный участок и, не найдя между рабочими дорожных смотрителей, выхватил меня из народа, полагаю, потому, что я был тогда старостой, взял за волосы и, положив на землю, дал из своих рук плетью раз более десятка. Потом, увидев, что не так устраиваются на мосте перилы, взял у работавшего тогда крестьянина, имени и прозвания коего теперь не припомню, топор, ударил меня обухом по спине два раза» [16, ф. 18, оп. 1, д. 245, л. 4]. От Козьмы Ишимова, 55-летнего старика из д. Ишимовской, следователи записали: «Приехавший тогда исправник Гутовский, собрав всех бывших на участке поселян, говорил, что худа дорога и мало приготовлено гальки. По-нашему, дорога была хороша. За это исправник в числе прочих наказал меня плетью». Всыпали ему десять ударов, причем бил не сам, а находившийся при начальнике «разсылка». Сразу после записи этого показания открылось, что Козьмы Ишимова там вообще не было, а все это приключилось с его 20-летним сыном. Почему отец стал свидетельствовать от лица сына, осталось непонятным. Со слов старика, сын в день записи показаний был болен [16, ф. 18, оп. 1, д. 245, л. 5–5об.]. Может быть, Козьма решил, что рассказ от первого лица прозвучит убедительнее. Наконец, разобрались и тогда допросили отца о том, что знает именно он. Козьма стал говорить: мол, исправник наказывал людей за то, что «пришли без лошадей и мало гальки» [16, ф. 18, оп. 1, д. 245, л. 9]. Дмитрий Кирилов из д. Пospelово-Воронцовской пояснил: «Приехавший тогда исправник Гутовский собрал весь народ в одно место, кричал, что мало гальки и почему без лошадей» [16, ф. 18, оп. 1, д. 245, л. 6]. Ефим Минин из д. Мининской уточнил, что был наказан «за то, что вместо гальки привез на дорогу песок» [16, ф. 18, оп. 1, д. 245, л. 7]. Волостной голова Лука Перминов вспоминал, что Гутовский наказал человек двадцать – всех работников, кто оказался тогда на дороге, «за то, что худо исправлялась дорога и что народ выслан был без лошадей для вывоза гальки». По приказу исправника высекли и волостного голову [16, ф. 18, оп. 1, д. 245, л. 8].

Самоуправства и жестокости котельничского исправника отразились также в документах Вятской палаты уголовного суда. Пострадал от Гутовского Венедикт Гулин из Молотниковской волости Котельничского уезда, который тогда был крестьянским старостой. Вот запись с его слов: «В сентябре месяце прошлого года (1834-го. – В. К.) исправник Гутовский, проезжая чрез дорожный участок и не найдя меня на тракте, дал письменный приказ явиться к нему в город Котельничь. На другой день [я], пришед к нему, хотя и объяснял, что ушел с дороги за сбором из деревень народа для работ, но исправник, сказав, что я не должен был уходить, увел меня в кухню, где в присутствии его [я] был наказан плетью...» [16, ф. 18, оп. 1, д. 252, л. 4]. Очевидно, о свирепости Гутовского наслышаны были все, так что в сходных ситуациях два мужика попытались спастись от его расправы, бросившись в холодную осеннюю воду. Один из них, Устин Предеин, впоследствии рассказывал: осенью 1834 г. был он на дороге с другими крестьянами «для срезания горы», а «приехавший тогда исправник закричал на меня сначала, что плохо еду с землю, а потом, что скоро гоню, затем начал стегать меня плетью». Устин побежал, вскочил в колодец, где оказалось воды аршина на полтора. Его оттуда вытащили, и Гутовский избил его плетью [16, ф. 18, оп. 1, д. 252, л. 5]. Другой мужик, Егор Авдеев, сообщал следователю: «Осенью прошлого года, накладывая в телегу у реки Моломы гальку и увидя, что приехавший туда исправник побежал за мною с плетью, я, испугавшись,

чтобы [он] меня не ударил, бросился со всем платьем [м] в реку Молому и зашел в воду по пояс». Когда буйный исправник удалился, Егор вылез. В своих показаниях он уточнял, что вообще-то не имел намерения топиться [16, ф. 18, оп. 1, д. 252, л. 5об.].

Исправник Гутовский перед следователями (жандармским подполковником и еще одним чиновником) держался молодцом. В пространных собственноручных показаниях он все отрицал: грубых слов не говорил, никого не бил и бить не приказывал. Просто на него враги клеветают. Дважды Гутовский вворачивал фразу, что это – выдумка, служащая «к угнетению невинности моей» [16, ф. 18, оп. 1, д. 247, л. 7; ф. 18, оп. 1, д. 245, л. 15]. Впрочем, он признавался, что был-таки случай: ехал он по той самой дороге и встретил группу крестьян, самовольно отлучившихся с работы. Он не допустил никакого самоуправства, лишь немного наказал их плетью. Ну, а так-то никого не бил... [16, ф. 18, оп. 1, д. 245, л. 10–11].

В нескольких сохранившихся в архиве следственных делах, связанных с исправником Гутовским, нет главного: итогов расследования и оценки выявленных фактов. Иначе говоря, нам неизвестно, покарали его или только увещательную беседу провели и пальчиком погрозили. Похоже, что по-настоящему не разобрались и не наказали. Не оправдывая жестокостей Гутовского, следует все же признать, что сама система поддержания в порядке трактов была в дореформенной России никуда не годной – затратной и неэффективной. Крестьяне не имели никакой заинтересованности в тяжелой работе. Их принуждали, а они стремились увильнуть, схалтурить. Скажем, являлись они на работу без лошадей и телег, хотя было очевидно, что придется вывозить грунт (если срезали пригорок), привозить с реки и насыпать на полотно дороги гальку. И еще: мужики твердили, что вместо гальки кое-кто из них сваливал на дорогу песок, и за это исправник их наказывал. А сам Гутовский утверждал, что даже не песок вместо гальки, а глину [16, ф. 18, оп. 1, д. 245, л. 11]. Каково было бы исправнику отвечать перед своим начальством за такую починку тракта? В общем, полицейские и прочие чиновники в ответ на такое отношение к делу подневольных работников грозили да свирепствовали. И, как видим, нередко в своих усилиях перебарщивали. Впрочем, вышестоящие власти не слишком их за это порицали. В конце концов, после Великих реформ, переданные в ведение земств дороги стали чинить уже иначе, заключая договоры с предпринимателями. Тогда тоже нередко случались сговоры между заказчиками из земства и производителями работ. И как следствие – злоупотребления. Но все же появлялась возможность хоть как-то заинтересовать работников и разумно их контролировать, не прибегая к грубой силе и произволу.

Вятский статистик П. И. Наумов в начале XX в. писал: «Натуральная дорожная повинность в дореформенное время скорее ложилась бременем на население, чем служила той цели, ради которой она была установлена. Злоупотребления чинов администрации, заведовавших натуральными повинностями, в том числе дорожной, были самым обычным явлением». В 1837 г. проводилась еще одна ревизия Вятской губернии, выявившая множество нарушений и злоупотреблений. Крестьяне при этом жаловались ревизору на обременение их дорожными повинностями [8, с. 81–82]. Дело в том, что в мае того года Вятку посетил 19-летний наследник престола Александр Николаевич. Вятчане сетовали, что губернатор К. Я. Тюфяев заставлял их накануне визита чистить дороги, поправлять стоявшие вдоль тракта дома, красить крыши. Тогдашний ректор Вятской семинарии и настоятель Успенского Трифонова монастыря Никодим (Казанцев или Казанский) полагал, что жалобы несправедливы: «Губернатор хотел услужить Наследнику, приказав сделать помянутые дела. И не делают ли в других местах того же, даже больше того – и нигде никто не жаловался, кроме грубых вятчан» [3, 1912, вып. 3, отд. 3, с. 49–50]. Кирилл Яковлевич Тюфяев до того был губернатором Пермской губернии, и, когда в 1824 г. император Александр I посещал тот край, обыватели тоже страдали от усердия своего начальника. Стихотворец-самоучка В. Т. Феонов, служивший в Перми учителем, 6 октября 1824 г. набросал вирши, в которых насмехался над потугами губернатора быстренько навести повсюду образцовый порядок накануне визита августейшей особы:

О, чудотворец наш Кирилл!
В Перми ты много натворил:
От Ягошихи и до Слудки
Построил тротуары в сутки,
Наставил будок среди улиц,
Велел брать в часть коров и куриц,
Вскопал столбы для фонарей,
Завел пожарных лошадей... [5, с. 128]

Егошиха (Ягошиха) – речка на тогдашней окраине Перми, а Слудская гора – возвышенность в другом конце города. «Брать в часть» – значит брать под арест.

Согласно обобщенным в столице официальным данным, к 1900 г. лишь в одном уезде Вятской губернии сохранилась натуральная дорожная повинность [14, т. 1, ч. 1, с. 50]. На деле это было не так. Дорожный статистик П. И. Наумов, характеризуя некоторые, важные для развития экономики грунтовые дороги Вятской губернии начала XX в., постоянно упоминал о тяготах местных жителей, которые должны были работать на поправке дорог. Они стремились избавиться от натуральной повинности, но кое-где она еще оставалась. К примеру, в Елабужском уезде от с. Можги до с. Мордвы тянулся почтовый проселок: «...Местное крестьянское население, однако, сильно тяготится его исправлением, к чему, ввиду движения правительственной почты, особенно настойчиво побуждает его местная администрация. Особенно тяжелым бременем ложится на крестьян сооружение и поддержание в благоустроенном виде несколько (так! – В. К.) больших мостов, через речки Чаж и Сарсак. Это обстоятельство и явилось главным мотивом к ходатайству об отнесении содержания проселка с натуральной повинности на средства губернского земства» [11, с. 34]. Проселочная дорога между г. Слободским и с. Совьинским (Спасским) по большей части проходила через казенный лес. «Исправление пути почему-то до сих пор составляет натуральную повинность местных крестьян, между тем, по закону, эта обязанность должна лежать на владельце тех угодий, через которые пролегает дорога» [11, с. 37]. В юго-западной части Яранского уезда одна из дорог, ведущая к г. Царевосанчурску по низменным местам, постоянно – и зимой, и летом – портилась от частого проезда. «Исправление дороги составляет натуральную повинность крестьян села Сметанина, но ввиду громадного проезда при неблагоприятных топографических условиях содержание дороги в постоянно исправном состоянии является для них непосильным, вследствие чего они и обратились с ходатайством в губернское собрание XXXIV очередной сессии об отнесении содержания 6-ти верст участка на средства земства». Кукарский коммерческий тракт шел из слободы Кукарки (значительного торгово-промышленного центра) к г. Вятке. Наибольшая его часть, пролегавшая по Орловскому уезду, все еще обслуживалась натуральной повинностью тамошних крестьян. «Исправление полотна этой части тракта, сильно портящегося во время непогоды и в пору наиболее оживленного движения, производится в самых незначительных размерах и то по настойчивым требованиям администрации. Но содержание тракта постоянно в более или менее благоустроенном виде было бы слишком обременительным для местного крестьянского населения, особенно ввиду усиливающегося в последнее время грузового и легкового по нему движения» [11, с. 106].

Однако срочно проведенные дорожные работы не всегда гарантировали благополучный проезд высокого начальства. Написавший в 1899 г. в вятскую губернскую газету крестьянин Елабужского уезда вспоминал, как в 1894 г. по самому дурному участку дороги (из Елабуги в Сарапул), который располагался на землях некоего Халилова, должен был проследовать преосвященный. Кое-как замостили размываемую в том месте дорогу. Лишь только важный церковный чин скрылся из вида – тут-то новодельная вымостка и провалилась [12]. Можно сказать, повезло.

Людей для починки трактов сгоняли и в раннесоветские времена. Специальная инструкция 1929-го г. из Маробласти (это нынешняя Республика Марий Эл) предписывала не допускать этого «в период наибольшей занятости полевыми работами», а лучше производить починку весной и осенью [6, с. 4]. Кстати, в инструкции труды откровенно именовались «повинностью». Ситуация, напоминающая Россию крепостническую, дореформенную.

Историк М. И. Васильев, специалист по традиционным русским средствам сухопутного передвижения, полагал, что наши дороги не уступали по обустроенности западноевропейским (по крайней мере, до начала Нового времени в Европе). Он признавал, что плотность населения в России была во много раз ниже, чем там – а это заметно влияет на состояние дорожной сети. Однако, по его формулировке, зависимость от этого фактора «может быть сведена к минимуму при увеличении объема работ по поддержанию транспортных коммуникаций, приходящегося на каждого члена общества». Иначе говоря, «...Россия достигала паритета в отношении дорог с Западной Европой в немалой степени за счет усилий простого русского люда» [2, с. 129]. Васильев отмечал, что в средние века, да и позже, большинство дорог в странах Европы тоже находились в ужасающем состоянии. Так что надо иметь в виду: паритет с тогдашним Западом если и был, то в убожестве. Другое дело, что и в XVIII–XIX вв. российские дороги, в отличие от западноевропейских, по большей части оставались средневековыми.

Но в этом Васильев прав: эксплуатация подневольного населения на дорожных работах в Российской империи была непомерной. И добавим: организация труда отличалась редкостной неэффективностью.

Список литературы

1. Бехтерев Н. П. О высочайших посещениях Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. 1780–1880 : сб. мат. к истории Вятского края / изд. Вят. губ. стат. комитета. Вятка : Тип. Губ. правления и литография Котлевич, 1881. Т. 2. С. 819–852.
2. Васильев М. И. Факторы формирования облика русских дорог в X – начале XX в. // Этнографическое обозрение. 2013. № 3. С. 125–135.
3. Иванов А. Г. Марийцы Поволжья и Приуралья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.). Йошкар-Ола : Респ. полиграфич.-ред. объединение Мининформпечати Республики Марий Эл, 1993. 103 с.
4. Из записок преосвященного Никодима Казанского // Тр. Вятской ученой архивной комиссии. 1912. Вып. 3. Отд. 3. С. 1–50; 1913. Вып. 1–2. Отд. 3. С. 51–98.
5. Изергина Н. П. Василий Тихонович Феонов – ученик Вятской духовной семинарии и поэт пушкинской поры (1794–1834) // Петряевские чтения. 2001 : тез. докл. к чтениям / ред. В. Н. Колупаева, А. Л. Рашковский. Киров-на-Вятке : Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена, 2001. С. 127–129.
6. Инструкция о трудовом участии населения в работах на дорогах сельского, кантонного и областного значения. Йошкар-Ола : Первая тип. Маробиздата, 1929. 16 с.
7. Колотов А. В. Александр I в Вятке (к 125-летию со времени посещения) // Памятная книжка Кировской области и календарь на 2009 год : информ.-стат. сб. / редкол.: Н. И. Зорин (пред.) [и др.]. Киров (Вятка) : Террит. орган Федер. службы гос. статистики по Киров. обл., 2009. Вып. 7 (56). С. 293–295.
8. Краткий обзор средств сообщения в Вятской губернии / сост. П. Наумов. Вятка : Типо-литография М. М. Шкляевой, 1908. 150 с.
9. Кюстин А. де. Россия в 1839 году. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Т. 1–2. 528 + 480 с.
10. Маркелов А. В. Династия Романовых и Вятка: Век девятнадцатый. Век двадцатый : (ист. очерки). Вятка (Киров) : Витберг, 2017. 140 с.
11. [Наумов П.]. Экономическое описание грунтовых дорог Вятской губернии, исполненное при дорожном отделе Вятской губернской земской управы в 1902 году. Вятка : Тип. и хромо-литография М. М. Шкляевой, 1904. 107 с.
12. П-в. О дорогах: письмо крестьянина из Елабужского уезда // Вятские губернские ведомости. Приложение. 1899. № 117 (5 окт.). С. 3.
13. Полное собрание законов Российской Империи. [СПб.] : Тип. II отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 34: 1817. 958 с.
14. Россия в дорожном отношении / сост. В. Ф. Мейен. СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1902. Т. 1–3. 144, 467 + 928 + 588, 81 с.
15. Трошина Т. И. Дорожная повинность государственных крестьян Русского Севера // Двинская земля. Котлас : ЭЛПА, 2007. Вып. 5: Мат. пятых межрегион. общественно-науч. ист.-краевед. Стефановских чтений / гл. ред. С. А. Гладких. С. 28–32.
16. Центральный государственный архив Кировской области.
17. Энциклопедия земли Вятской. Киров : Обл. писат. организация, 1996. Т. 6: Знатные люди / сост. С. П. Кокурина; ред. В. Д. Сергеев. 538 с.

"He shouted that there is not enough gravel": repairing roads in Vyatka province in the 18th–19th centuries

V. A. Korshunkov

PhD in History, associate professor, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: vla_kor@mail.ru

Abstract. Road problems are very important for understanding the Russian Empire as the largest continental state in the world. But historians don't study actively the road aspects of the former Russian everyday life and the system of public administration. Meanwhile in legislative acts and orders, in our archives, in old periodicals and memoirs, there is a considerable amount of evidence on the methods of paving and repairing land roads and bridges in the 18th–19th centuries. Reliable information about road repairs makes it possible to better understand the internal structure of the Russian state, as well as the attitude of the authorities towards the people. These problems are considered in the paper on the example of the Vyatka province.

The identified and used source materials date back to the second half of the 18th and 19th centuries, i. e. mainly to the time before the Great Reforms, that is, to the period of unlimited autocracy and serfdom. The people

at this time were driven to roads and forced to dig, carry, throw, tamp. Labor duties included filling potholes, leveling bumps on the roadbed, digging ditches to drain water, deforestation along roadsides, repairing bridges, and in addition to provide carts. It was especially difficult to work on the roads of the Russian North, where the population is not crowded, and the distances are huge, and there are plenty of rivers, streams and swamps. Archival data point to constant attempts by the authorities to more equitably distribute the burden of these labors and constant attempts by ordinary people to evade them. The exploitation of the population in road works in the Russian Empire was too great, and the organization of labor was extremely ineffective. If the roads were repaired, it was usually on the eve of the visits of high authorities but for a short time only.

Keywords: roads, Russian Empire, everyday life, Vyatka province, public administration.

References

1. *Bekhterev N. P. O vysochayshikh poseshcheniyakh Vyatskoy gubernii* [About the highest visits to the Vyatka province] // *Stoletiye Vyatskoy gubernii. 1780–1880 : sb. mat. k istorii Vyatskogo kraja* – Centenary of the Vyatka province. 1780–1880. Vyatka. Tip. Gub. pravleniya i litografiya Kotlevich. 1881. Vol. 2. Pp. 819–852.
2. *Vasilyev M. I. Faktory formirovaniya oblika russkikh dorog v X – nachale XX v.* [Factors of the formation of the Russian roads' appearance in the 10th – early 20th] // *Etnograficheskoye obozreniye* – Ethnographic Review. 2013. No. 3. Pp. 125–135.
3. *Ivanov A. G. Mariytsy Povolzhia i Priuralia (po ikh nakazam v Ulozhennuyu komissiyu 1767–1768 gg.)* [Mari of the Volga and Ural regions (according to their orders to the Legislative Commission in 1767–1768)]. Yoshkar-Ola. Resp. poligrafich.-red. obyedineniye Mininformpechaty Respubliki Mariy El. 1993. 103 p.
4. *Iz zapisok preosvyashchennogo Nikodima Kazanskogo* [From the notes of His Grace Nikodim of Kazan] // *Tr. Vyatskoy uchenoy arkhivnoy komissii* – Proceedings of the Vyatka Scientific Archival Commission. 1912. No. 3. Sect. 3. Pp. 1–50; 1913. No. 1–2. Sect. 3. Pp. 51–98.
5. *Izergina N. P. Vasily Tikhonovich Feonov – uchenik Vyatskoy dukhovnoy seminarii i poet pushkinskoy pory (1794–1834)* [Vasily Tikhonovich Feonov – student of the Vyatka Theological Seminary and poet of the Pushkin era (1794–1834)] // *Petryayevskiye chteniya. 2001 : tez. dokl. k chteniyam – Petryayevskie readings. 2001 : abstracts for readings* / ed. by V. N. Kolupayeva, A. L. Rashkovskiy. Kirov-na-Vyatke : Kirov regional scient. library n. a. A. I. Herzen. 2001. Pp. 127–129.
6. *Instruktsiya o trudovom uchastii naseleniya v rabotakh na dorogakh selskogo, kantonnogo i oblastnogo znacheniya* [Instruction on the labor participation of the population during the works on the roads of rural, cantonal and regional significance]. Yoshkar-Ola. Pervaya tip. Marobizdata. 1929. 16 p.
7. *Kolotov A. V. Aleksandr I v Vyatke (k 125-letiyu so vremeni poseshcheniya)* [Alexander I in Vyatka (on the 125th anniversary of his visit)] // *Pamyatnaya knizhka Kirovskoy oblasti i kalendar na 2009 god : inform.-stat. sb.* – Handbook of the Kirov region and calendar for 2009 : information and statistical collection / ed. by N. I. Zorin et al. Kirov (Vyatka). Territ. organ of Feder. Service of State Statistics of the Kirov region. 2009. No. 7 (56). Pp. 293–295.
8. *Kratkiy obzor sredstv soobshcheniya v Vyatskoy gubernii* [A brief overview of the means of communication in the Vyatka province] / ed. by P. Naumov. Vyatka : Tipo-litografiya M. M. Shklyayevoy. 1908. 150 p.
9. *Custine A. de. Rossiya v 1839 godu* [Russia in 1839]. Moscow. Publ. house n. a. Sabashnikov. 1996. Vol. 1–2. 528 + 480 p.
10. *Markelov A. V. Dinastiya Romanovyyh i Vyatka: Vek devyatnadcaty. Vek dvadcaty: (ist. ocherki)* [The Romanov Dynasty and Vyatka: Nineteenth Century. Twentieth century: (historical essays)]. Vyatka (Kirov). Vitberg. 2017. 140 p.
11. [Naumov P.]. *Ekonomicheskoe opisanie gruntovykh dorog Vyatskoy gubernii, ispolnennoe pri dorozhnom otdele Vyatskoy gubernskoy zemskoj upravy v 1902 godu* [An economic description of dirt roads in the Vyatka province, executed at the Road department of the Vyatka provincial zemstvo council in 1902]. Vyatka. Tip. and hromolit. of M. M. Shklyayeva. 1904. 107 p.
12. *P-v. O dorogah: pis'mo krest'yanina iz Elabuzhskogo uezda* [About the roads: a letter from a peasant of the Yelabuga district] // *Vyatskie gubernskie vedomosti* – The Vyatka province news. Application. 1899. No. 117. P. 3.
13. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy Imperii* [The complete collection of laws of the Russian Empire]. [SPb.]. Tip. II otd. Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. 1830. Vol. 34: 1817. 958 p.
14. *Rossiya v dorozhnom otnoshenii* [Russia and Russian roads] / ed. by V. F. Mejen. SPb. Tip. of the Ministry of Internal Affairs. 1902. Vol. 1–3. 144, 467 + 928 + 588, 81 p.
15. *Troshina T. I. Dorozhnaya povinnost' gosudarstvennykh krest'yan Russkogo Severa* [Road duty of state peasants in the Russian North] // *Dvinskaya zemlya – Dvina land. Kotlas. ELPA. 2007. No. 5: Mat. of the Fifth interregional social and scientific historical ethnographical Stefanovskie readings* / ed. by S. A. Gladkih. Pp. 28–32.
16. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kirovskoy oblasti* [Central State Archive of the Kirov Region].
17. *Enciklopediya zemli Vyatskoy* [Encyclopedia of the Vyatka Land]. Kirov. Obl. pisat. organizaciya. 1996. Vol. 6: Znatnye lyudi / ed. by S. P. Kokurina, V. D. Sergeev. 538 p.

Старообрядческие общины Кировской области в годы Великой Отечественной войны

И. Ю. Трушкова¹, Е. И. Титова²

¹доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-2944-2446. E-mail: trushkova@vyatsu.ru

²кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: usr067099@vyatsu.ru

Аннотация. Новые ракурсы рассмотрения истории России выявляют пробелы в разных хронологических периодах и таксономических уровнях местности, в том числе локусах, в плане освещения истории повседневности и в кризисные/военные времена. История старообрядчества в российской глубинке в годы Великой Отечественной войны призвана устранить ряд пробелов в региональной истории. Цель работы – собрать материалы и реконструировать картину повседневности старообрядческих семей в Кировской области в 1940 – начале 50-х гг., выявить модели поведения людей на фронте и в тылу, а также состояние религиозной аскезы. Предмет исследования – локальная история старообрядческих общностей на примере Афанасьевского (Зюздинского и Бисеровского) района Кировской области в данный период.

На основе практически сплошного этнографического обследования современных мест жительства старообрядцев в Афанасьевском районе Кировской области выявлено, что в предвоенные, военные и первые послевоенные годы в этом крае среди прочих выявляется модель воспроизводства трудовых, семейных и общинных отношений, свойственная выходцам из старообрядчества. Благодаря религиозной аскезе работала система преодоления хозяйственных трудностей. Религиозность, особая внутренняя дисциплина помогала людям в «трудности» в тылу и на фронте.

Записанные воспоминания и биографии родственников, живших в годы войны, выявляют особенности системы преодоления трудностей, поведенческие технологии и специфику локальной микроистории, истории колхозов, истории личностей и т. п.

Область применения результатов – сфера образования, науки, культуры, этноконфессиональной и молодежной политики, гражданского общества.

Ключевые слова: героизм на фронте, трудничество в тылу, латентное воспроизводство религии, антикризисные поведенческие технологии в 1940 – начале 1950-х гг.

Актуальность. В настоящее время в исследованиях истории повседневности/микроистории актуализируются вопросы семейных ценностей как одной из непреходящих основ жизни российского общества, их воспроизведение оказывает влияние на состояние духовности и экономико-хозяйственной ситуации, в том числе даже в малых, сельских территориях. Общеизвестно, что в старообрядчестве к институту семьи всегда было воистину святое отношение. Из поколения в поколение предавались религиозные традиции, эффективным было трудовое воспитание, поддержка родни и общины, четким было восприятие и распределение гендерных различий. Немало испытаний выдержало староверие и до 1917 г., и в советский период. Отдельные стороны истории старообрядчества в Вятском регионе в XX в. представлены в ряде работ [6, с. 116–119; 11, с. 173–183; 8, с. 68–75]. Однако на сегодняшний день не полностью изучена история старообрядческих семей в регионах в годы такого сурового испытания, как Великая Отечественная война.

Цель работы – реконструировать этноконфессиональную ситуацию в предвоенные, военные и первые послевоенные годы на территории современного Афанасьевского района Кировской области, проанализировать мотивы при преодолении трудностей, степень воспроизводства религиозных и традиционных ценностей. Афанасьевский район в плане изучения темы представляется достаточно репрезентативным для Кировской области вообще, т. к. на его территории исторически обнаруживаются главные согласия в староверии, а также существенная степень сохранности данного явления. В качестве научного предположения можно рассматривать обозначение общего и особенного в их конкретных проявлениях на примере этнографии, истории повседневности отдельного локуса.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке исторической модели поведения групп населения в экстремальных ситуациях, устранении пробелов в локальной истории в определенные периоды XX в.

Методы исследования включают так называемое «включенное наблюдение», сравнительно-исторические построения, обработку некоторых музейных и архивных данных по этноконфессиональной истории. Причем под архивными этнографическими источниками традиционно подразумевается комплекс этнокультурной информации, собранный в экспедиционных условиях и именуемый «полевыми материалами автора» (ПМА). При реконструкции повседневности активно используется прием так называемого «пространного цитирования» из ПМА, которое в антропологии используется для большей объективности и для демонстрации деталей повседневности. Именно такой подход приводит к определенным результатам. К академическим исследованиям темы активно привлекались члены религиозной общины в рамках работ по проекту-победителю в Конкурсе Президентских грантов 2020 года (№ 20-1-029804 «Старообрядческие семьи в годы Великой Отечественной войны: краеведческие исследования в воскресной школе местной общины РПСЦ»). Изучение военных лет, поведения человека во время военных деструкций этнографическими/антропологическими методами способствует выявлению новых ракурсов в повседневности [5; 7, с. 24–30; 10, с. 24–29].

Результаты. Известно, что старообрядчество активно распространилось на территории современного Афанасьевского района Кировской области еще в XIX в., причем как поповского, так и беспоповского толков [13, с. 247]. Характерные группы верующего населения – русские и зюздинская группа коми-пермяков. Ныне, в первые десятилетия XXI в., старообрядчество соотносится с несколькими сельскими/деревенскими округами, среди которых – дд. Кувакуши, Илюши, Савинцы, Рагоза и некоторые другие.

Практически сплошной опрос членов религиозных сообществ выявил важную историческую информацию по массовым, каждодневным подвигам на фронте, преодолении трудностей в тылу. Типичные примеры заключаются в следующих воспоминаниях и биографиях.

Мария Афанасьевна Сидорова родилась в деревне Полячёвы Афанасьевского сельского совета в 1917 году. После окончания третьего класса пошла помогать колхозу. В 1924 г. ей исполнилось 24 года, а в конце 1942-го пришла повестка на фронт. Полк был отправлен на охрану Мурманска и Мурманского порта. Задачей девушек было освещение прожекторами вражеских самолетов, а соседние батареи вели по ним обстрел. Марию назначили старшим прожектористом, ее место – на посту управления. Девушки изучали устройство прожекторов, должны были хорошо знать устройство винтовки, учились разбирать ее и собирать, учились определять типы немецких самолетов. Они строили землянки.

«Когда приехали на Север, мы впервые увидели, что такое полярная ночь, узнали, что такое бомбежка... Конечно, было страшно, хотя и не на передовой, но чувствовали фронт – он проходил от нас в километрах 30-ти».

На фронте погиб старший брат Марии. От мужа она получила всего одно письмо, написанное им по дороге на фронт, не знает, где он воевал, где похоронен.

За отличную службу ей присвоено звание ефрейтора. Имеет она и медали – «За победу над Германией», «За оборону советского Заполярья», Орден Отечественной войны II степени и другие награды...» [12, л. 5].

Еще один сюжет: «Русских Афанасий Филиппович (18.07.1908–12.03.1971) родился в деревне Архипята Зюздинского района Кировской области в многодетной семье. Учился в церковно-приходской школе, получил образование четыре класса. Участвовал в Финской войне, получил ранение. У Афанасия Филипповича на глазу было бельмо, и он плохо видел. По этой причине сначала его на войну с немцами не брали. Но в 1942 г., когда наши войска несли большие потери, Афанасий Филиппович был призван Бисеровским РВК в действующую армию. Дома осталась жена с пятью детьми. Позднее она родила еще одну дочку Галину и умерла. Дети остались без родителей. Тогда Бисеровский РВК, вследствие тяжелого семейного положения, стали ходатайствовать, чтобы Афанасия Филипповича отпустили домой, к детям».

Из воспоминаний об отце сыновей Николая и Сергея: «Служил отец (Русских Афанасий Филиппович) под командованием маршала Жукова. Когда взяли немцев в плен, папа видел фельдмаршала Паулюса, из-за плохого зрения папа служил в хозяйственном взводе на лошади. Подвозил военно-полевую кухню, воду для бойцов. Часто приходилось собирать раненых и убитых с поля боя. В одном из боев его ранило в плечо. Папа лежал ничком на земле и плакал,

то ли от боли, то ли от того, что остался жив. Он участвовал в Сталинградской битве. Шли очень тяжелые бои, потери несли обе стороны. Трупы погибших лежали вперемежку, как снопы, стеной по всему полю. И когда папа поехал собирать раненых бойцов, вдруг колесо телеги зацепило немецкую руку, которая не давала ехать дальше, спасти раненых бойцов РККА. Отец взял топор и отрубил немцу руку. Еще вспоминал об одном трогательном случае. Когда вели немецких военнопленных, вдруг один немец попросил кусочек хлебушка, и папа не пожалел для него хлеб. В знак благодарности немец снял шинель и хотел вручить отцу. Афанасий Филиппович не взял, отказался, сказал: «Если возьму, меня убьют наши!». Показательно, что в боях красноармеец противника не щадил, а к пленённому, поверженному врагу проявил некоторое милосердие. Пространное цитирование воспроизводит мириады важных деталей повседневности военного времени.

В Афанасьевском районном краеведческом музее хранится Наградной лист на Трефила Тихоновича Порубова, 1911 года рождения, рядового секретного подразделения, выполнявшего работу наблюдателя НП в НОС 59 Отдельной армейской роты ВНОС. В представлении к награждению медалью «За отвагу» значится, что он, «участник Отечественной войны в борьбе с немецкими захватчиками с июня 1941 года, призван Бисеровским РВК». В разделе «Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг» отмечено, что «тов. Порубов как наблюдатель поста в НОС выполнял службу бдительно, с отличным знанием порученного дела. Правильно опознавал появляющиеся цели самолетов противника, своевременно и точно доносил о них на главный пост армии. При наведении или исправлении порывов проводной связи проявил исключительное спокойствие и быстроту действий, выполняя задания в заданный срок. Исполнительный, верный защитник Советской родины, достоин награждения медалью «За отвагу». Командир 59 Отд. арм. роты Внос ст. лейтенант роспись / Иргуганов /. 19 июня 1945 года. Круглая черная печать 59-й Отдельной армейской роты ВНОС».

Среди афанасьевских староверов были и те, кто боролся за блокадный Ленинград, освобождал западные регионы СССР, страны Европы. Василий Януарвич Русских, дата рождения – 9 мая 1914 года, воевал в Ленинграде. И в старости он не мог спокойно вспоминать блокаду, голод, отсутствие хлеба. По воспоминаниям детей, он сильно расстраивался, когда его спрашивали про войну, мотал головой и со слезами на глазах говорил, что хлеба уже в осажденном городе и не знали. Только после прорыва блокады стали «вспоминать хлеб». «И вот, когда папа был на посту 9 мая, услышал, что музыка заиграла и подумал откуда музыка? И когда объявили, что война закончилась, подошел к нему командир, видимо, посмотрел в документах про день рождения Василия Януаровича, и сказал, что теперь 9 мая тот будет два праздника отмечать». Есть и такая память: «...дедушка Порубов Давыд Ксенофонтович до Берлина дошел, там победу встретил» [12].

Боевые подвиги, история известной в крае военной династии Русских описаны родственниками [4]. О подвигах на фронте Николая Евгеньевича Порубова, Данилы Калиновича Порубова и других уроженцев Афанасьевского края говорят наградные документы, фотографии, личные вещи в Илюшевском сельском школьном музее.

Лишения, аскеза, отданная во имя победы жизнь – все это воспринималось как испытание, необходимость во имя продолжения мирного, созидательного воспроизводства родной культуры. Известно, что на фронт только из Н.-Носковского сельского совета ушли 144 человека, вернулись живыми из них всего лишь 23. Тридцать девять Артемихиных из Савинцев, Илюшей, Кувакушей ушли на фронт. Двадцать три человека из них родились не позднее 1923 г.; они пропали без вести в 1942–1943 гг., остальные погибли и захоронены в Сталинграде, Смоленской, Калининской, Кировоградской, Ленинградской областях, Польше и т. д. [2, с. 249–251]. Сходную картину выявляет анализ судьбы ушедших на фронт с другими фамилиями.

Показательно, что уходивших на фронт выходцев из старообрядчества обязательно благословляли родители, смотрели, чтобы новобранцы уходили с нательными крестами, они сами про себя на фронте, и их родственники в тылу молились о здравии, возвращении воинов и о победе. Некоторые верили, что именно крест спасал их. В этой связи как поучение выглядит рассказ, когда «староверческий крест помог бойцу вернуться с фронта. Но вот оказия! – по приезду он пошел в натопленную баню, снял крест из-за жара, вышел из бани в прохладу без креста, наткнулся на топор, рана загноилась и оказалась смертельной» [12]. Урок явно просматривается: нательный крест оберегает человека везде.

Тяжелые испытания преодолевали женщины, старики и дети, оставшиеся в тылу, в данном случае – в разных деревнях тогдашних Зюздинского и Бисеровского районов Киров-

ской области. Показательная судьба труженицы тыла, жены участника Великой Отечественной войны Мокея Евстегнеевича Белева Аксиньи Пахомовны Белёвой (1910–1955). «Семья жила в дер. Наумовская Ново-Носковского сельского совета Зюздинского района Кировской области. До войны семья жила своим хозяйством: огород, корова, другая живность позволяли содержать семью. После ухода мужа на фронт все работы дома и в колхозе легли на плечи Аксиньи Пахомовны. С утра и до вечера на работах в колхозе, а еще нужно было управиться и с домашними делами: истопить печь, накормить, напоить скотину, подоить корову, детей накормить. Старшему сыну Леониду было восемь лет, остальные еще младше.

Вернувшись после войны домой, муж Мокей стал работать кузнецом в колхозе имени Ленина. А так как кузнец в колхозе был один, то его ценили и больше никуда не посылали. Он очень нужен был в колхозе: подковать лошадей, выковать детали к телеге, косилке, к саням, различные детали к мельнице, металлические скобы, петли на ворота и др. Поэтому его жену Аксинью Пахомовну от колхоза в зимний период посылали на лесозаготовки. Где-то три зимы подряд она жила в бараке и работала на лесоучастке Ждановка. Бригаде приходилось вручную пилить и рубить лес в делянках, обрубать сучья, а потом бревна вывозили на лошадях в Песковку.

В это время по хозяйству дома управлялся Мокей Евстигнеевич. Помощником был уже 12-летний сын Леонид. Сын помогал ему в кузнице. Без матери было очень трудно. Дети нуждались в заботе, и за скотиной надо было ухаживать. Поэтому чаще всего ребяташки пили молоко с лепешкой. Молоко оставалось, из него получали сметану, масло. Каждая семья обязательно должна была сдать государству 9 кг масла, мясо, шерсть, лук. Мокею платить было нечем. И у них со двора увели корову в счет долга. Так, непосильный труд вдали от дома сопровождался беспокойством за оставленные дома семьи, переживаниями за детей. Аксинья тосковала, переживала. Время было очень тяжелое. Аксинья Пахомовна летом вместе с другими женщинами ночью при луне молотила зерно на гумне, чтобы уже утром отправить подводу на фронт. На работу, с работы ходили с молитвой, так как в то время она была «символом» жизни, помогала дожить до победы.

Летом, в сенокосную пору траву скашивали вручную. Подростки сгребали сено, носили копны. Самыми тяжелыми, голодными были 1946–1947 годы. Но люди находили силы трудиться не покладая рук. За счет напряженного труда народ восстанавливал разрушенное. Колхозники занимались заготовкой леса; весной – сплавом древесины, летом выполняли полевые работы.

Аксинья Пахомовна от изнурительного, тяжелого труда заболела и вскоре умерла. Ей было тогда всего 45 лет. Младшей дочке (пятый ребенок в семье) был годик. И снова Мокею пришлось одному воспитывать детей, хотя он продолжал работать в кузнице, с восхода солнца и дотемна, не считаясь со временем... Похоронена Аксинья Пахомовна на кладбище в Савинцах» [12]. Постоянно имея дело с книгами, записями духовных стихов и другими текстами, старообрядцы без особого труда составляют письменные варианты жизнеописаний своих родственников. Именно «пространное цитирование» выявляет мириады исторических и этнокультурных штрихов в повседневности, манеру речи, реконструирует не «раздерганную» на мелкие выдержки историю конкретных людей.

Показательная судьба и другого жителя – Матвея Васильевича Казакова (1883–1980 гг.). Судя по записанным воспоминаниям о нем его родных, он родился и жил в дер. Ключевской Н.-Носковского сельсовета Бисеровского р-на Кировской области. Матвей Васильевич – участник I Мировой войны (1914–1917 гг.), участвовал в боевых действиях в Австрии. Во время Великой Отечественной войны трудился в тылу, а также был священнослужителем-старообрядцем.

«Всю свою жизнь Матвей Васильевич с семьей прожил в деревне Ключевская Бисеровского с/с. Основателем этой деревни был его дед Григорий. В конце XVIII в., отслужив в армии 25 лет, Григорий получил от царицы Екатерины II за его службу бумагу-документ (дарственную) на вечное пользование землей. И вот в этом месте, около ключа (родника) он поселился, построил себе дом. По прибытию на место он увидел густой лес. “Кругом лес и одна дырка в небо”, – приговаривал Григорий. Деревня стала называться Ключевская. Из воспоминаний родственников: “И вот в 1914 году началась Мировая война, в которой участвовало и наше государство. Матвея направили на фронт. Сразу после призыва на войну у жены Александры родился сын Денис, а Матвей Васильевич, находясь в Австрии, попал в плен. До сих пор сохранилось письмо, отправленное домой из Австрии. Пока Матвей был в плену, учился там в семинарии, где научился старославянскому церковному языку, после войны вернулся домой, в семье

появилось еще пятеро детей. Время было тяжелое: революция, гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война, религиозные преследования. И все это надо было достойно пережить, работать, растить детей.

Ближняя старообрядческая церковь находилась в Старо-Носках, недалеко от Савинцев. В этой церкви служил батюшка Андрей Русских. В 1936 г. туда ребенком носили крестить Дашу (ныне – Дарья Вавиловна), из деревни Власовская тайно ночью, под утро. Потом начались гонения, церковь разобрали, а последнего священника Андрея сослали и расстреляли (примерно в 1937 г.). Это подтверждается и другими источниками: «Русских Андрей Ильич, 1879 г. р., уроженец и житель д. Закултан Савинского с/с Афанасьевского (Бисеровского) района, русский, священник. 22 сентября 1937 г. особой тройкой при УНКВД по Кировской области по ст. 58, пп. 10, 11 УК РСФСР подвергнут высшей мере наказания. Расстрелян 27.09.1937. Реабилитирован 28.03.1989» [3, с. 67].

По воспоминаниям жителей известно, что и Матвей Васильевич был священнослужителем, он много крестил детей, причащал, благословлял ушедших на войну, проводил службы в домах в дер. Архипята, Власовская, Мальчата. «На великие праздники собирались глубокой ночью прихожане и у него дома. У Матвея для крещения была купель, кадило и другие приспособления, много церковных книг. Некоторые книги большие, тяжелые. Была еще книга в деревянном переплете с металлическими крючками. Детям не показывал, берег. Молитвы читали в основном ночью, когда дети спали. И по ночам тайно делали свечи из воска.

Матвей Васильевич работал в колхозе скотником на свиноферме, рабочим в поле. После войны также продолжал работать, хотя уже был в пенсионном возрасте.

Во время Отечественной войны и после нее 11 лет приходилось растить и воспитывать шестерых детей одному. Его жену Александру сослали в тюрьму за две горсти зерновых обмолоток, которые она завернула в фартук, чтобы накормить детей...» [12].

Афанасий Филиппович Русских, в 1943 году демобилизовавшись, работал председателем колхоза имени Ленина. «Шли трудные, голодные годы. Надо было восстанавливать народное хозяйство в освобожденных от врага территориях... В военные годы выращивали зерновые, лен, из семян льна получали масло. Весь выращенный урожай отправляли в хлебопоставки, а сами систематически не доедали. Афанасия Филипповича называли “жадиной” за то, что он не давал убирать колоски с поля. Но все равно его судили за растрату, в те времена люди очень голодали... Жили единоличными хозяйствами. Афанасий Филиппович содержал большое подворье. Позже раскулачили, все отобрали. От первой жены у него родилось шестеро детей: Леонид, Петр, Емельян, Семен, Елена и Галина. Так как первая жена умерла, он женился во второй раз, жену тоже звали Машей. Она родила четверых – Сергея, Анатолия, Валентину и Николая. У третьей жены детей не было. Когда образовался лесоучасток, Афанасий Филиппович пошел рабочим туда. Награды его не сохранились...» Передаваемое по наследству крепкое здоровье помогало выстоять в голодные годы, поддерживать семейство.

В рассказах старожилов сохранился эпизод об одном старике-старообрядце, которого еще в 1937 году арестовали за единоличное хозяйство, ему тогда было уже под 100 лет. С другими арестантами его отвезли в Киров, после допросов, с покалеченным здоровьем отпустили. Но уже никто отвезти его обратно домой не собирался. Он сам, пешком, в осенние холода дошел до своего Зюздинского района, какое-то время пожил, весной еще руководил посевной в своем хозяйстве и только потом занемог и умер [12, л. 11]. Привыкшие к постоянной аскезе и труду крестьяне являли образцы силы здоровья, хотя и не всегда.

Музейные материалы говорят о самоотверженной работе подростков в тылу. Деревенских ребят отправляли на заводы. Фабрично-заводское обучение прошло семь мальчишек и девчонок из Илюшей. Среди них:

- Артемихин Илья Семенович 1924 года рождения, с 1941 года работал на Омутнинском маслозаводе;
- Артемихин Игорь Семенович 1924 года рождения, с 1944 г. работал в Омутнинском ремонтном управлении;
- Порубов Геннадий Ефимович 1927 года рождения, был отправлен на завод в Черную Холуницу, там умер;
- Артемихин Александр Семенович с 1943 г. работал на заводе в Омутнинске,
- Артемихина Ирина Егоровна 1927 года рождения, с 1944 года работала на заводе;
- Порубова Елена Евстафьевна 1928 года рождения, с 1944 года работала на заводе;
- Порубов Анатолий Евстафьевич 1931 года рождения, с 1944 года работал на заводе.

Материалы Илюшевского сельского школьного музея свидетельствуют, что отсюда подростки, молодежь, молодые женщины были мобилизованы на трудовой фронт, на лесозаготовки всего – семь человек. Это – Порубова Анастасия Платоновна 1917 года рождения, Артемихина Мария Осиповна 1920 года рождения, Артемихина Фекла Деевна 1921 года рождения, Носков Роман Сергеевич 1928 года рождения, Порубов Ананий Савельевич 1928 года рождения, Артемихин Василий Михайлович 1924 года рождения и Порубов Игнат Максимович 1917 года рождения.

В записанных воспоминаниях есть такие строки: «Все колхозницы в годы войны осознавали, что им нужно было растить хлеб, детей и кормить страну – фронт и освобожденные районы. Старожилы вспоминают, что “в годы войны в жизни крестьян кроме самоотверженности была еще и жуткая бедность. Ели хлеб с клевером. Хлеб из амбаров выметался весь для сдачи государству, и крестьяне должны были питаться за счет домашнего огорода. Личное хозяйство все облагалось налогом. Платили и военный налог с каждого члена хозяйства. К тому же наши женщины должны были со своего скудного заработка перечислять в Фонд обороны зарплату, продовольствие и выкупать облигации, вязать и шить теплые вещи на фронт и т. д.”».

Характерный сюжет из локальной микроистории вырисовывается даже с манерой речи. В частности, родственница Валентины Максимовны Порубовой (дата рождения – 25.02.1933), жительницы д. Илюши, записала от нее такие воспоминания: «На фронт ушли у меня три брата: Максим, Антоний, Никита, все трое погибли. На Финской войне до этого погиб четвертый брат – Сидор. Такой де гармонист был. Мама все говорила, дед-то работал батюшкой, играть на гармошке грешно – бесей веселить, а Сидор на свадьбу или девичник уйдет, гармонист был, без разрешения уйдет. Придет, дед его так налупит, так налупит – Сидор в постеле лежит. Токо поправится – опять идет... Мой отец, Максим, ушел на фронт 29 августа 1941 года, мама (Ульяна Гавриловна) провожала его до Афанасьево... Братья отца Антоний и Никита пропали без вести. До сих пор о них ничего не нашли. Отец погиб под Смоленском в декабре 1941 г. Костя вот рассказывал князьинский (Константин Гудовских), они служили в одной роте. Отца, видно, ранило, он пулеметчиком был, ранило и ревел. Костя потом в письме писал: “Если письма нету, то и Максима нету”. В декабре месяце 40 градусов мороз был, он пулеметчиком был, может, кто подобрал его, а может...

Розыскные мама писала, так вот – погиб в декабре месяце, без вести... Больше ничё не знаю. Письмо только писал маме: “От коровы не отставай, а то очень тяжело будет. Как-нибудь, как-нибудь держите корову”. Когда пошел в армию, тоже велел корову держать. Корову мы продержали. Тут в газете про корову прочитала, так я прослезилась. Отец у нас тоже так писал... В основном выжили те, у кого была корова.

В 9 лет я окончила первый класс, а потом, весной уж, боронила. Три месяца летом мы все работали. Василиса вот, Анна, Коля (брат и сестры) – все мы четверо боронили. И сенокос, и грести. Бабы, де, ругаются, в 10 лет, мы чё, какие ишо грабильщики. А Анна Мишиха все говорила: “Но вы ругаетесь, у вас ребята тоже ведь будут, так тоже ведь учить будете”. Раз посылают, дакчё. То загребать потом нас поставят, то топтать. Летом боронили, дак когда спать? Ночью работали, днем-то обводно. Мы ночью песни пели, чтоб не уставать. Филимон тут, старичок, говорил: “Вы спите ли, нет ли?” А когда спать-то нам? Утром рано надо ставить. Я потом уж заболела. Меня Анна Мишиха уж выручала. У нас хлеб-от не был, мы остались от отца-то, кому работать. Мама ежегодков таскала, нас тоже девятую у мамы было. И я заболела. А кто лечил тогда? Никто не лечил...

Папа еще в 1940-м году в армию ушел, мы все думали где-то он? розыскные писали, пропал без вести, всё... Мама писать не умела, Лукся писала. А отцу письма не доходили пошто-то. Не получал он. А мы три письма от отца получили... Всяко же потом корову-то держали, ой-ой как. Сенокосить-то негде было. Тепленькую водичку вынесешь корове, пить, и где-то иву, да чё да наломаешь, да и все. Под зарод с мамой ходили, на саночках по насту собирали сено, где зароды оставались, где оверши, да чё да. Принесешь – все корова съедала. Рано тогда выпускали коров весной, счас долго не пускают, раньше и долго летом пастушили. Хлеб ведь обозы, обозы везли. Все на фронт. А куды хлеб девался? В газетах писали, мол, по письмам, что на девять человек одну буханку давали на фронте-то...

Налоги были. Яйца – 300 штук, надо накопить, масло – 9 кг, шерсть надо сдать, мясо надо сдать. “Мама, когда нас молоком-то накормишь?” – “Да вот 9 кг масла накоплю, потом”. А налог все равно надо платить. Некоторые покупали продукты, чтобы налог выплатить... Всяко было, всяко... Носить нече было, исть тоже. Утром встаем, мама уйдет косить, я ишо ма-ла была, траву надо собирать идти. Траву насобирам, да высушим, и в еду...

На трудодень ничё не давали в войну. Когда давали какие-то граммы, но совсем мало. За колосок-от садили. На Трубитане Гриша был, старичок, посадили, так и погиб. За колосок ведь! Загребай до колосинки, все загребай! Ходят уполномоченные, смотрят. Не дай Бог никому так-то. До 1947 года хлеб-от не был у нас в деревнях. Мама насеяли ячмень, да еще зеленоватый жала, повесила, пусть, говорит, сохнет, вот потом рукояткой (ручная мельница) мололи.

В 1953-м я за Мишу вышла, у них колхоз был, да почему-то хлеб-от в нем не был, а у нас колхоз богатый был, с хлебом. "Имени Сталина" назывался. Все деревни были отдельными колхозами: Трубитан, Рагоза, Илюши. Мало мужиков-то в деревню вернулись. Миша вот из плена пришел – так 40 кг весил. Тихон пришел контуженный, и Илья – братья Порубовы. А братья Афоня и Петя у них погибли...» [12]. Такие нарративы детально и реалистично воссоздают картину довоенного, военного и частично послевоенного времени в деревнях на вятском севере. В подобных текстах отражаются мировосприятие и чувства людей в те годы.

Опросы населения показывают, что День Победы в глубинке встречали радостно. С одной стороны, дети радовались, что в честь такого светлого дня их отпустили из школы. Все надеялись, что жизнь станет легче. Но женщины в деревнях ревели, что много мужчин погибло на фронте и они не вернутся в родные места. К примеру, в деревне Илюши вернулось с войны только 18 человек, погиб каждый второй. После войны вернулся и бывший председатель колхоза Семен Алексеевич Артемихин. Из илюшевской бригады колхоза им. Сталина он создал свой колхоз в декабре 1947 года под названием «Колос» и стал его председателем до 1950 года. В 1950 г. произошло объединение колхозов. Колхоз им. 1 Мая и «Колос» вошли в состав колхоза им. Сталина. Его председателем снова избрали односельчанина – Семена Алексеевича Артемихина. Экономические последствия войны преодолевались до начала 1950-х гг.

В годы советской власти, в том числе и в военные времена, религия, разумеется, воспроизводилась латентно. Старообрядческую обрядность не выставляли напоказ. Типичные зарисовки: «...моя мама всегда ходила с крестом на теле. Дома всегда были иконы в переднем углу, всегда ходила на исповедь и причащалась. Ездила в церковь в Омутнинск... Дома всегда молилась и просила бога о здравии всех детей, а нас у нее было шестеро...», «наша бабушка много знала песен, красиво пела. С детства водила хороводы со взрослыми, любую песню – или игрищную, или свадебную могла спеть, да и другие старинные. Никогда не жаловалась, со всеми была дружелюбна, жизнерадостна. И за все благодарила Бога. Когда не стала работать дояркой, то почти каждую ночь во сне видела коров. Ведь с маленьких лет проработала в колхозе дояркой. Они ведь все делали вручную, и доили, и поили, и корм разносили. Телят надо было выхаживать, сами пасли их (коров), да еще и домашнюю работу надо было исправить, сделать...» [12, л. 34]. Усердие, восприятие труда как трудничества видится и в отношении этой доярки к своей работе на ферме.

«Все от Бога», «Господь столько испытаний дает человеку, сколько он может выдержать», «уныние – грех» – именно с такими вечными ценностями преодолевали трудности в тылу женщины, старики и дети из старообрядческих деревень. Разумеется, все религиозные обряды и воззрения воспроизводились латентно. Показательно, что в год 75-летия Великой Победы 9 мая 2020 г. с 9.00 (по сложившейся традиции) в местном, Афанасьевском, храме служилась панихида о павших воинах на полях сражений, о пропавших без вести и умерших от голода и болезней, а также о всех почивших ветеранах Великой Отечественной войны. «Всем защитникам Отечества дай Бог Царствия Небеснаго! Вечная память!!!» – написано на соответствующей странице в социальных сетях [1].

Обсуждение. Из региональных материалов известно, что старообрядцы отличались мужеством, стойкостью, героизмом на фронте, где силы им придавало среди прочего и тайное ношение креста, и молитвы. Их родители, жены, дети и внуки в тылу выявляли значительную аскезу при работе в колхозах, поддержании домашнего хозяйства, здоровья у детей и т. д. Известно, что у крестьянства накопился существенный опыт преодоления кризисов [9, s. 445–450]. Преодолевать лишения и выстоять в них им помогал особый опыт преодоления кризисов – выживание при притеснениях царской власти, потом – в годы атеизма. С молитвами в душе и проговариванием их люди преодолевали голод, утрату близких, в том числе и детей. Наблюдались особые системы выживания и особая мотивация к дальнейшему, после лишений, созиданию.

Заключение. В целом, рассмотренные линии поведения и воспроизводство культуры и ценностей небезынтересны в наши дни, достойны хотя бы частичного тиражирования. Особые молитвы за воинство страны, за людей в тылу были и от старообрядчества, представите-

ли которого всегда относились свято и к Родине – России, и к ее народу. Семейные и трудовые ценности в старообрядчестве прошли проверку в годы войны, положительные образцы героического поведения старших родственников на фронте и в тылу призваны внести дополнительный эффект в современную семейную и иную социализацию.

Список литературы

1. Афанасьевская старообрядческая община. URL: <https://vk.com/groups>.
2. Книга памяти. Т. 1. Киров : Адм. Кировской области, 1993. 720 с.
3. Книга памяти жертв политических репрессий. Т. 1. Киров : Кировская областная типография, 2000. 518 с.
4. Русских А. А. Семейный род Русских Вятского края с 1700 года: архивные материалы, воспоминания. С.-Петербург : Полиграфическое предприятие № 3, 2008. 392 с.
5. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М. : РОССПЭН, 1999.
6. Титова Е. И., Трушкова И. Ю. Особенности передачи культуры и мировоззрения старообрядчества молодому поколению в XX в.: на примере Вятского региона // Вестник гуманитарного образования. Педагогика. Психология. Право. 2016. № 1. С. 116–119. Elibrary ID: 26552378.
7. Трушкова И. Ю., Балыбердин Ю. А. Трансформация ментальности и этнического самосознания населения Вятской губернии во время Первой мировой войны: история инотерриториальных влияний // Вестник ВятГГУ. 2015. № 5. С. 24–30. Elibrary ID: 23923579.
8. Трушкова И. Ю., Титова Е. И. Книжность у старообрядцев Южной Вятки в 1920–30-е годы // Вестник гуманитарного образования. История. Филология. Культурология. 2019. № 2. С. 68–75. DOI: 10.25730/VSU.2070.19.022.
9. Трушкова И. Ю. Опыт преодоления экономических кризисов крестьянскими микроструктурами в российской провинции // Kruzysfinansowy. Т. 1: przebiegiskutkigospodarcze w EuropieWschodniej. Lublin, 2012. S. 445–450.
10. Трушкова И. Ю. Повседневная история российской провинции в годы I Мировой войны (на примере северного вятского пограничья) // Вестник ВятГГУ. 2017. № 5. С. 24–29. Elibrary ID: 29711660.
11. Трушкова И. Ю. Этнопедагогика в культуре старообрядцев Вятского региона // Старообрядческий мир Волго-Камья. Проблемы комплексного изучения : сб. материалов. Пермь, 2001. С. 172–183.
12. Полевые материалы автора (ПМА), Афанасьевский р-н Кировской обл., март. 2020. Д. 1. Л. 5–34.
13. Фармаковский М. Раскол в северной части Глазовского уезда // ВЕВ. 1889. № 10. С. 247.

Old believers' communities of the Kirov region during the Great Patriotic War

I. Yu. Trushkova¹, E. I. Titova²

¹Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of history and political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-2944-2446. E-mail: trushkova@vyatsu.ru

²PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of history and Political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: usr067099@vyatsu.ru

Abstract. New perspectives on the history of Russia reveal gaps in different chronological periods and taxonomic levels of the area, including loci, in terms of covering the history of everyday life and in times of crisis/war. The history of the old believers in the Russian hinterland during the Great Patriotic War is designed to eliminate a number of gaps in regional history. The aim of the work is to collect materials and reconstruct the picture of everyday life of old believer families in the Kirov region in the 1940s–early 50s, to identify patterns of behavior of people at the front and in the rear, as well as the state of religious asceticism. The subject of the study is the local history of the old believers' communities on the example of the Afanasyevsky (Zyuzdinsky and Biserovsky) district of the Kirov region in this period.

On the basis of an almost continuous ethnographic survey of modern places of residence of old believers in the Afanasyevsky district of the Kirov region, it is revealed that in the pre-war, military and first post-war years in this region, among others, a model of reproduction of labor, family and community relations characteristic of natives of the old believers is revealed. Thanks to religious asceticism, the system of overcoming economic difficulties worked. Religiosity, a special internal discipline helped people in "labor" in the rear and at the front.

The recorded memories and biographies of relatives who lived during the war reveal the features of the system of overcoming difficulties, behavioral technologies and the specifics of local microhistory, the history of collective farms, the history of individuals, etc.the

Scope of the results is the sphere of education, science, culture, ethno – confessional and youth policy, civil society.

Keywords: heroism at the front, labor in the rear, latent reproduction of religion, anti-crisis behavioral technologies in the 1940s – early 1950s.

References

1. *Afanas'evskaya staroobryadcheskaya obshchina* – Afanasyevskaya old believer community. Available at: <https://vk.com/groups>.
2. *Kniga pamyati* – Book of memory. Vol. 1. Kirov. Adm. of Kirov region. 1993. 720 p.
3. *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressij* – Book of memory of victims of political repressions, Vol. 1. Kirov. Kirov regional printing house. 2000. 518 p.
4. *Russkih A. A. Semejnyj rod Russkih Vyatskogo kraja s 1700 goda: arhivnye materialy, vospominaniya* [Family generation of Russkih of the Vyatka region since 1700: archival materials, memoirs]. SPb. Polygraphic enterprise No. 3. 2008. 392 p.
5. *Senyavskaya E. S. Psihologiya vojny v XX veke: istoricheskij opyt Rossii* [Psychology of war in the XX century: historical experience of Russia]. M. ROSSPEN. 1999.
6. *Titova E. I., Trushkova I. Yu. Osobennosti peredachi kul'tury i mirovozzreniya staroobryadchestva molodomu pokoleniyu v XX v.: na primere Vyatskogo regiona* [Features of the transfer of culture and worldview of the old believers to the young generation in the XX century: on the example of the Vyatka region] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya. Pedagogika. Psihologiya. Pravo* – Herald of humanitarian education. Pedagogy. Psychology. Right. 2016. No. 1. Pp. 116–119. Elibrary ID: 26552378.
7. *Trushkova I. Yu., Balyberdin Yu. A. Transformaciya mental'nosti i etnicheskogo samosoznaniya naseleniya Vyatskoj gubernii vo vremya Pervoj mirovoj vojny: istoriya inoterritorial'nyh vliyanij* [Transformation of mentality and ethnic self-consciousness of the population of the Vyatka province during the First world war: the history of foreign territorial influences] // *Vestnik VyatGGU* – Herald of VyatSHU. 2015. No. 5. Pp. 24–30. Elibrary ID: 23923579.
8. *Trushkova I. Yu., Titova E. I. Knizhnost' u staroobryadcev Yuzhnoj Vyatki v 1920–30-e gody* [Bookishness among the old believers of southern Vyatka in the 1920s and 30s] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya. Istorija. Filologiya. Kul'turologiya* – Herald of humanitarian education. History. Philology. Cultural studies. 2019. No. 2. Pp. 68–75. DOI: 10.25730/VSU.2070.19.022.
9. *Trushkova I. Yu. Opyt preodoleniya ekonomicheskikh krizisov krest'yanskimi mikrostrukturami v rossijskoj provincii* [Experience of overcoming economic crises by peasant microstructures in the Russian province] // *Kryzysfinansovy. Vol. 1: przebiegiskutkigospodarcze w EuropieiWschodniej*. Lublin. 2012. Pp. 445–450.
10. *Trushkova I. Yu. Povsednevnyaya istoriya rossijskoj provincii v gody I Mirovoj vojny (na primere severnogo vyatskogo pogranich'ya)* [Everyday history of the Russian province during the first World war (on the example of the Northern Vyatka border region)] // *Vestnik VyatGGU* – Herald of VyatSHU. 2017. No. 5. Pp. 24–29. Elibrary ID: 29711660.
11. *Trushkova I. Yu. Etnopedagogika v kul'ture staroobryadcev Vyatskogo regiona* [Ethnopedagogy in the culture of the old believers of the Vyatka region] // *Staroobryadcheskij mir Volgo-Kam'ya. Problemy kompleksnogo izucheniya : sb. materialov* – Old believers' world of the Volga-kamya. Problems of complex study : collection of materials. Perm, 2001. Pp. 172–183.
12. *Polevye materialy avtora (PMA), Afans'evskij r-n Kirovskoj obl., mart. 2020* – Field materials of the author (PMA), Afansyevsky district of the Kirov region, March 2020. File 1. Sh. 5–34.
13. *Farmakovskij M. Raskol v severnoj chasti Glazovskogo uezda* [Split in the Northern part of the Glazovsky uyezd] // *VEV* – VEV. 1889. No. 10. P. 247.

Опыт взаимодействия земских участковых начальников и волостного суда: по материалам Уфимской губернии

Р. И. Кантимирова¹, О. С. Павлова²

¹кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и философских дисциплин,
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Россия, г. Стерлитамак. ORCID: 0000-0001-6179-9475. E-mail: kantimirova.rezida@mail.ru

²кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории,
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Россия, г. Стерлитамак. ORCID: 0000-0002-5371-4918. E-mail: oksana.s.pavlova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению вопросов реализации судебных и административных функций земскими участковыми начальниками как представителями органов местного управления на территории Уфимской губернии. В статье рассмотрены порядок введения в действие, основные требования, предъявляемые к кандидатам на должность земского участкового начальника, а также их правовые полномочия. В статье проанализированы основные формы взаимодействия земских участковых начальников и волостных судов на территории Уфимской губернии, которые определялись не только общероссийскими требованиями, но и региональной спецификой. Отмечено, что, кроме надзорной функции над волостными судами, земские начальники наделялись судебными полномочиями и занимались рассмотрением мелких уголовных и гражданских правонарушений. Также в статье рассмотрены формы надзора и контроля над крестьянскими судами с их стороны. На основе изучения материалов фондов Национального архива Республики Башкортостан, содержащих ежегодные отчеты земских участковых начальников Уфимской губернии, которые составлялись для Уфимского губернского присутствия, рассмотрены конкретные примеры реализации их полномочий в отношении волостных судов.

Авторы пришли к выводу о том, что своей деятельностью земские участковые начальники не только в Уфимской губернии, но и в целом по России способствовали росту правосознания крестьянской среды. Как свидетельствует исторический опыт, все решения волостного суда в апелляционном порядке рассматривались земскими начальниками в соответствии с нормами российского законодательства, а не обычного права. Также благодаря содействию земских участковых начальников сократилась практика телесных наказаний крестьянства.

Ключевые слова: волостной суд, крестьянство, земский участковый начальник, Уфимская губерния.

Введение в 1889 году института земских участковых начальников стало новым этапом в деятельности органов местного управления в Российской империи. Данный институт стал важным звеном в системе административно-судебного контроля деятельности крестьянских органов самоуправления. Отметим возросший в последние десятилетия исследовательский интерес к проблеме взаимодействия земских участковых начальников и волостных судов в России. До настоящего времени данный вопрос не стал темой для специального исследования в отечественной историографии. Дореволюционные авторы чаще давали отрицательные оценки проблемы, изучаемой в контексте установления в лице чиновников административной опеки над крестьянским населением в целом и органами крестьянского самоуправления и суда в частности. Однако при этом современники отмечали, что именно благодаря надзору института земских начальников улучшился личный состав судей, а сам волостной суд «был преобразован в постоянное судебное место с широкой уголовной и гражданской подсудностью» [4; 16; 32; 36]. В советский период оценки деятельности института земских участковых начальников фактически сводились к его крайне негативной характеристике как органа административно-дворянской опеки, поставленного над крестьянским самоуправлением, в том числе и волостным судом [6; 7; 15]. Постсоветские исследования отличает попытка отойти от идеологических штампов в оценке деятельности института земских начальников и дать взвешенную, максимально приближенную к объективности характеристику.

Исследовательский интерес представляет изучение исторического опыта взаимодействия земских начальников и волостных судов на территории конкретных губерний, в том числе и национальных окраинах империи. Данное проблемное поле получило широкое осмысление на региональном уровне. Свидетельством тому стало появление в последнее десятилетие

широкого круга исследований, рассматривающих данную проблему на региональном материале. Опираясь на материалы местных архивов, исследователями проанализированы различные аспекты взаимоотношений земских начальников и волостных судов и с точки зрения административного надзора, и с позиции эффективности судопроизводства [1; 2; 3; 12; 13; 17]. Однако данная проблема на материалах Уфимской губернии изучена недостаточно.

Отметим, что Уфимскую губернию отличало не только периферийное положение, но и полиэтничный и поликонфессиональный состав населения, более половины которого составляли башкиры и татары, исповедовавшие ислам.

В компетенцию волостного суда входило рассмотрение споров и тяжб между крестьянами, а также мелких уголовных преступлений. Согласно Положению о башкирах от 14 мая 1863 года, члены суда ежегодно избирались волостным сходом. Волостными судьями рассматривались мелкие уголовные правонарушения, сумма иска которых составляла не более 100 рублей. Гражданские споры рассматривались на основании норм шариата и обычного права. В 1899 году для волостных и юртовых судов сумма иска повышалась до 300 рублей.

В результате реализации либеральных реформ в 1860-е годы решения волостных судов по земельным и ряду имущественных вопросов могли быть отменены уездным съездом мировых посредников. На территории Уфимской губернии это правило было введено в соответствии с указом 24 января 1867 года [28, л. 104], а позже в 1874 году данная функция перешла в введение уездных по крестьянским делам присутствиям. Нормативным актом, который данные полномочия передал земским участковым начальникам и съездам земских участковых начальников стало законоположение от 6 июня 1894 года «О приведении в действие законоположений от 12 июля 1889 года о преобразовании крестьянских и судебных учреждений в губерниях: Астраханской, Олонецкой, Оренбургской и Уфимской». Согласно циркуляру министра внутренних дел И. Н. Дурново от 18 июля 1894 года уфимскому губернатору Н. К. Логвинову было предписано «вместо имевшихся в губернии раньше 32 мировых судей ввести 69 земских участковых начальников, а вместо 5 добавочных мировых судей городов – 9 городских судей» [11, с. 122–134].

В соответствии с установленными нововведениями, регламент выборов кандидатов в волостные судьи определялся тем, что теперь земский участковый начальник назначал судей из выдвинутых каждым сельским обществом по одному кандидату, а решением уездного съезда земских начальников из их числа назначался председатель суда. Порядок взысканий и отстранения от должности волостного судьи определялся теми же требованиями, что и для волостного старшины. В компетенцию земского начальника входило право пересмотра решений волостного суда. Волостные судьи, избранные волостным сходом, утверждались земским начальником на 3 года. Губернское присутствие утверждало волостным судьям размер жалованья 60 рублей и 100 рублей председателю волостного суда [30, л. 90–94]. Исследователь А. В. Звонцова справедливо отмечает, что широкие полномочия земского участкового начальника в решении вопросов регламентации состава волостного суда создавали двойственную ситуацию. С одной стороны, осознание реального надзора за деятельностью волостного суда ограничивало возможность продажи должности или иных нарушений и в целом создавало благоприятные условия деятельности волостных судов. Однако злоупотребления должностными обязанностями со стороны земских начальников способствовали тому, чтобы в крестьянской среде неохотно проявляли инициативу для участия в деятельности волостных судов лица, этого достойные [9, с. 191–194].

Помимо надзорной функции над волостными судами, земские начальники имели судебные полномочия. На них возлагалось разбирательство гражданских и уголовных дел [35, с. 856]. Кассационной инстанцией для окончательных приговоров земского начальника и городского судьи и апелляционной – для неокончательных приговоров этих судей выступал уездный съезд. Следующей кассационной инстанцией было губернское присутствие, учрежденное согласно закону от 12 июля 1889 года [27, л. 1]. Губернское присутствие осуществляло контроль за деятельностью земских участковых начальников, которые регулярно отчитывались о своей служебной деятельности. Также губернское присутствие было кассационной инстанцией для уездных съездов.

Согласно свидетельству архивных материалов, ежегодно в Уфимское губернское присутствие поступали отчеты земских начальников. В отчете присутствовали ведомости о движении судебных дел у земских начальников, о жалобах на решения волостных судов, ведомости о движении административных дел, о движении дел по волостным судам, о числе подсудимых, которые были в рассмотрении земских начальников и др. [20, л. 88–90].

Практический опыт осуществления судебной деятельности земских начальников в Уфимской губернии свидетельствует о том, что в ряде случаев они выступали арбитрами между волостными судами своего участка, а также судами земских участков других начальников при решении вопросов о подсудности того или иного дела. Отметим, что волостные суды Уфимской губернии рассматривали мелкие уголовные дела и гражданские споры между крестьянами на основе норм шариатского права. Земский начальник мог приостановить исполнение решения волостного суда и представить дело со своим заключением уездному съезду [5, с. 189].

Материалы ревизии Уфимской губернии за 1880–1881 годы (еще до введения должности земского начальника), проведенные сенатором Н. Е. Ковалевским, свидетельствуют о том, что осуществление правосудия в волостных судах часто сопровождалось нарушениями. Так, общие ревизии волостных правлений членами уездного присутствия производились редко и преимущественно исправниками, которые при ревизии обращали внимание на деятельность волостных правлений по взысканию податей и сборов и не касались деятельности волостных судов [14, с. 36–41]. Кроме того, имело место неверное заполнение документации должностными лицами волостных судов. Книги решений волостных судов не заверялись подписями судей, что давало возможность писарю внести любую информацию.

С 1894 года функцию ревизии всех крестьянских учреждений, а также рассмотрение жалоб, поступавших на должностные лица органов волостного и сельского управления Уфимской губернии, осуществляли земские участковые начальники. Ежемесячно земский начальник отправлял отчеты о ревизиях волостных правлений и волостных судов участка в уездные съезды. Например, в 1902 году в обзоре местного 6 земского участка Златоустовского уезда Уфимской губернии Д. А. Левшина отмечалось о проведенной ревизии волостного правления и судов вверенного участка. Давая оценку по результатам проверки, Д. А. Левшин указывал, что «судя по отчетам волостных судов улучшения нравственности среди русского населения по сравнению с прошлым годом почти не замечается. Так, по Емашинскому волостному суду из общего числа осужденных 179 человек подвергнуто наказанию за поступки против общественного благоустройства, народного здоровья и личной безопасности 60 человек, что составило 34 % числа всех осужденных». В его отчетах по Старобелокатайской, Большекуштинской и Белокатайской волостям общие выводы и статистические данные были сходными [20, л. 88–90]. Характеризуя в статистическом измерении опыт реализации судебной практики земскими начальниками, можно привести следующие данные:

Таблица 1

**Судебная деятельность земского участкового начальника 14 участка Бирского уезда
Л. В. Чуфаровского [34]**

Год	Решено земским начальником			
	уголовных дел	гражданских дел	административных дел	всего
1897	28	4	1	33
1898	33	5	1	39
1899	74	10	24	108
1900	73	2	29	104
Итого:	208	21	55	284
В %	73,2 %	7,4 %	19,4 %	100 %

Из данных таблицы видно, что наибольшее число судебных решений было вынесено Л. В. Чуфаровским по уголовным делам.

Основной состав преступлений в Уфимской губернии, за которые население привлекалось к суду земским начальником, были дела о краже лошадей и нарушении закона об охране башкирских лесов. Остальные проступки – мошенничество, обман, самовольная пастьба лошадей крестьянами, самовольная порубка, кража леса, потравы, поджоги, а также дела по жалобам на приговоры и решения волостных судов – имели характер частных случаев [20, л. 88–90]. Эту тенденцию подтверждают и воспоминания земского участкового начальника С. Р. Минцлова, который подтверждал, что все дела в Уфимской губернии носили однообразный характер – главным образом о мошенничествах башкир при сдаче своих земель в аренду: «редкий сдает ее одному лицу – у них чуть не правило – сдавать одну и ту же землю нескольким крестьянам. Оно, что говорить, выгодно до начала пашни!» [18, с. 93].

Материалы делопроизводства земских начальников Уфимской губернии свидетельствуют о том, что часто рассматриваемыми в числе гражданских дел были вопросы о принудительном выходе ряда крестьян из состава сельского общества как лиц «порочных и вредных» [27, л. 1–2]. Так, земский участковый начальник 10 участка Уфимского уезда решил дело об удалении из среды башкира д. Тукмаклов Мухамедсадыха Валиева. В 1911 году ссыльнопоселенец Западно-Кангаласского улуса Якутского округа М. С. Валиев через Якутского губернатора ходатайствовал о возвращении на родину. 13 мая 1911 года башкиры Уфимского уезда Бакаевской волости в присутствии волостного старшины, сельского старосты и 399 домохозяев постановили ссыльного М. С. Валиева не принимать. Сельский староста М. Шаяхметов писал земскому начальнику о том, что М. С. Валиев – человек порочный, сослан за конокрадство и убийство в запальчивости на каторжные работы [22, л. 13–25].

Также в числе часто решаемых гражданских дел земскими начальниками были дела по жалобам крестьян на неуплату бывшими хозяевами денег, «по жалобам арендаторов о нарушении контракта арендодателями-землевладельцами», а также дела «о выкупе крестьянами участков земли» [23, л. 1]. Например, сохранилось архивное дело о том, как земский участковый начальник 4 участка Златоустовского уезда разбирал дело по жалобе Х. Багаутдинова о возобновлении аренды земли жителями поселка Сосновского у башкир д. Труккильдино [26, л. 1]; архивные материалы о жалобе крестьян с. Буланова Белозерской волости Оренбургского уезда на постановление Стерлитамакского уездного съезда по делу об аренде мельничного места у Ахмеровского общества [24, л. 2–4] и др.

Земский участковый начальник С. Р. Минцлов в своих воспоминаниях и дневниках описывает самые разные дела в своей практике. В 1910 году он решал вопрос по делу о жалобе на решение волостного суда между родственниками. Рабочий Пальгов купил у общества усадебный участок и построил там дом. Сосед обнес весь дом городьбой и подал на него в Волостной суд жалобу, якобы он захватил его землю. Суд постановил избу снести, и Уездный съезд приговор суда утвердил. В результате разбирательства дела выяснилось, что по документам, наоборот, у рабочего Пальгова его родной дядя землю захватил [18, с. 26].

Земскому начальнику С. Р. Минцлову пришлось разбирать дела должностных лиц за использование своего служебного положения и злоупотребления по службе. Пристав и полицейский исправник в д. Бурлы, используя свое служебное положение, пытались получить взятку с богатых татар в деле о сносе их домов. Так, в 1905 г. была в Бурлах построена мечеть, а на 30 лет раньше – дома, окружающие ее. Пристав и исправник требовали снести дома вокруг мечети, так как площадь вокруг соборной мечети не имеет законного 30-саженного радиуса, а окружена домами, стоящими от нее на 26–29 сажен. Расследуя дело, обнаружилось, что постройки все каменные и то, что в протоколе названо «строением», оказалось палисадником. Земский начальник дома, окружающие мечеть, оправдал и в требовании их снести полиции отказал [18, с. 57].

Архивные материалы делопроизводства земских начальников также содержат судебные дела по вопросам опекунов и усыновления. Так, 22 августа 1911 года земский начальник 5 участка Уфимского уезда разрешил дело от Емашевского волостного правления об усыновлении Прокопия Григорьевича Калинина крестьянином той же волости Г. Литвиновым. Для уфимской казенной палаты было решено оставить фамилию и отчество усыновленного П. Г. Калинина [25, л. 1–10].

Отметим, что арест и телесные наказания были наиболее тяжелыми формами взыскания, которые налагались волостным судом. Иногда земские начальники пытались решать дела без применения кардинальных мер. Например, земский участковый начальник С. Р. Минцлов угрожал рабочим стекольного завода 51 статьей Устава о наказаниях за бросание работы без предупреждения, арестом до одного месяца за то, что они не вышли на работу и требовали денег не в расчетный день. Рабочие на следующий день вышли на работу [18, с. 77].

Ежегодные отчеты земских начальников Уфимской губернии содержат богатый материал не только о характере деятельности волостных судов, содержании разбираемых дел и выносимых решениях, но и свидетельства о нарушениях в их работе. Так, уфимский уездный предводитель дворянства в отчете от 9 ноября 1896 года указывал, что превышение властных полномочий и нарушение закона в принятии решений земскими начальниками объяснялись неопытностью в делах и недостаточной осведомленностью в вопросах практической реализации законов. В 1895 году уфимский губернатор Н. Х. Логвинов докладывал императору, что «с установлением бдительного надзора через участковых земских начальников сельская

жизнь улучшилась, беспорядки в делопроизводствах волостных правлений и судов устранены. Правосудие на местах совершалось с быстротою и правильностью, достойных похвалы» [34, л. 4–5]. Вместе с тем в процессе деятельности конкретных земских участковых начальников в Уфимской губернии имели место и субъективные, личностные факторы, влиявшие на формирование общественного мнения об их нравственном облике. Так, о земском начальнике 4 участка Уфимского уезда князе В. В. Шаховском сохранились следующие воспоминания современников: «по части выпивки – номер первый, заликает здорово, с самого спозаранку от него уже круто отдает вином» [11, с. 126]. В 1908 году уфимский губернский предводитель дворянства жаловался на личные и служебные качества участкового начальника II участка Белебеевского уезда А. А. Санаева: «человек неуравновешенный, грубый, неприличный в общении с просителями и своим поведением, во время судебных заседаний и странными судебными решениями подорвал у населения всякое доверие к правосудию» [19, л. 76].

Ряд современников подвергали справедливой критике институт земских участковых начальников за совмещение административной и судебной деятельности в руках одного должностного лица. Так, в своих воспоминаниях «Записки земского начальника» А. И. Новиков следующим образом характеризовал освобождение крестьян от крепостной зависимости и деятельность земских начальников: «Дикарь сидел на короткой цепи; это нашли бесчеловечным и отпустили на волю, не приставив к нему миссионера добра; дикарь стал безобразничать, тогда его посадили на длинную веревку» [31, с. 93].

В дальнейшем, согласно закону «О преобразовании местного суда», принятому в 1912 году, был восстановлен мировой суд, а крестьяне снова получили право выбирать не кандидатов, а членов мирового суда [29, л. 1]. Верхний сельский суд под руководством мирового судьи представлял собой апелляционную инстанцию для волостных судов и включал в свой состав председателей волостных судов. Кассационной инстанцией стал съезд мировых судей [10, с. 240]. Однако, как свидетельствует исторический опыт, до 1917 года мировой суд был введен лишь в 20 губерниях Российской империи, тогда как в Уфимской губернии данный закон так и не вступил в силу [8, с. 234].

Таким образом, волостной суд с введением должности земского участкового начальника в своей деятельности стал полностью ему подконтролен. Земский участковый начальник имел широкие полномочия, позволявшие регламентировать состав волостного суда, осуществлять надзорную функцию при рассмотрении гражданских и уголовных дел и в ряде случаев реализовывать судебные полномочия. Анализ конкретно-исторических архивных данных о деятельности волостных судов в Уфимской губернии позволяет сделать вывод о том, что мелкие уголовные и гражданские споры часто рассматривались согласно нормам шариатского права. В свою очередь, земский начальник мог приостановить исполнение решения волостного суда и представить дело уездному съезду с собственным заключением. Отметим также, что наряду с негативными отзывами о земских участковых начальниках, связанных с фактами превышения ими властных полномочий и т. д., имеет место мнение о том, что своей деятельностью данные должностные лица органов местного управления способствовали росту правосознания деревни. Решения и приговоры волостного суда в апелляционном порядке рассматривались коллегией земских начальников в соответствии с нормами российского законодательства, а не обычного права. Также благодаря содействию земских участковых начальников сократилась практика телесных наказаний крестьянства.

Список литературы

1. Башкирева Н. В. Земские участковые начальники Воронежской губернии: состав, функции, деятельность (1889–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Москва, 2010. 280 с.
2. Богатырева О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917). Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2004. 458 с.
3. Бузанова Н. А. Земские начальники Тамбовской губернии: 1889–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Тамбов, 2005. 212 с.
4. Гессен В. М. Вопросы местного управления. СПб. : Право, 1904. 235 с.
5. Горемыкин И. Л. Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам, с последовавшими по ним разъяснениями, содержащимися в решениях правительствующего сената и в постановлениях и распоряжениях высших правительственных учреждений / И. Л. Горемыкин. 3-е изд., доп. и согл. с вышедш. 15 авг. 1897 г. узаконен. СПб. : [б. и.], 1898. Т. 1. 896 с.
6. Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М. : Учпедгиз, 1960 396 с.

7. *Ерошкин Н. П.* Самодержавие накануне краха. М.: Просвещение, 1975. 160 с.
8. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.
9. *Звонцова А. В.* Судебная деятельность земских начальников в Тульской губернии, как институт внедрения законности в крестьянском мире в 80–90-е гг. XIX в. // Вестник Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. 2005. С. 191–194.
10. *Зырянов Н. П.* Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1914) // Исторические записки. № 107. М.: Наука, 1982. С. 226–302.
11. *Ишчулов Ф. А.* Судебно-административная реформа в Башкортостане. Уфа: Китап, 1994. 148 с.
12. *Кантимирова Р. И.* Деятельность земских участковых начальников Уфимской губернии по указу 9 ноября 1906 г // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2014. № 11. С. 32–37.
13. *Кантимирова Р. И., Павлова О. С.* Социокультурная характеристика земских участковых начальников в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Былые годы. 2016. № 4. С. 1269–1276.
14. *Ковалевский М. Е.* Результаты ревизии губернских и уездных учреждений от 2 сентября 1880 и 19 января 1881 гг.: правительственные крестьянские учреждения / М. Е. Ковалевский. Санкт-Петербург: [б. и.], 1885. 120 с.
15. *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979. 303 с.
16. *Корф П. Л.* Ближайшие нужды местного управления. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1888. 124 с.
17. *Мамонт Е. В.* Земские начальники Самарской и Уфимской губерний в 1891–1914 гг.: направления деятельности и социальный облик: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Челябинск, 2017. 221 с.
18. *Минцлов С. Р.* Дебри жизни. Урал, Новгород, Малороссия. Берлин: Сибирское книгоиздательство, б. г. 398 с.
19. НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. 10. Оп. 1. Д. 1887. Л. 76.
20. НА РБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1830. Лл. 88–90.
21. НА РБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.
22. НА РБ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 13. Лл. 13–25.
23. НА РБ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 15. Л. 1.
24. НА РБ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 21. Лл. 2–4.
25. НА РБ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 22. Лл. 1–10.
26. НА РБ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 24. Л. 1.
27. НА РБ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 9. Лл. 1–2.
28. НА РБ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 104.
29. НА РБ. Ф. 334. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.
30. НА РБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 309. Лл. 90–94.
31. *Новиков А. И.* Записки земского начальника. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1899. 240 с.
32. *Пазухин А.* Современное состояние России и сословный вопрос. М.: Университетская типография, 1886. 63 с.
33. Подсчитано по: НА РБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1926.
34. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 5259. Лл. 4–5.
35. Свод законов Российской империи. Т. XVI. Ч. 1.
36. *Цертелев Д.* Нужна ли реформа местного управления? М.: Унив. тип., 1889. 97 с.

Experience of interaction between Zemstvo district chiefs and the volost court: based on the materials of the Ufa province

R. I. Kantimirova¹, O. S. Pavlova²

¹PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of general history and philosophical disciplines, Sterlitamak branch of Bashkir State University.

Russia, Sterlitamak. ORCID: 0000-0001-6179-9475. E-mail: kantimirova.rezida@mail.ru

²PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of history of the Fatherland and methods of teaching history, Sterlitamak branch of Bashkir State University.

Russia, Sterlitamak. ORCID: 0000-0002-5371-4918. E-mail: oksana.s.pavlova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the implementation of judicial and administrative functions by zemstvo district chiefs as representatives of local government bodies in the territory of the Ufa province. The article discusses the procedure for putting into effect, the main requirements for candidates for the position of zemstvo district chief, as well as their legal powers. The article analyzes the main forms of interaction between zemstvo district chiefs and volost courts on the territory of the Ufa province, which were

determined not only by all-Russian requirements, but also by regional specifics. It is noted that, in addition to the Supervisory function over the volost courts, the zemstvo chiefs were given judicial powers and were engaged in the consideration of minor criminal and civil offenses. The article also discusses the forms of supervision and control over peasant courts on their part. Based on the study of the materials of the funds of the National archive of the Republic of Bashkortostan, containing annual reports of zemstvo district chiefs of the Ufa province, which were compiled for the Ufa provincial presence, specific examples of the implementation of their powers in relation to volost courts are considered.

The authors came to the conclusion that by their activities, the zemstvo district chiefs not only in the Ufa province, but also in Russia as a whole, contributed to the growth of the legal consciousness of the peasant environment. As historical experience shows, all decisions of the volost court were considered on appeal by the zemstvo chiefs in accordance with the norms of Russian legislation, and not ordinary law. Also, thanks to the assistance of the zemstvo district chiefs, the practice of corporal punishment of the peasantry was reduced.

Keywords: volost court, peasantry, zemstvo district chief, Ufa province.

References

1. *Bashkireva N. V. Zemskie uchastkovye nachal'niki Voronezhskoj gubernii: sostav, funkcii, deyatel'nost' (1889–1917 gg.) : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02* [Zemstvo district chiefs of the Voronezh province: composition, functions, activity (1889–1917) : dis. ... PhD of Historical Sciences: 07.00.02]. M. 2010. 280 p.
2. *Bogatyreva O. N. Evolyuciya sistemy mestnogo upravleniya v Vyatskoj i Permskoj guberniyah (1861 – fevral' 1917)* [Evolution of the local government system in the Vyatka and Perm provinces (1861–February 1917)]. Yekaterinburg. Ural University. 2004. 458 p.
3. *Buzanova N. A. Zemskie nachal'niki Tambovskoj gubernii: 1889–1917 gg. : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02* [Zemstvo chiefs of the Tambov province: 1889–1917 : dis. ... PhD of Historical Sciences: 07.00.02]. Tambov. 2005. 212 p.
4. *Hessen V. M. Voprosy mestnogo upravleniya* [Questions of local government]. SPb. Pravo. 1904. 235 p.
5. *Goremykin I. L. Svod uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva ob ustrojstve sel'skogo sostoyaniya i uchrezhdenij po krest'yanskim delam, s posledovavshimi po nim raz'yasneniyami, sodержavshimisya v resheniyah pravitel'stvuyushchego senata i v postanovleniyah i rasporyazheniyah vysshih pravitel'stvennyh uchrezhdenij* [Set of laws and orders of the government on the structure of the rural state and institutions for peasant Affairs, with subsequent explanations contained in the decisions of the governing Senate and in the resolutions and orders of higher government institutions] / I. L. Goremykin. 3rd ed., add. and agr. with issued on 15 Aug. 1897 legalized. SPb. [without illustrations]. 1898. Vol. 1. 896 p.
6. *Eroshkin N. P. Oчерки istorii gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii* [Essays on the history of state institutions of pre-revolutionary Russia]. M. Uchpedgiz. 1960 396 p.
7. *Eroshkin N. P. Samoderzhavie nakanune kraha* [Autocracy on the eve of collapse]. M. Prosveshchenie. 1975. 160 p.
8. *Eroshkin N. P. Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii* [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. M. Vysshaya Shkola. 1968. 368 p.
9. *Zvoncova A. V. Sudebnaya deyatel'nost' zemskih nachal'nikov v Tul'skoj gubernii, kak institut vnedreniya zakonnosti v krest'yanskom mire v 80–90-e gg. XIX v.* [Judicial activity of zemstvo chiefs in the Tula province, as an Institute for the introduction of legality in the peasant world in the 80-90 – ies of the XIX century] // *Vestnik Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L. N. Tolstogo* – Herald of the Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy. 2005. Pp. 191–194.
10. *Zyryanov N. P. Social'naya struktura mestnogo upravleniya kapitalisticheskoy Rossii (1861–1914)* [Social structure of local government in capitalist Russia (1861–1914)] // *Istoricheskie zapiski* – Historical notes. No. 107. M. Nauka. 1982. Pp. 226–302.
11. *Ishkulov F. A. Sudebno-administrativnaya reforma v Bashkortostane* [Judicial and administrative reform in Bashkortostan]. Ufa. Kitap. 1994. 148 p.
12. *Kantimirova R. I. Deyatel'nost' zemskih uchastkovykh nachal'nikov Ufimskoj gubernii po ukazu 9 noyabrya 1906 g* [Activity of zemstvo district chiefs of the Ufa province under the decree of November 9, 1906] // *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike* – Priority scientific directions: from theory to practice. 2014. No. 11. Pp. 32–37.
13. *Kantimirova R. I., Pavlova O. S. Sociokul'turnaya harakteristika zemskih uchastkovykh nachal'nikov v Ufimskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Sociocultural characteristics of zemstvo district chiefs in the Ufa province in the second half of the XIX–early XX century] // *Bylye gody* – Past years. 2016. No. 4. Pp. 1269–1276.
14. *Kovalevskij M. E. Rezul'taty revizii gubernskih i uezdnyh uchrezhdenij ot 2 sentyabrya 1880 i 19 yanvarya 1881 gg. : pravitel'stvennye krest'yanskie uchrezhdeniya* [Results of the audit of provincial and County institutions of September 2, 1880 and January 19, 1881: government peasant institutions] / M. E. Kovalevsky. SPb. [without illustrations]. 1885. 120 p.
15. *Korelin A. P. Dvoryanstvo v poreformennoj Rossi 1861–1904 gg.: Sostav, chislennost', korporativnaya organizaciya* [Nobility in post-reform Russia 1861–1904: Composition, number, corporate organization]. M. Nauka. 1979. 303 p.

16. Korf P. L. *Blizhajshie nuzhdy mestnogo upravleniya* [Immediate needs of local government]. SPb. Typ. of M. Stasyulevich. 1888. 124 p.
17. Mamont E. V. *Zemskie nachal'niki Samarskoj i Ufimskoj gubernij v 1891-1914 gg. : napravleniya deyatel'nosti i social'nyj oblik : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02* [Zemstvo chiefs of the Samara and Ufa provinces in 1891-1914 : directions of activity and social appearance : dis. ... Phd of Historical Sciences: 07.00.02]. Chelyabinsk. 2017. 221 p.
18. Minclov S. R. *Debri zhizni. Ural, Novgorod, Malorossiya* [Jungle of life. Ural, Novgorod, Little Russia]. Berlin. Siberian publishing house. Without year. 398 p.
19. NA RB (National archive of the Republic of Bashkortostan). F. 10. Inv. 1. File 1887. Sh. 76.
20. NA RB. F. 10. Inv. 1. File 1830. Sh. 88-90.
21. NA RB. F. 10. Inv. 1. File 9. Sh. 1.
22. NA RB. F. 10. Inv. 2. File 13. Sh. 13-25.
23. NA RB. F. 10. Inv. 2. File 15. Sh. 1.
24. NA RB. F. 10. Inv. 2. File 21. Sh. 2-4.
25. NA RB. F. 10. Inv. 2. File 22. Sh. 1-10.
26. NA RB. F. 10. Inv. 2. File 24. Sh. 1.
27. NA RB. F. 10. Inv. 2. File 9. Sh. 1-2.
28. NA RB. F. 11. Inv. 1. File 20. Sh. 104.
29. NA RB. F. 334. Inv. 1. File 29. Sh. 1.
30. NA RB. F. 9. Inv. 1. D File 09. Sh. 90-94.
31. Novikov A. I. *Zapiski zemskogo nachal'nika* [Notes the zemstvo chief]. SPb. Tipografy of M. Stasyulevich. 1899. 240 p.
32. Pazuhin A. *Sovremennoe sostoyanie Rossii i soslovnyj vopros* [Current state of Russia and the estate question]. M. University printing house. 1886. 63 p.
33. Calculated by: NA RB. F. 10. Inv. 1. File 1926.
34. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 1263. Inv. 1. File 5259. Sh. 4-5.
35. *Svod zakonov Rossijskoj imperii* – Code of laws of the Russian Empire. Vol. XVI. Part 1.
36. Certelev D. *Nuzhna li reforma mestnogo upravleniya?* [Do we need a reform of local government?] M. Univ. tip. 1889. 97 p.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(420).081

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.049

Британский милитаризм и общество: опыт военных выставок 1901 года в Лондоне

Л. В. Антонова¹, Н. В. Дронова²

¹кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения,
Псковский государственный университет. Россия, г. Псков. E-mail: antonova.lidia.24@yandex.ru
²доктор исторических наук, профессор. Россия, г. Санкт-Петербург. E-mail: dronova_n@mail.ru

Аннотация. Актуальность проблемы, анализируемой в данной статье, обусловлена важностью осмысления феномена выставочного движения, популярного в мире со второй половины XIX в. в контексте политических и идеологических реалий конкретных периодов истории.

В статье рассматриваются две выставки, посвященные военно-морской и армейской тематике, проходившие в Лондоне в 1901 году. На основе анализа состава экспозиций, сопровождавших их массовых зрелищных мероприятий, и публикаций прессы определяются причины выбора для выставочных проектов военной проблематики, состав организаторов, наполнение экспозиций и их идейный подтекст. Выставки рассматриваются комплексно как коммерческий проект и как мероприятия, несшие существенную политическую и пропагандистскую нагрузку. Особое внимание уделяется благотворительным кампаниям по сбору средств в пользу пострадавших в ходе военных действий в англо-бурской войне и в ходе военной экспедиции в Китае. Делается вывод о достижении выставочными проектами 1901 г. определенных для них коммерческих и политических задач. Отмечается, что при разности мотивов их проведения выставки были выстроены вокруг общих проблем, востребованных обществом, а также имевших судьбоносное значение для будущего Британской империи. Делается заключение, что идейная нагрузка выставок, их пропагандистский посыл, фокусировка на гуманитарных составляющих военных конфликтов отражали общественные настроения и политические ожидания, демонстрировали распространенные во властной элите настроения политического прагматизма. Настоящая статья может послужить материалом для ряда дальнейших исследований в изучении политической, военной, культурной истории Британской империи.

Ключевые слова: Флотская и армейская выставка 1901 г. в Хрустальном дворце, Военная выставка 1901 г. в Эрлс Корте, Великобритания, имперская оборона, международные отношения, пропаганда, англо-бурская война, восстание ихэтуаней.

В 1901 году Британия отмечала 50-летний юбилей Всемирной выставки в Хрустальном дворце. Памятная дата была чрезвычайно значимой. В 1851 году всему миру было продемонстрировано промышленное первенство Великобритании. Она заявила себя лидером всемирного выставочного движения, ставшего к началу XX века привычной составляющей повседневной жизни людей по всему миру и существующего до сегодняшнего дня. В Британии регулярно проводились выставки разного масштаба – от международных и имперских [21, pp. 279–280] до посвященных частным проблемам [1], но неизменно актуальные по тематике. Юбилейную дату закономерно решено было отметить очередной экспозицией именно в колыбели выставочного движения – Хрустальном дворце. Таким событием стала флотская и армейская (Military and Naval Exhibition) выставка. Одновременно на другой популярной экспозиционной площадке – в Эрлс Корте – проходила еще одна выставка, и также посвященная вооруженным силам Британии (Military Exhibition). Возникают взаимосвязанные вопросы: о причинах, приведших к параллельному – с мая по октябрь 1901 г. – проведению в Лондоне двух близких по тематике выставок, их материальном и смысловом наполнении; о том, почему именно военная тематика оказалась так востребована в начале XX столетия, хотя выставки

той поры, и международные в первую очередь, позиционировались, прежде всего, как мероприятия, нацеленные на развитие мирного сотрудничества и коммерческого взаимодействия между странами. К уточнению постановки проблемы стоит добавить, что хотя разделы, посвященные вооружениям, были привычным делом на всемирных выставках, экспозиции национального масштаба по военной тематике в данный период имели место только в Британии [20, pp. 250-255]. Поискам ответа на данные вопросы и посвящена данная статья.

Выставки на военно-морскую тематику в Великобритании были к концу XIX – началу XX века явлением нередким и происходили во многих городах: Лондоне, Эдинбурге, Глазго – перечень можно продолжать. Но выставочные проекты 1901 г. стали событием нерядовым.

Логика выбора для юбилейного мероприятия в Хрустальном дворце армейской и флотской тематики, истории военных побед и их героических персонажей очевидна. Армия и флот занимали в Великобритании почетное место в ряду политических и общественных приоритетов. Военно-морской флот и армия – одна из опор империи, над которой «не заходит солнце». Великобритания в начале XX в. была вовлечена в ряд конфликтов. В составе международной коалиции британские вооруженные силы принимали участие в военных действиях в Китае в период восстания ихэтуаней. На момент проведения выставок в завершающую стадию вступила англо-бурская война 1899–1902 гг. [29, p. 159–179], а отсюда и события в Южной Африке находились в центре общественного внимания и политических дискуссий [6, с. 91–98; 3].

Отметим очевидное: на рубеже веков международная напряженность нарастала стремительно. Период начала XX в. характеризовался качественными изменениями в расстановке сил в мировом экономическом пространстве [10, С. 51–82], технической революцией, в которой Великобритания имела значительные успехи [30, pp. 116–137], в том числе в преобразовании военной сферы, соперничеством держав за рынки сбыта и источники сырья, для борьбы за которые использовалась и военная сила. Мир сотрясали кризисы и колониальные войны. Эпоха «блестящей изоляции» подходила к концу. К своему историческому концу подходил период британо-германского согласия [18, pp. 266–272]. Вопрос о переосмыслении внешнеполитического курса Великобритании стал дискуссионным [2], требовавшим не только рациональной оценки обстоятельств, но и политической воли. В Европе начинали складываться два противоборствующих военных блока, набирала обороты гонка вооружений [7; 8, с. 95–184; 9]. Все это делало тему армии, флота и вооружений безусловно актуальной.

Решение о проведении юбилейной выставки в Хрустальном дворце с именно таким образом определенной тематикой родилось в октябре 1900 г. [33, p. 3]. Инициативной стороной проведения флотской и военной выставки выступила дирекция Хрустального дворца. Идея организаторов состояла в том, чтобы провести масштабное мероприятие сообразно значимости события, объединив для этой цели флотскую и армейскую темы. Самым удачным прецедентом такого рода с точки зрения репрезентативности была серия выставок в Челси, прошедших десятилетием ранее – в 1890–1891 гг. [48]. На современников произвела особенно сильное впечатление именно флотская экспозиция 1891 г. [27], и поэтому решено было ориентироваться в концептуальных схемах репрезентации материала именно на нее. Юбилейное мероприятие предполагалось готовить объединенными усилиями, присоединив к опыту компании Хрустального дворца усилия соответствующих министерств. Но в Челси армейское ведомство и адмиралтейство выступали своего рода конкурентами, что своеобразно отразило более чем известное традиционное соперничество. В предстоящем проекте как раз и желателен был акцент на их тесное взаимодействие [43, p. 3; 47, p. 3]. В декабре 1900 г. этот вопрос уже считался решенным [12, p. 1219]. По содержанию от новой выставки в Хрустальном дворце ожидалось, что она даст возможность представить новации, достигнутые в области вооружений и транспортировки военных грузов за последнее десятилетие. С целью популяризации выставки предполагалось выставить не только статичные экспонаты – образцы экипировки и вооружения. Отдавая дань новым веяниям, было решено представить британскую военную историю в «живых картинах» – от сражения при Трафальгаре под командованием адмирала Нельсона до маневров современных военных кораблей [43, p. 3]. И, наконец, еще одной принципиальной задачей, которая изначально ставилась организаторами выставки, было обеспечить максимально широкий и продуктивный сбор средств на благотворительные программы [44, p. 6].

Выставка в Хрустальном дворце открылась 23 мая, хотя оформление экспозиций и не было завершено в срок [41, p. 5]. Впрочем, такие ситуации были рядовым явлением и на торжественность момента, равно как и на понимание значимости и масштабности события, не влияли. «Удачная идея почтить память Великой выставки 1851 г. юбилейной выставкой в тех

же зданиях была не менее удачлива в своей реализации» [53, р. 5], – писала на следующий день The Times. Главная мысль – о величии и преемственности традиций военной истории Великобритании – была отмечена уже в ходе церемонии открытия. Выступавший на ней фельдмаршал лорд Робертс [19, pp. 464–470] – в ту пору верховный главнокомандующий – в своей речи вспоминал о визите на выставку 1851 г., самым ярким воспоминанием о которой для него стала возможность увидеть вживую великого герцога Веллингтона. Он заметил, что невозможно было придумать более подходящий способ для того, чтобы отпраздновать юбилейную дату, так как «флотские и армейские экспозиции очень согласовываются с чувствами населения империи в настоящий момент» [53, р. 5].

Выставка получила поддержку короля, многих персон первого ранга в политическом и военном истеблишменте Британии еще на стадии реализации замысла. В сборе экспонатов для выставки участвовали военное министерство и министерство по делам Индии. Список дарителей был опубликован в газетах [41, р. 5].

В южном трансепте дворца располагалась юбилейная секция в память о выставке 1851 г., включавшая и непосредственно подлинные предметы с нее. Центральным экспонатом был восхитивший когда-то королеву Викторию хрустальный фонтан. Там же были графические изображения различных секций, которые должны были позволить посетителю зримо представить «Великую выставку» во всем ее многообразии. Основная же часть выставки в соответствии с замыслом делилась на две главные секции – флотскую и армейскую. Здесь были реликвии, связанные с жизнью Г. Нельсона, Дж. Веллингтона, Ч. Гордона, коллекция игрушечных солдатиков, экспонаты, связанные с экспедициями в Арктику и Антарктику.

Учитывая актуальность событий в Южной Африке, закономерно многочисленны были представленные публике экспонаты, совсем недавно доставленные с полей сражений англо-бурской войны. В частности, демонстрировались возможности применения в военных целях воздушного шара, а именно шар, использованный генералом Р. Г. Буллером в ходе осады Ледисмита [35, р. 840]. Шар окружали захваченные у буров ружья Круппа. Армейская секция была, в целом, очень наполненной и зрелищной. Здесь был разбит настоящий военный лагерь, устроен тир. Много внимания уделялось работе медицинских служб на войне, были представлены санитарный поезд и корабль. Здесь были и «живые экспонаты» – тренированные по германской системе военные собаки, способные оказать помощь в бою и при транспортировке раненых [44, р. 4].

Военно-морская секция характеризовалась в обзорах прессы как еще более богатая. Лорд Робертс заметил, что она давала людям прекрасное представление о «нашей первой линии защиты – флоте – который сделал так много для построения этой великой империи». При участии компаний-производителей кораблей была собрана коллекция моделей судов Королевского военного и торгового флотов. Был представлен подводный флот и разнообразные виды приспособлений и методов его работы. В действии демонстрировались некоторые устройства из коллекции новейших технических изобретений, предназначенных для армии и флота. Эдуард VII предоставил на выставку два экспоната – преподнесенные адмиралтейством королеве Виктории по случаю ее восшествия на престол и юбилея серебряные модели военных кораблей «Виктория» и «Британия», воспроизводившие оригиналы с точностью до мельчайших деталей. Интересно отметить, что здесь была отдельная немецкая секция, часть экспонатов которой предоставили по распоряжению германского императора, который в числе прочего прислал модель его яхты «Гогенцоллерн» [53, р. 5].

Важно отметить участие в формировании экспозиции колоний. The Morning Post особо отметила экспонаты, представленные правительствами Виктории и Нового Южного Уэльса, которые «заслуживали более чем беглого осмотра, особенно в то время, когда Австралия является одной из самых заметных имперских забот» [44, р. 4].

Фейерверки, бывшие традиционным развлечением сезона, в связи с выставкой в Хрустальном дворце использовались для организации представлений, воспроизводивших ход знаменитых сражений. Пользовалось, например, успехом представление, демонстрировавшее сражение английского галеона «Ривендж» с испанским флотом у Азорских островов в 1591 году [36, р. 778]. Также в саду проходили «подводные эксперименты и военно-морские маневры в миниатюре» и военно-морской спектакль «Трафальгар», воссоздававший знаменитую победу адмирала Нельсона [45, р. 5]. К последним внимание публики привлекалось постоянно размещением в газетах рекламных объявлений [40, р. 1].

Общий эффект внутреннего убранства дворца, украшенного флагами, знаменами и сверкающим оружием был оценен в The Times как в высшей степени привлекательный для

публики. Ожидалось, что летом выставка станет популярным местом времяпрепровождения лондонцев [53, р. 5].

Организатором армейской выставки в Эрлс Кортэ был Имре Киральфи – известный в Европе и Америке антрепренер и шоумен. С середины 1890-х гг. он жил в Лондоне и занимался почти исключительно выставочной деятельностью [25, pp. 102–115], основав компанию London Exhibitions Ltd, которая два десятилетия доминировала в этом деле. В лондонском районе Эрлс Корт Киральфи был построен парк развлечений и экспозиционный центр. В 1895 г. там открылась Индийская имперская выставка, а затем престижные международные выставки сменяли друг друга ежегодно. С конца 1890-х гг. Киральфи тесно сотрудничал с Британской имперской лигой, что, несомненно, отразилось на идейном наполнении ряда организованных им мероприятий. Примечательно, что именно в 1901 г. – в год проведения Военной выставки – он получил британское подданство [28, pp. 763–764].

Выставка в Эрлс Кортэ изначально строилась как коммерческое развлекательное мероприятие. Однако ее организаторы были более чем компетентны в своем деле, хорошо понимали необходимость придать масштаб и востребованный обществом смысл мероприятию. Имперская патриотическая тема, апелляция к военным успехам Британии и особенно в контексте событий недавнего прошлого делала проект безусловно обреченным на внимание публики. А масштаб успеха уже мог зависеть от того, сколь ожидания искушенного и не очень зрителя совпадут с тем, что он готов увидеть, с его мыслями и чувствами.

Важно подчеркнуть, что в состав комитета по проведению выставки были привлечены высокопоставленные военные. Его почетным президентом был фельдмаршал герцог Кембриджский [19, pp. 94–97], а вице-президентом – уже упоминавшийся нами лорд Робертс. Последний, заметим, еще в пору командования британскими войсками в Южной Африке продемонстрировал понимание значения пропагандистской поддержки армии [17, р. 226]. Среди членов комитета, список которых был опубликован в газетах [39, р. 6; 52, р. 7], а затем в издании, подготовленном к началу выставки [26], были люди, напрямую имевшие отношение к теории и практике имперской обороны. Они лучше других знали состояние британских вооруженных сил и понимали стоявшие перед ними текущие и потенциальные задачи. Конечно, не следует преувеличивать их практическое участие в организации выставок – часто подобные списки выставочных комитетов содержали имена и тех, кто, не участвуя напрямую в подготовке, лишь добавлял мероприятию статусности. К патронированию ряда мероприятий – например, к сбору средств на благотворительность – были привлечены члены королевской фамилии.

Выставка в Эрлс Кортэ открылась 4 мая 1901 г. Загодя была начата рекламная кампания. Практически идентичные сообщения о предстоящем открытии были опубликованы в ведущих лондонских газетах еще 14 февраля. Текст-анонс в популярном жанре «Письмо редактору» за авторством почетных секретарей выставочного комитета определял причины проведения и цели выставки, давал краткий обзор предполагаемой экспозиции. Момент для такого мероприятия был назван чрезвычайно уместным, так как события настоящего времени вызвали особый интерес публики к военной организации страны. «Нация никогда не была так едина в ее имперском порыве», «в высшей степени желательно укрепить эти патриотические чувства» [39, р. 6; 52, р. 7], – говорилось в письме. О задачах организаторов сообщалось следующее: «Не только показать нашу армию такой, какой она является сегодня, но и продемонстрировать настолько всеобъемлюще, насколько это возможно, ее развитие, изменения и достижения в прошлом». Целью и надеждой устроителей выставки являлось создание у публики более широкого представления о военной системе государства и донесение до общественности идеи «привилегии и ответственности гражданства» [13, р. 160]. Но очевидно предполагалось, что на выставке каждый сможет найти для себя что-либо интересное. Так, даже женская колонка в *Illustrated London News* утверждала, что, несмотря на военную тематику, в экспозициях многое может представлять интерес для женщин [38, р. 760].

Эрлс Корт был разделен на четыре основные секции. Историческая включала взятые в аренду у частных лиц и музеев картины с изображениями великих битв и актов героизма, портреты выдающихся военачальников, ордена, доспехи, мечи, огнестрельное оружие, военные трофеи, флаги и знамена, военную форму, демонстрировавшую изменения обмундирования различных воинских формирований от их основания до современности. Секция военного снаряжения содержала образцы оружия (пушки, винтовки, револьверы, пистолеты, мечи и штыки); боеприпасы (патроны, снаряды, гильзы); взрывчатые вещества (торпеды, пироксилин, порох и т. д.). Эти части экспозиции, представлявшие оригинальные реликвии британской

военной истории, пользовались большим успехом у публики [55]. В Общей и коммерческой секции были представлены автомобили, велосипеды и другой транспорт, музыкальные инструменты. Военно-медицинская секция демонстрировала полевые и стационарные госпитали, оборудование, санитарные машины.

Каталог военной выставки был богато и красочно иллюстрирован, наполнен не только типичной информацией о составе организаторов и содержании экспозиций, но и тематической рекламой – оружия и других военных товаров, лекарств и даже протезов. Здесь также анонсировались свежие публикации на тему войны. Например, книга «Как Англия спасла Европу: история Великой войны 1793–1815 гг.» в 4 томах. А также единственная историческая книга А. К. Дойла «Великая Бурская война». Рекламу сопровождали броские рецензии из газет – «несомненно, самая поразительная книга, когда-либо порожденная войной» [26].

Army and Navy Gazette писала о выставках 1901 г. как отражающих популярность тенденции рассмотрения войны как шоу [15, р. 467], а в этом деле не было равных И. Киральфи. Зрелищ на военной выставке было в избытке: концерты военных оркестров; синематограф; миниатюрная железная дорога; понтонный мост; военные диорамы, позволяющие сравнить униформу и вооружение британской, французской армий и колониальных войск; а также речные прогулки «по Кантонской реке» в окружении китайских пейзажей и 8-футовый сверкающий китайский дракон в озере [26, pp. 21–35]. На этой выставке вообще было очень много «китайского». Отличительной особенностью выставок, организованных Киральфи, было то, что часто их сопровождали масштабные театрализованные постановки. Имевший огромный опыт артиста и постановщика, Киральфи соединял на сцене танец, музыку, новаторские эксперименты с реквизитом, светом и водой в грандиозные шоу. При этом огромное значение он придавал и содержательному компоненту, подбирая острые сюжеты и всегда угадывая запросы публики. Так, например, выставку «Более Великая Британия» в 1899 г. сопровождал спектакль «Дикая Южная Африка», в котором было задействовано более 200 «африканских дикарей» [24, р. 97]. К военной выставке 1901 г. Киральфи подготовил не менее запоминающееся представление под названием «Китай или освобождение дипломатических миссий», посвященное подавлению восстания ихэтуаней. По жанру это была историческая драма, в основе которой лежали недавние военные события в Китае. Такого рода спектакли – отклики на «злобу дня» – были привычны для британской театральной культуры [25, pp. 44–53]. Спектакль в шести действиях шел дважды в день в Императорском театре (Impress Theater), расположенном здесь же, в Эрлс Корте. В основанном на событиях «захватывающего инцидента на Дальнем Востоке» представлении было задействовано более тысячи артистов, в том числе более 50 ролей «со словами» [37, р. 600].

Выбор такой темы можно назвать вполне закономерным – наполненная восточным колоритом, она давала простор фантазии постановщика, а кроме того, была более чем актуальна. На фоне развернувшейся в британской печати на рубеже XIX и XX вв. дискуссии о «проблеме Китая» интерес к событиям на Дальнем Востоке, особенно в периоды кризисов, проявляли представители самых разных слоев британского общества, в том числе и предельно далекие от политики. Образ Китая ассоциировался у британцев с отсталостью и дикостью. В связи с событиями восстания ихэтуаней данные дискуссии пробрели более широкий контекст, понимая проблемы столкновения Запада и Востока [4, 5]. Для британцев в данном случае крайне важным было подчеркнуть правомерность совершенной «цивилизованными державами» интервенции в Китай, ставшей закономерным ответом на захват посольского квартала в Пекине. Все это в полной мере нашло отражение в содержании спектакля Киральфи.

Либретто было издано в виде приложения к путеводителю по выставке в Эрлс Корте. Красочная картинка на обложке изображала ликующих участников интервенции восьми держав – на первом плане британец в ярко-красной форме, рядом с ним американец, позади русский, японец, немец, австриец, француз и итальянец, а на заднем плане индийский сипай. Во введении Киральфи писал, что идея воплотить на сцене данный сюжет пришла к нему непосредственно в период захвата посольского квартала, когда «все взгляды были сосредоточены на Китае, где разворачивалась великая трагедия» и были явлены многочисленные «акты героизма и преданности». Он обещал зрителю «правдивую репрезентацию подлинного исторического инцидента с детальной точностью». Действие разворачивалось в окрестностях Пекина, у ворот и городской стены, в британской миссии и в самом Запретном городе [22, pp. 10–11]. Текст практически на каждой странице сопровождают иллюстрации, карты и схемы. Общее содержание, безусловно, выводит на первый план роль британцев в благополуч-

ном для западных держав завершении конфликта и превозносит их беспримерный героизм. Показательна завершающая сцена: «Британцы, американцы и другие нации теперь едины в своем марше [по Запретному городу] и символизируют дружбу союзных держав и триумф цивилизации» [26, р. 73]. Кстати, именно эта мысль и подчеркивалась в начале выставки, когда ожидавшееся представление было так и поименовано – «Освобождение Пекина» [16, р. 519].

Творение Киральфи удостоилось противоречивых отзывов в прессе: «настоящий триумф», «великолепная постановка», «гигантский реалистический военный спектакль», – восторгались *The Daily Telegraph*, *The Sketch*, *Pall Mall Gazette*, *The Illustrated London News* [34, р. 35; 37, р. 600]. *Army and Navy Gazette* признавала, что факты могут быть несколько искажены, но «пока союзные войска и охрана посольства проявляют свою отчаянную храбрость, а боксеры получают по заслугам, народ будет вполне доволен» [15, р. 467]. А вот рецензия *The Times* была достаточно критичной, при том что общая оценка выставки давалась положительная. В первую очередь газета нашла выбор сюжета не вполне уместным, потому как «еще слишком много сердец скорбят из-за тех ужасных событий», чтобы «сделать их предметом праздного зрелища». Само же представление, которое было грустно, если бы не было смешно, по содержанию квалифицировалось как «гротескная глупость». Киральфи упрекали в отсутствии фантазии в постановочных решениях, в исторических неточностях, как сцена штурма стен Пекина союзными войсками (на самом деле не имевшая места). Автора статьи покорило зрелище выкрикивавших «отрывистые реплики» актеров, представлявших в числе прочих персону британского посланника в Китае Клода Макдональда и главу морских таможен Китая – знаковую фигуру в Поднебесной англичанина сэра Роберта Харта, которые тщетно пытались быть услышанными в общем шуме. Можно предположить, что несообразность сценического воплощения достойных персонажей, призванных изображать лучшие черты британского характера, выставяла англичан в неприемлемом карикатурном свете. При этом всем отмечались хорошая выучка труппы, традиционная роскошь костюмов и декораций. Особенно впечатляющими были названы массовые сцены – толпа боксеров «в их желтых-белых одеждах и алых головных уборах, с лесом длинных ножей, копий и знамен», а также уже упомянутая придуманная сцена штурма стен Пекина [54, р. 8].

В ходе обеих рассматриваемых нами выставок реализовывались благотворительные проекты. Так, по «совершенно новому методу» [33, р. 3] шел сбор средств в фонд помощи офицерским вдовам и сиротам и на поддержку искалеченных на войне солдат. Часть средств от продажи билетов в Хрустальный дворец шла в специализированные фонды, продажей занимался женский комитет. К моменту открытия выставки было продано билетов на 12 000 фунтов. Эти средства должны были пойти на благотворительность – прежде всего на помощь участникам военных действий в Африке [53, р. 5]. Через Национальную ассоциацию обеспечения занятости отставных солдат сотни бывших военных были привлечены к подготовке и обеспечению функционирования выставки, приоритет отдавал недавно вернувшимся из Южной Африки. Каждую четвертую пятницу месяца военные в форме могли посетить Эрлс Корт бесплатно [52, р. 7]. Благотворительной составляющей, таким образом, было уделено особое внимание, что не являлось типичным для традиционно ориентированных на коммерческие задачи выставок. Акцент на этом моменте неизменно делали газеты, писавшие о выставках незадолго до их открытия [31, р. 9]. Выделим еще одну черту, замеченную современниками уже в ходе выставки в Эрлс Кorte как достойную по содержанию и новую по форме. Здесь в конце июня под патронажем королевы Александры в прилегающем саду была устроена масштабная выставка-продажа товаров из графств, каждое из них было представлено отдельным торговым павильоном. Доходы от продаж пошли в фонд Ассоциации семей солдат и моряков [16, р. 519].

Выставка в Хрустальном дворце завершила свою работу 28 сентября 1901 г., в Эрлс Кorte – двумя неделями позднее. Со времени проведения «Великой выставки» 1851 г. сложилась практика пафосного открытия таких мероприятий и довольно скромного их закрытия. Не стали исключением рассматриваемые нами мероприятия. Итоги их подводились более в коммерческой плоскости. В последние недели работы выставки в Эрлс Кorte активно продавались выставочные экспонаты. Покупатели извещались об этом через рекламные объявления, ежедневно размещавшиеся в лондонских и провинциальных газетах [46, р. 4; 51, р. 2; 49, р. 2]. В конце ноября 1901 г. компания Хрустального дворца выставила на продажу оставшиеся нереализованными медали, отчеканенные по случаю прошедшей выставки [32, р. 10]. Тогда же на собрании акционеров компании было отмечено, что проведение выставки обошлось дороже, чем ожидалось. Но саму выставку ее организаторы сочли «самой интересной из числа проводившихся на протяжении многих предыдущих лет» [50, р. 8].

Таким образом, возможно подвести итоги. Нам видится совпадением, что выставки по близкой тематике в Хрустальном дворце и Эрлс Корте проходили параллельно – разными были изначальные мотивы их проведения. Но их объединяло то, что обе они оказались выстроены вокруг общих проблем, значимых для страны и востребованных обществом. В связи с этим очевидно, что идейное содержание выставок, пропагандистский посыл, направленный как на британскую и колониальную общественность, был тщательно продуман и отражал общественные настроения и политические ожидания.

Оба выставочных проекта достигли задуманных результатов. Состояние британской армии и флота, его история, идея прогресса в военной организации государства и ее перспективы, готовность и возможность наращивания военной мощи империи были явлены широкой аудитории внутри страны и внешнему миру. Собственно алармистские декларации на военных выставках практически не звучали. Пожалуй, наиболее отчетливым их проявлением из числа публично заявленных были слова фельдмаршала герцога Кембриджского в речи при открытии экспозиции в Эрлс Корте. Выразив надежду, что выставка не вызовет чувство военной тревоги, уточнив, что она посвящена не войне, а миру, он заявил о готовности поддержания паритета в отношениях с другими странами. Но «для того, чтобы избежать войны, надо быть к ней готовым»; «лучше быть готовым к худшему, надеясь на лучшее» [54, р. 8]. По сути, он не сказал ничего нового [23]. Мысль о том, что империя должна быть надежно защищена, – традиционная тема британской джингоистской риторики. Идея «оборонного сознания», предполагавшего сплочение вокруг задач обороны населения страны, в полной мере была разыграна на лондонских военных выставках 1901 г. Стоит особое внимание обратить на формально высокий уровень декларации, с одной стороны, пацифистских призывов, с другой – на заявления, не допускающие вариантов в толковании о готовности к любому развитию событий. Кстати, герцог Кембриджский ко времени выставок был в весьма почтенном возрасте и не относился к когорте активно действовавших политиков.

Несмотря на соблазн исследователя увидеть в данных выставках отражение военного алармизма и ощущения приближения большой войны, проанализированные нами факты свидетельствуют об ином. При общем признании значимости вопросов имперской обороны демонстрации прогресса и возможностей британской военной машины, на выставках и в откликах на нее отсутствовали какие-либо указания на наличие у Британии конкретных потенциальных врагов, не звучали слова об угрозе ее доминированию на море, опасности больших европейских или мировых конфликтов. Напротив, в выставках присутствовали иностранные экспозиции, в том числе германская, причем собранная при участии самого кайзера. Британская политическая элита, находясь на своеобразном дипломатическом перепутье, являла, таким образом, пример политического прагматизма, подчеркивала приверженность «балансу сил», но при этом твердо демонстрировала понимание безусловности имперских интересов со всеми отсюда вытекающими последствиями в части мер их защиты. Единственный образ «врага», предъявленный публике, – «восточные варвары». В связи с темой интервенции в Китай неизменно звучали традиционные лозунги о победе цивилизации над варварством и единстве западных держав в их усилиях по поддержанию мира на Дальнем Востоке. Таким образом, лондонские выставки 1901 г. представляются, скорее, не столько отражением глобального геополитического контекста международных отношений начала XX века, сколько рефлексией британцев относительно близких и актуальных событий – англо-бурская война со всеми проявлениями потрясшей современников военной жестокости и ихэтуанское восстание, всколыхнувшее вечную дискуссию о Западе и Востоке.

Необходимо отметить особое внимание, проявленное в ходе подготовки выставок и их работы к благотворительным программам. Здесь значимым представляется даже не сам факт сбора средств в фонды помощи военным, а настойчивое акцентирование внимания на важности такого рода деятельности, специально заявленный поиск средств увеличения практической отдачи таких начинаний. На наш взгляд, в этом нашло отражение состояние британского общества, потрясенного событиями в Южной Африке и на Дальнем Востоке. Войны, которые вела Британия, близко затронули многих. Многочисленность жертв – как погибших, так и искалеченных – фокусировала внимание общества вопросы на гуманитарных сторонах военных конфликтов. Данная проблема становилась все более актуальной в данный период в мире в целом. В этой мысли убеждает прошедшая незадолго до рассматриваемых выставочных мероприятий в Лондоне – в 1899 г. – вторая Гаагская конференция, которая заложила основы системы международного гуманитарного права, предметом дискуссий которой являлись именно законы и обычаи войны [11].

Обращает на себя внимание качество организации выставки – не как развлекательного шоу, а с точки зрения корректности отражения исторических реалий. К этой стороне работы выставок претензий практически не было. Замеченная пристрастным зрителем-генералом ошибка в цвете плюмажа на головном уборе 30-х гг. XIX в. [14, p. 564] лишь подчеркивает отсутствие прочих.

Механизм проведения международных выставок в Британии к началу XX в. был детально отработан. Отлажен метод организации процессов подготовки и функционирования таких мероприятий; сложился набор методов наполнения выставочного пространства идейным содержанием. Опытные британские экспозиционеры могли провести выставку фактически любой тематики. На двух рассматриваемых нами выставках был применен ряд стандартных приемов, в том числе многочисленные мероприятия развлекательного плана – театрализованные представления, водные шоу, концерты. Судя по немногочисленности отзывов в прессе, большей частью привыкших к подобного рода зрелищам обывателей, это было воспринято как должное. Однако ряд критических рецензий, прежде всего о спектакле на тему военной экспедиции в Китае, свидетельствует о том, что определенные круги британского истеблишмента задело подобное превращение войны в шоу. Такое отношение к совсем недавним трагическим событиям сочли неуместной циничной – «на крови» – попыткой впечатлить публику, обеспечив финансовый успех предприятию. Вместе с тем, какой бы ни была тематика выставок и сколько бы ни говорили об их имперском патриотическом посыле, никто не отменял коммерческую составляющую данных проектов. Организаторы, безусловно, были заинтересованы в извлечении прибыли от продажи входных и театральных билетов, самих экспонатов и разных сопутствующих трат посетителей. Красочный путеводитель выставки в Эрлс Корте носил выраженный рекламный характер. Нам представляется, таким образом, что выставки в Хрустальном дворце и Эрлс Корте стали отражением усиления тенденции монетизации войны как средства развлечения публики.

Список литературы

1. Антонова Л. В. Выставка здоровья в Лондоне (1884 г.) // Клио. 2019. № 11 (155). С. 77–82.
2. Гелла Т. Н. Вопросы внешнеполитической ориентации Великобритании в зеркале политических дискуссий в британском обществе на рубеже XIX – начала XX вв. // Британия: история, культура, образование. Тезисы докладов международной научной конференции : сборник статей по материалам международной научной конференции / А. Б. Соколов (ред.). Ярославль : Изд-во ЯрГПУ им. К. Д. Ушинского. С. 95–104.
3. Гелла Т. Н. Имперские аспекты внешнеполитического курса консерваторов на рубеже XIX–XX веков // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 3. С. 41–49.
4. Макаров В. А. Итоги восстания ихэтуаней в представлении британской образованной публики и проекты «новой политики» в Китае. 1900–1901. (По материалам периодической печати Великобритании) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2011. № 1. Т. 4. История. С. 119–127.
5. Макаров В. А. Позднецинский Китай глазами британцев: 1898–1901 гг. (по материалам периодической печати Великобритании) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2011. № 140. С. 72–77.
6. Никитина И. А. Захват бургских республик Англией (1899–1902 гг.). М. : Наука, 1970. 218 с.
7. Ропп Т. Создание современного флота: Французская военно-морская политика 1871–1904 / пер. с англ. Д. Якимовича. М. : Военная литература, 2004. URL: <http://militera.lib.ru/science/ropp/index.html> (дата обращения: 13.03.20).
8. Синегубов С. Н., Шилов С. П. Кайзеровская Германия – Великобритания – Россия: альтернативы и реалии военно-морских взаимоотношений в 1897–1906 гг. СПб. : Остров, 2016. 319 с.
9. Сокольская Н. Ф. Строительство военно-морского флота в Германии и англо-германские противоречия конца XIX – начала XX вв. // Ежегодник германской истории. 1986. М., 1987. С. 74–99.
10. Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов н/Д : Феникс, 1999. 512 с.
11. Чернявский С. И. К 100-летию Второй Гаагской мирной конференции мира // *Juvenis scientia*. 2017. № 7. С. 30–33.
12. Army and Navy Gazette. December 15, 1900.
13. Army and Navy Gazette. February 16, 1901.
14. Army and Navy Gazette. July 6, 1901.
15. Army and Navy Gazette. May 11, 1901.
16. Army and Navy Gazette. May 25, 1901.
17. Badsey S. Propaganda and the Defence of Empire, 1857–1956 // *Imperial Defence: the Old World Order, 1856–1956* / G. Kennedy (ed.). London : Routledge, 2008. Pp. 218–233.

18. *Bridge F. R., Bullen R.* The Great Powers and the European States System 1814–1914. 2nd ed. Harlow : Pearson Longman, 2005. 377 p.
19. Dictionary of National Biography. 1912–1921 / H. W. C. Davis, J. R. H. Weaver (ed.) Oxford Univ. Press, 1966 (First ed. 1927). 624 p.
20. *Geppert A. C. T.* Fleeting Cities: Imperial Expositions in Fin-de-Siècle Europe. L. : Palgrave Macmillan, 2010. 398 p.
21. *Hoffenberg P. H.* An Empire on Display: English, Indian, and Australian Exhibitions from the Crystal Palace to the Great War. L. : Univ. of California Press, 2001. 418 p.
22. *Kiralfy I.* China or the Relief of the Legations. A Historical Dramatic Spectacle in Six Tableaux. L. : J. J. Keliher & Co Ltd, 1901. 78 p.
23. *Lambert A.* The Royal Navy and the Defence of Empire, 1856–1918 // *Imperial Defence: the Old World Order, 1856–1956* / G. Kennedy (ed.). London : Routledge, 2008. Pp. 111–132.
24. *MacKenzie J. M.* Imperialism and Popular Culture. Manchester : Manchester Univ. Press, 1986. 264 p.
25. *MacKenzie J. M.* Propaganda and Empire. The Manipulation of British Public Opinion 1880–1960. Manchester : Manchester Univ. Press, 1985. 277 p.
26. Military Exhibition. Earl's Court. Guide and Catalogue. L. : J. J. Keliher & Co Ltd, 1901. 133 p.
27. Nature. June 25, 1891.
28. Oxford Dictionary of National Biography: in Association with the British Academy: from the Earliest Times to the Year 2000 / H. C. J. Matthew, B. Harrison (ed.). Vol. 31. Oxford Univ. Press, 2004. 998 p.
29. *Spiers E. M.* The Victorian Soldier in Africa. Manchester : Manchester Univ. Press, 2004. 212 p.
30. *Sussman H. L.* Victorian Technology: Invention, Innovation, and the Rise of the Machine. Santa Barbara, Denver, Oxford : ABC-CLIO, 2009. 169 p.
31. The Daily News. February 14, 1901.
32. The Globe. November 28, 1900.
33. The Globe. October 11, 1900.
34. The Graphic. July 13, 1901.
35. The Graphic. June 22, 1901.
36. The Graphic. June 8, 1901.
37. The Illustrated London News. April 27, 1901.
38. The Illustrated London News. May 25, 1901.
39. The London Evening Standard. February 14, 1901.
40. The London Evening Standard. June 28, 1901.
41. The London Evening Standard. May 24, 1901.
42. The Morning Post. December 25, 1900.
43. The Morning Post. December 6, 1900.
44. The Morning Post. June 16, 1901.
45. The Morning Post. May 17, 1901.
46. The Morning Post. October 7, 1901.
47. The Morning Post. September 25, 1901.
48. The Royal Naval Exhibition. The Illustrated Handbook and Souvenir. L. : Pall Mall Gazette, 1901. 66 p.
49. The Sphere. October 5, 1901.
50. The St James's Gazette. November 28, 1901.
51. The Tatler. October 2, 1901.
52. The Times. February 14, 1901.
53. The Times. May 24, 1901.
54. The Times. May 6, 1901.
55. *Webb W. Y.* Relics of British Wars // The English Illustrated Magazine. 1901–08. Vol. 25. № 215. August 1901. Pp. 420–428.

British militarism and society: the experience of military exhibitions 1901 in London

L. V. Antonova¹, N. V. Dronova²

¹PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of general history and regional studies, Pskov State University. Russia, Pskov. E-mail: antonova.lidia.24@yandex.ru

²Doctor of Historical Sciences, professor. Russia, Saint Petersburg. E-mail: dronova_n@mail.ru

Abstract. The relevance of the problem analyzed in this article is due to the importance of understanding the phenomenon of the exhibition movement, popular in the world since the second half of the XIX century in the context of political and ideological realities of specific periods of history.

The article examines two exhibitions devoted to naval and army themes, held in London in 1901. Based on the analysis of the composition of expositions, accompanying mass entertainment events, and press publications, the reasons for choosing military issues for exhibition projects, the composition of organizers, the content of expositions and their ideological subtext are determined. Exhibitions are considered comprehensively as a commercial project and as events that carried a significant political and propaganda burden. Special attention is paid to charity campaigns to raise funds for the benefit of victims of military operations in the Boer war and during the military expedition in China. It is concluded that the exhibition projects of 1901 achieved certain commercial and political objectives for them. It is noted that the difference between the motives of the exhibition were built around common concerns, the company claimed, but also had crucial significance for the future of the British Empire. It is concluded that the ideological load of the exhibitions, their propaganda message, and focus on the humanitarian components of military conflicts reflected public sentiment and political expectations, and demonstrated the mood of political pragmatism common in the power elite. This article can serve as a material for a number of further studies in the study of the political, military, and cultural history of the British Empire.

Keywords: naval and army exhibition of 1901 in the Crystal Palace, Military exhibition of 1901 in Earls Court, Great Britain, Imperial defense, international relations, propaganda, Anglo-Boer war, ihetuan rebellion.

References

1. Antonova L. V. *Vystavka zdorov'ya v Londone (1884 g.)* [Exhibition of health in London (1884)]. 2019. No. 11 (155). Pp. 77–82.
2. Gella T. N. *Voprosy vneshnepoliticheskoy orientacii Velikobritanii v zerkale politicheskikh diskussij v britanskom obshchestve na rubezhe XIX – nachala XX vv.* [Questions of the foreign policy orientation of Great Britain in the mirror of political discussions in British society at the turn of the XIX–early XX centuries] // Britain: history, culture, education. Abstracts of reports of the international scientific conference : collection of articles based on the materials of the international scientific conference / A. B. Sokolov (ed.). Yaroslavl. Ushinskiy YarSPU. Pp. 95–104.
3. Gella T. N. *Imperskie aspekty vneshnepoliticheskogo kursa konservatorov na rubezhe XIX–XX vekov* [Imperial aspects of the foreign policy course of conservatives at the turn of the XIX–XX] // *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* – Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2008. No. 3. Pp. 41–49.
4. Makarov V. A. *Itogi vosstaniya ihetuaney v predstavlenii britanskoj obrazovannoj publiki i proekty "novoj politiki" v Kitae. 1900–1901. (Po materialam periodicheskoy pechati Velikobritanii)* [Results of the Yihetuan uprising in the representation of the British educated public and the projects of the "new policy" in China. 1900–1901 (based on the materials of the periodical press of Great Britain)] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* – Herald of Pushkin Leningrad State University. 2011. No. 1. Vol. 4. History. Pp. 119–127.
5. Makarov V. A. *Pozdnecinskij Kitaj glazami britancev: 1898–1901 gg. (po materialam periodicheskoy pechati Velikobritanii)* [Late Quin China through the eyes of the British: 1898–1901 (based on the materials of the periodical press of Great Britain)] // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena* – News of Herzen Russia State Pedagogical University. 2011. No. 140. Pp. 72–77.
6. Nikitina I. A. *Zahvat burskih respublik Anglije (1899–1902 gg.)* [Capture of the Boer republics by England (1899–1902)]. M. Nauka. 1970. 218 p.
7. Ropp T. *Sozdanie sovremennogo flota: Francuzskaya voenno-morskaya politika 1871–1904* [Creation of the modern fleet: French naval policy 1871–1904] / translated from English by D. Yakimovich. M. Voennaya literatura. 2004. Available at: <http://militera.lib.ru/science/ropp/index.html> (date accessed: 13.03.20).
8. Sinogubov S. N., Shilov S. P. *Kajzerovskaya Germaniya – Velikobritaniya – Rossiya: al'ternativy i realii voenno-morskih vzaimootnoshenij v 1897–1906 gg.* [Kaiser's Germany – Great Britain – Russia: alternatives and realities of naval relations in 1897–1906]. SPb. Ostrov. 2016. 319 p.
9. Sokol'skaya N. F. *Stroitel'stvo voenno-morskogo flota v Germanii i anglo-germanskie protivorechiya konca XIX – nachala XX vv.* [Construction of the navy in Germany and the Anglo-German contradictions of the late XIX – early XX] // *Ezhegodnik germanskoj istorii* – Yearbook of German history. 1986. M. 1987. Pp. 74–99.
10. Hobsbawm E. *Vek imperii. 1875–1914* [The age of Empire. 1875–1914]. Rostov-na-Donu. Feniks. 1999. 512 p.
11. Chernyavskij S. I. *K 100-letiyu Vtoroj Gaagskoj mirnoj konferencii mira* [To the 100th anniversary of the Second Hague peace conference of the world] // *Juvenis scientia*. 2017. No. 7. Pp. 30–33.
12. Army and Navy Gazette. December 15, 1900.
13. Army and Navy Gazette. February 16, 1901.
14. Army and Navy Gazette. July 6, 1901.
15. Army and Navy Gazette. May 11, 1901.
16. Army and Navy Gazette. May 25, 1901.
17. Badsey S. *Propaganda and the Defence of Empire, 1857–1956* // *Imperial Defence: the Old World Order, 1856–1956* / G. Kennedy (ed.). London. Routledge, 2008. Pp. 218–233.

18. *Bridge F. R., Bullen R.* The Great Powers and the European States System 1814–1914. 2nd ed. Harlow. Pearson Longman, 2005. 377 p.
19. Dictionary of National Biography. 1912–1921 / H. W. C. Davis, J. R. H. Weaver (ed.) Oxford Univ. Press, 1966 (First ed. 1927). 624 p.
20. *Geppert A. C. T.* Fleeting Cities: Imperial Expositions in Fin-de-Siècle Europe. L. Palgrave Macmillan, 2010. 398 p.
21. *Hoffenberg P. H.* An Empire on Display: English, Indian, and Australian Exhibitions from the Crystal Palace to the Great War. L. Univ. of California Press, 2001. 418 p.
22. *Kiralfy I.* China or the Relief of the Legations. A Historical Dramatic Spectacle in Six Tableaux. L. J. J. Keliher & Co Ltd, 1901. 78 p.
23. *Lambert A.* The Royal Navy and the Defence of Empire, 1856–1918 // Imperial Defence: the Old World Order, 1856–1956 / G. Kennedy (ed.). London. Routledge, 2008. Pp. 111–132.
24. *MacKenzie J. M.* Imperialism and Popular Culture. Manchester. Manchester Univ. Press, 1986. 264 p.
25. *MacKenzie J. M.* Propaganda and Empire. The Manipulation of British Public Opinion 1880–1960. Manchester. Manchester Univ. Press, 1985. 277 p.
26. Military Exhibition. Earl's Court. Guide and Catalogue. L. J. J. Keliher & Co Ltd, 1901. 133 p.
27. Nature. June 25, 1891.
28. Oxford Dictionary of National Biography: in Association with the British Academy: from the Earliest Times to the Year 2000 / H. C. J. Matthew, B. Harrison (ed.). Vol. 31. Oxford Univ. Press, 2004. 998 p.
29. *Spiers E. M.* The Victorian Soldier in Africa. Manchester. Manchester Univ. Press, 2004. 212 p.
30. *Sussman H. L.* Victorian Technology: Invention, Innovation, and the Rise of the Machine. Santa Barbara, Denver, Oxford. ABC-CLIO, 2009. 169 p.
31. The Daily News. February 14, 1901.
32. The Globe. November 28, 1900.
33. The Globe. October 11, 1900.
34. The Graphic. July 13, 1901.
35. The Graphic. June 22, 1901.
36. The Graphic. June 8, 1901.
37. The Illustrated London News. April 27, 1901.
38. The Illustrated London News. May 25, 1901.
39. The London Evening Standard. February 14, 1901.
40. The London Evening Standard. June 28, 1901.
41. The London Evening Standard. May 24, 1901.
42. The Morning Post. December 25, 1900.
43. The Morning Post. December 6, 1900.
44. The Morning Post. June 16, 1901.
45. The Morning Post. May 17, 1901.
46. The Morning Post. October 7, 1901.
47. The Morning Post. September 25, 1901.
48. The Royal Naval Exhibition. The Illustrated Handbook and Souvenir. L. Pall Mall Gazette, 1901. 66 p.
49. The Sphere. October 5, 1901.
50. The St James's Gazette. November 28, 1901.
51. The Tatler. October 2, 1901.
52. The Times. February 14, 1901.
53. The Times. May 24, 1901.
54. The Times. May 6, 1901.
55. *Webb W. Y.* Relicts of British Wars // The English Illustrated Magazine. 1901–08. Vol. 25. No. 215. August 1901. Pp. 420–428.

УДК 94(420).08

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.050

Развитие транспортной инфраструктуры и возникновение индустрии туризма в Великобритании в XIX веке

А. Ю. Васильева

аспирант кафедры истории Нового и новейшего времени,
Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, г. Санкт-Петербург. E-mail: annivasilieva@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается связь развития транспортной инфраструктуры и становления индустрии туризма в Великобритании в XIX в. Актуальность исследования заключается в том, что туризм мог играть важную роль для метрополии, так как был связан с развитием национальной и региональной идентичностей и одновременно влиял как на интеграционные процессы внутри Королевства, так и на усиление чувства самобытности и обособленности таких регионов, как Шотландия и Ирландия.

Ключевым моментом в развитии индустрии туризма стало появление пароходов и железных дорог, которые соединили регионы Великобритании по морю и по суше. Туристический рынок отреагировал на инновации и, благодаря использованию парового транспорта, получил для себя новые возможности. В течение века перевозчики повышали уровень услуг, делая путешествия все более комфортными и доступными.

Однако туристический рынок не представлял собой единого сектора. Помимо этого, не была упорядочена железнодорожная сеть Великобритании. Поэтому в борьбе за клиентов владельцы транспорта, которые видели в рекреационных путешествиях источник прибыли, обращались к услугам туристических агентов. Одним из ярких примеров таких агентов была фирма «Томас Кук и сын», которая предлагала туристам готовые маршруты, согласовывая пересадки между разными перевозчиками и различными видами транспорта. Можно говорить о том, что и городской транспорт, и пароходы, и железные дороги были успешно интегрированы в индустрию туризма.

Ключевые слова: история туризма, история транспорта, железные дороги, пароходы, «Томас Кук и сын».

Транспортная революция XIX в. увеличила скорости передвижения и удешевила путешествия, что послужило основой для развития индустрии массового туризма. Британцы активно путешествовали как по своей стране, так и за ее пределами. В данной статье мы ограничимся территорией Соединенного Королевства, поскольку туризм был связан с развитием национальной и региональной идентичностей [15; 16; 23]. Указанные процессы могли играть важную роль для метрополии, одновременно влияя на интеграционные процессы внутри Королевства и усиливая чувство самобытности и обособленности таких регионов, как Шотландия и Ирландия. Поэтому важно рассмотреть, как взаимодействовали между собой туристическая индустрия и развивающаяся транспортная система Великобритании. Стоит также отметить, что не только транспортные инновации оказывают влияние на туризм [32, р. 132], однако именно транспорт является одним из ключевых элементов туристической инфраструктуры, поскольку он обеспечивает доступ туристов к достопримечательностям.

На протяжении веков одним из главных средств передвижения являлся конный транспорт. Для начала XIX в. ключевым в увеличении скоростей в данной области стало улучшение методов строительства и ремонта дорог [14, р. 833]. В Англии еще до распространения железных дорог произошла «революция» в стоимости и качестве предоставляемых услуг, благодаря чему большее количество людей стало пользоваться общественным транспортом между крупными городами и расширяющимися спальными районами Лондона [25, pp. 420–421]. В это же время активно развивался транспортный сервис в английской провинции, достигший к 1830-м годам уровня лондонского рынка [25, р. 439]. Что касается туризма, то после 1790 г. значительно возросло количество услуг на направлениях, идущих к прибрежным курортам, таким как Брайтон. Данные маршруты фактически находились в монополии у лондонских кучеров, поскольку большинство путешественников с севера могли добраться до этих городов только через столицу [25, р. 410]. Наиболее востребованными внутренними

английскими курортами среди пассажиров в первой трети XIX в. были Бат и Танбридж Уэллс [25, pp. 429–430]. В это же время транспортные услуги развивались в Шотландии. Например, на северо-востоке Шотландии на улучшение дорожной сети были направлены значительные финансовые затраты [22, p. 325]. Что касается Ирландии, то в 1805 г. сэр Джон Карр настаивал, что ирландские дороги превосходят Англию по красоте и прочности, уступая только дорогам Швеции. С 1822 г. ирландские дороги развивались вглубь страны в юго-западном и западном направлениях [33, p. 13].

С появлением паровозов владельцы дилижансов были вынуждены сократить число дальних маршрутов и разработать новые линии, соединявшиеся с железнодорожными станциями. Также с этого момента стало увеличиваться количество конных перевозчиков в пределах городов и их пригородов [22, p. 334].

Точка зрения, согласно которой на развитие туристической индустрии первостепенное воздействие оказали железные дороги, популярна среди исследователей [27, p. 207; 34, p. 62, 135]. Однако по мнению британских ученых Дж. Армстронга и Д. Уильямса первопроходцами в данной сфере были пароходы. По их мнению, владельцы пароходов быстро осознали, что дешевые путешествия открывали новый рынок услуг – путешествия для удовольствия [7, p. 154]. Пароходы заменяли парусный транспорт на главных водных маршрутах, благодаря чему сообщение становилось регулярным. В Великобритании первое коммерческое пароходное сообщение осуществлялось пароходом Comet на реке Клайд с 1812 г. [7, p. 147; 15, p. 60]. Уже первый вояж Comet имел рекреационное измерение, и в течение десятилетия пароходные экскурсии стали доступны в различных британских портах [7, p. 154]. С 1815 г. начались первые пароходные перевозки в Лондоне до Грейвзенда и Маргита. Позже они охватили и другие направления [5, p. 249]. В это же время Ирландия была соединена пароходным сообщением с Уэльсом и Шотландией. Пароходное сообщение между Хоутом и Холихедом было запущено в 1816 г. В 1818 г. из Белфаста в Глазго на регулярной основе стал ходить пароход Rob Roy [18, pp. 225–226]. К 1820-м годам шторм или отсутствие ветра перестали играть существенную роль при путешествии в Ирландию [33, pp. 4–5]. К 1830-м годам пароходные экскурсии вдоль британского побережья стали обыденным мероприятием [6, p. 71].

Ориентированность владельцев пароходов на пассажирские перевозки отразилась в названии одного из судов. Весной 1821 г. в шотландском Перте был спущен на воду Tourist, имевший длину 128 футов и ширину 40 футов и являвшийся на тот момент самым большим пароходом в Великобритании. После непродолжительного пробега в Лейте и Северной Шотландии он был переведен на маршрут между Нью-Хейвеном и Лондоном [19, pp. 35–36].

Значительных улучшений в удобстве пассажиров не наблюдалось до 1870 г., когда на воду был спущен трансатлантический лайнер Oceanic компании The White Star Line. Он стал первым кораблем, на котором пассажирские кабины и салоны помещались в центре палубы, где был самый низкий уровень шума и вибрации [34, p. 174]. Суда меньших масштабов также перенимали этот опыт. Например, The Waterford Steamship Company действовавшая между Ливерпулем и Уотерфордом, гордилась тем, что начала размещать каюты на миделе в числе первых [19, p. 209].

Уровень комфорта выражался и в других деталях. Например, суда компании David MacBraune – Columba и Lord of the Isles – были известны за пределами Шотландии как пароходы, на которых плавают «лучшие люди» [15, p. 61]. Они представили новый стандарт роскоши. Columba, спущенный на воду в 1878 г., являлся самым большим пассажирским пароходом на заливе Ферт-оф-Клайд [19, p. 278]. Верхний салон был роскошно обставлен, имелись комнаты отдыха. Большие квадратные окна, расположенные по бокам и на корме, обеспечивали прекрасный вид на пейзаж. Салон для завтраков и обедов вентилировался, блюда подавались в любое время. Пассажирам, путешествующим ночью, предоставлялась ванная комната с морской водой, а также гардеробная, где они могли оставить сумки и другие мелкие предметы. На борту имелись книжный и фруктовый прилавки [19, p. 279]¹.

Однако главную роль в увеличении скорости передвижения сыграли все-таки железные дороги, поскольку усовершенствование скоростей движения пароходов шло гораздо медленнее [4, с. 76]. В 1830 г. в Англии открылась знаменитая линия Ливерпуль – Манчестер, которая с начала своей деятельности ориентировалась на перевозку пассажиров. Железные дороги сразу ответили на запросы туристов, начав предоставлять им экскурсионные поезда [21; 33].

¹ Дж. Кеннеди пересказывает содержание рекламы форзаца одного из путеводителей компании [29].

Организаторами экскурсий могли выступать сами владельцы железных дорог, экскурсионные агенты, волонтерские и церковные группы [20, pp. 128–129]. Национальная железнодорожная сеть Ирландии начала расширяться в 1840-х гг. Для туризма самым важным стало открытие линии *The Great Southern and Western Railway* между Дублином и Корком в 1849 г. и Дублином и Голуэем в 1851 г. [33, p. 19], которые соединили Дублин с югом и западом страны соответственно. Для Шотландии поворотными в туристическом буме стали 1850-е годы, когда были завершены в 1848 г. *The Caledonian Railway* и в 1850 г. *The North British Railway*, соединившие Шотландию с Англией. В 1876 г. открылась третья пересекавшая границу ветка, принадлежавшая *The Midland Railway*. Две первых линии еще до завершения строительства на неоконченных участках пути задействовали дилижансы [15, pp. 58–59]. Вероятно, используя этот опыт, в 1870 г. они предлагали экскурсии по Шотландии, в том числе со сменой транспорта [15, p. 65].

Курорты по-прежнему оставались источником трафика, на этот раз железнодорожного. Среди внутренних спа популярностью пользовались, например, Бат, Челтнем и Лемингтон, среди приморских курортов – Брайтон и Скарборо. После введения еженедельного отпуска (*weekly holiday entitlements*) для работников железнодорожные промоутеры стали играть важную роль в развитии новых курортов, таких как Блэкуэлл, Борнмут и Скегнесс [9, p. 62]. В материальном мире это порой выражалось в том, что железнодорожная станция выходила прямо на пляж [1, с. 66].

Что касается уровня комфорта, то в 1850–60-х гг. главным достоинством путешествия на поезде была скорость [34, p. 173]. Уже на начальном этапе развития железнодорожного сообщения стали появляться экспрессы. Первый регулярный экспресс в 1845 г. был запущен *The Great Western Railway* и ходил по будням по между Паддингтоном и Эксетером [13, p. 1]. Увеличение скорости передвижения позволило туристам больше времени проводить у достопримечательностей и меньше в дороге [33, p. 20]. Однако, как отмечал британский журналист Дж. Додд в 1867 г., условия путешествия были малоприятными, особенно для третьего класса, который путешествовал в открытых вагонах в любую погоду. На многих станциях пассажиры второго и третьего класса были вынуждены ждать поезд на открытых платформах. Встречались вагоны второго класса, которые были слишком низкими для того, чтобы сидеть в них прямо, а через 15–18-дюймовые открытые окошки, служившие также и для вентиляции, невозможно было ничего разглядеть [12, pp. 53–54].

Однако, по мнению Дж. Додда, конкуренция вынудила владельцев железных дорог менять условия перевозки пассажиров [12, p. 54]. Так, к 1870 г. были построены главные викторианские вокзалы, такие как Юстон, Сент-Панкрас, Кингс-Кросс, вокзал Виктория [2, с. 70]. Первые образцовые по чистоте и удобству вагоны появились у *The Great Northern Railway* [12, p. 54]. В 1875 г. *The London and North-Western Railway* рекламировала не только базовые удобства, такие как превосходное водоснабжение в уборной с зеркалом, но и обращала внимание на дизайнерские решения в новых спальнях вагонов, отмечая, что малиновые жалюзи и зеленый плафон, закрывавший лампу, давали в сочетании с различными деталями вагона приятное разнообразие цвета [26, p. 47]. Это был первый регулярный спальня салон на линии, курсировавший между Лондоном и Глазго с 1874 г. Он предоставлял места для четырех женщин и восьми мужчин [28, pp. 354–355]. Путеводитель отмечал, что теперь небольшой дождь, проникавший через стыки вагона, вызывал у пассажиров агрессивные жалобы, тогда как еще недавно ходили открытые вагоны [28, p. 49]. Также «комфортом, неизвестным в прежние времена», считался тот факт, что пассажиры третьего класса в зимнее время стали снабжаться обогревателями [28, p. 52]. Вагон-ресторан не присутствовал в железнодорожном составе до 1880-х годов [34, p. 172]. В 1899 г. совместные экспрессы *The Glasgow and South Western Company* с *The Midland Railway* имели вагоны-рестораны и уборные (первого и третьего классов) и спальня вагоны на ночных маршрутах. Этот уровень услуг был рассчитан в том числе и на туристов. Владельцы туристических билетов могли сделать остановку в Эре и Дамфрисе, местах рождения и смерти поэта Р. Бёрнса [31, p. 45].

Стоит отметить, что туристическая индустрия этого времени не была упорядочена и рынок услуг, на котором каждый сектор был представлен изолированно, нуждался в координации [8, p. 319; 15, p. 63]. Кроме того, хаотичной была и железнодорожная система Великобритании. Поскольку многие линии дублировались, железные дороги боролись между собой за трафик, а пассажиры были вынуждены делать пересадки между ветками конкурирующих компаний, часто со сменой станций [9, p. 7, 19]. В роли координаторов выступили туристиче-

ские агенты, от сотрудничества с которыми не отказывались даже крупные железнодорожные компании. Например, Томас Кук начал свою экскурсионную деятельность, организовав в 1841 г. поездку из Лестера в Лафборо по The Midland Railway. С этого момента The Midland Railway стала одним из главных партнеров фирмы «Томас Кук и сын».

Приведем еще несколько примеров из истории компании. После возникновения The Great Eastern Railway фирма организовала экскурсионные поезда в восточные графства из Ланкашира, Йоркшира и Мидлендса [24, p. 252–253]. В 1871 г. «Томас Кук и сын» были назначены агентами The Great Western Railway для развития экскурсий и туров через запад и юго-запад Англии. На следующий год The Midland Railway Company дала им аналогичное назначение в отношении всего экскурсионного и туристического движения в Бирмингеме и из него [24, p. 129]. С 1887 г. фирма стала экскурсионным агентом The Lancashire and Yorkshire Railway, отвечая за трафик на главные оздоровительные курорты на ланкаширском побережье, в Шотландию, на восточное и западное побережье Англии и в Лондон [24, pp. 257–258]. Кроме того, «Томас Кук и сын» сотрудничали с The North British Railway, соединявшей Англию и Шотландию [24, p. 251], и с 1876 г. с The Glasgow and South Western Company [24, p. 252]. С 1872 г. билеты фирмы были доступны на всех железных дорогах Ирландии [24, p. 130]. Таким образом, фирма привлекала новых пассажиров для своих деловых партнеров и в то же время выступала в качестве логиста для туристов, предлагая им конкретные маршруты.

Железные дороги соперничали не только между собой. Несмотря на то что в Англии и США крупнейшие железнодорожные компании могли владеть пароводными линиями или контролировать их [19, p. 152], конкуренция со стороны пароводных компаний сдерживала цены на предлагаемые железными дорогами экскурсии. Одновременно это влияло и на пароводное ценообразование [20, p. 71]. Ощущал давление конкуренции и конный транспорт. Например, с 1830 г. небольшие прибрежные судоходные компании устанавливали тарифы намного ниже тех, которые могли себе позволить владельцы экипажей [17, p. 149].

Однако все три вида транспорта стали важной частью туристической индустрии. Путеводитель фирмы «Томас Кук и сын» по Шотландии в 1861 г. помимо билетов на поезд и пароходы предлагал большое количество билетов на дилижансы [10, p. 7]. Сам Т. Кук уведомлял своих клиентов о путанице и задержках, так как, например, не все обещанные линии дилижансов были запущены к дате выхода путеводителя, уже предлагавшего конкретные маршруты [10, p. 3]. Это еще раз подчеркивало актуальность услуг, предоставлявшихся туристическими агентами. На туристов при этом распространялись те же правила, что и на обычных пассажиров [10, p. 6]. Во всех предложенных турах было задействовано несколько видов транспорта: на двадцать одном маршруте туристы передвигались на поезде, пароходу и дилижансе, еще пятнадцать маршрутов предполагали пересадки с железной дороги на экипаж, два тура сочетали пароход и дилижанс. Без конного транспорта обошлись только три маршрута [10, pp. 8–17].

Такая ситуация была свойственна не только Шотландии середины века. В 1876 г. путеводитель по западной Англии предлагал тридцать два маршрута, также сочетавших поезд и пароходы, при этом конный транспорт не был задействован только в трех случаях. Туристическая индустрия втягивала в свою орбиту и новые виды общественного транспорта. Например, почти в половине туров в качестве средства передвижения использовались омнибусы [11, pp. 18–21].

Наконец, уже в конце века крупнейшая железная дорога Великобритании The London and North Western Railway рекламировала пересадки на омнибус между принадлежавшим ей Юстонским вокзалом и вокзалом Чаринг-кросс, которым владела The South Eastern Railway. Последняя шла в Дувр и Фолкстон, соединяя Англию с Европой, поэтому при приобретении на Континенте билетов The London and North Western Railway эти омнибусы были бесплатными [30, p. 32]. Таким образом, конный транспорт продолжал играть хоть и вспомогательную, но важную роль в пассажиропотоке даже для гигантов транспортной индустрии. Омнибусы для встречи клиентов отправляли на железнодорожные станции и владельцы отелей [11, pp. 28, 30].

Таким образом, туристический рынок был чуток к инновациям и, благодаря использованию парового транспорта, получил для себя ранее неизвестные возможности. Сами владельцы пароводных и железнодорожных компаний видели в рекреационных путешествиях источник прибыли и поощряли их расширение в том числе привлекая специальных агентов, отвечавших за пассажирский трафик, т. е. напрямую обращались к услугам туристической индустрии. Важная роль туристических агентов заключалась также в том, что они предлагали готовые маршруты.

руты, помогая пассажирам сориентироваться в хаотичной транспортной системе Великобритании. Кроме этого, туристические агенты согласовали пересадки между разными перевозчиками, упорядочивая туристический рынок, на котором железные дороги, пароходы и городской транспорт заняли свои ниши. Поэтому ошибочно полагать, что какой-то вид транспорта вытеснил остальные. В то же время под давлением конкуренции повышался уровень предоставляемых перевозчиками услуг. Все это способствовало развитию массового туризма.

Список литературы

1. Грей Ф. История курортов: архитектура, общество, природа. М. : НЛО, 2009. 424 с.
2. Пикард Л. Викторианский Лондон. М. : Изд-во Ольги Морозовой, 2011. 513 с.
3. Соколов А. Б. Железнодорожный туризм в ранневикторианской Англии // От Елизаветы I до Елизаветы II. Проблемы британской истории в новое и новейшее время : сб. статей / под ред. А. Б. Соколова. Ярославль, 2008. С. 62–74.
4. Хобсбаум Э. Век капитала. 1848–1875. Ростов н/Д. : Феникс, 1999. 480 с.
5. Armstrong J., Williams D. M. London's Steamships: Their Functions and Their Owners in the Mid-Nineteenth Century // The London Journal. 2017. Vol. 42. № 3. Pp. 238–256.
6. Armstrong J., Williams D. M. The Steamboat and Popular Tourism // Journal of Transport History. 2005. Vol. 26. № 1. Pp. 61–77.
7. Armstrong J., Williams D. M. The Steamship as an Agent of Modernisation, 1812–1840 // International Journal of Maritime History. 2007. Vol. 19. № 1. Pp. 145–160.
8. Bowie D. Innovation and 19th century hotel industry evolution // Tourism Management. 2018. Vol. 64. Pp. 314–323.
9. Casson M. The World's First Railway System. Oxford : University Press, 2009. 523 p.
10. Cook T. A Guide to the system of Tours in Scotland. Leicester : T. Cook, 1861. 124 p.
11. Cook's West of England Tours. L. : Thomas Cook & Son, 1876. 32 p.
12. Dodd G. Railways, Steamers and Telegraphs. Edinburgh : W. & R. Chambers, 1867. 326 p.
13. Fellows R. B. Non-Stop Runs by Trains in Great Britain, 1845–1928 // Journal of Transport History. 1955. Vol. 2. № 1. Pp. 1–10.
14. Gerhold D. The development of stage coaching and the impact of turnpike roads, 1653–1840 // Economic History Review. 2014. Vol. 67. № 3. Pp. 818–845.
15. Grenier K. H. Tourism and Identity in Scotland, 1770–1914: Creating Caledonia. Andlershot, Burlington : Ashgate, 2005. 249 p.
16. Harris R. J. P. Building Regional Identity: Social and Cultural Significance of Railways for Cornwall in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries // The Journal of Transport History. 2019. Vol. 41. № 2. Pp. 254–277.
17. Hart H. W. Some Notes on Coach Travel, 1750–1848 // The Journal of Transport History. 1960. Vol. 4. № 3. Pp. 146–160.
18. Irvine H. S. Some Aspects of Passenger Traffic between Britain and Ireland, 1820–50 // Journal of Transport History. 1960. Vol. Fs-4. № 4. Pp. 225–241.
19. Kennedy J. The History of Steam Navigation. Liverpool : Charles Richall, 1903. 328 p.
20. Major S. «The Million Go Forth»: Early Railway Excursion Crowds, 1840–1860. 2012. Doctoral dissertation. ProQuest Dissertations & Theses Global (UMI AAIU603668). 328 p.
21. Major S. Railway Excursion Agents in Britain, 1840–60 // Journal of Transport History. 2015. Vol. 36. № 1. Pp. 22–40.
22. Moore K. L. Carrier routes in the Northeast of Scotland 1803–1914: Development and change in a service // Scottish Geographical Journal. 2003. Vol. 119. № 4. Pp. 325–340.
23. Morgan M. National Identities and Travel in Victorian Britain. Basingstoke, N. Y. : Palgrave Macmillan, 2001. 271 p.
24. Rae W. F. The Business of Travel: a Fifty Years' Record of Progress: 1841 – Leicester to Loughborough (12 miles), 1891 – All Over the Globe. L. : T. Cook & Son, 1891. 318 p.
25. Rosevear A. The spatial patterns of coaching in England and Wales from 1681 to 1836: A geographic information systems approach // The Journal of Transport History. 2019. Vol. 40. № 3. Pp. 418–444.
26. Shaw G. The official tourists' picturesque guide to the London and North-Western Railway. L. : Norton and Shaw, 1875. 660 p.
27. Simmons J. Railways, Hotels and Tourism in Great Britain 1839–1914 // Journal of Contemporary History. 1984. Vol. 19. Pp. 201–222.
28. Steel W. L. The History of the London & North Western Railway. L. : the Railway and Travel Monthly, 1914. 502 p.
29. Summer tours in Scotland. Glasgow to the Highlands by David MacBrayne's royal mail steamers, «Columba», «Iona» [etc.]. Glasgow : David MacBrayne, 1886. 111 p.
30. The Official Guide to the London and North Western Railway. L., Paris, Melbourne : Cassel and Company, 1894. 468 p.

31. To the Land o' Burns and the Glasgow & South Western Railway. L. : the Columbus Printing, Publishing and Advertising Company, 1899. 72 p.
32. Walton J. Transport, Travel, Tourism and Mobility: A Cultural Turn? // The Journal of Transport History. 2006. Vol. 27. № 2. Pp. 129–134.
33. Williams W. H. A. Creating Irish Tourism: The First Century, 1750–1850. L., N. Y. : Anthem Press, 2010. 272 p.
34. Withey L. Grand Tours and Cook's Tours. N. Y. : William Morrow & Co, 1997. 441 p.

The development of transport infrastructure and the emergence of the tourism industry in the UK in the XIX century

A. Yu. Vasilyeva

postgraduate student of the Department of modern and contemporary history, St. Petersburg State University.
Russia, St. Petersburg. E-mail: annivasilieva@gmail.com

Abstract. The article discusses the relationship between the development of transport infrastructure and the formation of the tourism industry in the United Kingdom in the 19th century. The relevance of the study lies in the fact that tourism could play an important role for the metropolis, as it was associated with the development of national and regional identities and at the same time influenced both the integration processes within the United Kingdom and the strengthening of the sense of identity and isolation of such regions as Scotland and Ireland.

A key moment in the development of the tourism industry was the emergence of steamships and railways, which connected the regions of Great Britain by sea and by land. The tourist market has responded to innovations and, thanks to the use of steam transport, has received new opportunities for itself. Over the course of a century, carriers have increased the level of services, making travel more comfortable and affordable.

However, the tourism market was not a single sector. In addition, the British rail network has not been streamlined. Therefore, in the fight for customers, transport owners who saw recreational travel as a source of profit turned to the services of travel agents. One of the most striking examples of such agents was Thomas Cook & Son, which offered tourists ready-made routes, coordinating transfers between different carriers and different modes of transport. We can say that urban transport, steamships, and railways have been successfully integrated into the tourism industry.

Keywords: history of tourism, history of transport, railways, steamships, Thomas Cook & Son.

References

1. Gray F. *Istoriya kurortov: arhitektura, obshchestvo, priroda* [History of resorts: architecture, society, nature]. M. UFO. 2009. 424 p.
2. Picard L. *Viktorskiy London* [Victorian London]. M. Olga Morozova Publishing house. 2011. 513 p.
3. Sokolov A. B. *Zheleznodorozhnyy turizm v ranneviktorskoj Anglii* [Railway tourism in early Victorian England] // *Ot Elizavety I do Elizavety II. Problemy britanskoj istorii v novoe i novejshee vremya : sb. statej* – From Elizabeth I to Elizabeth II. The problems of British history in the modern time : collection of articles / ed. by A. B. Sokolov. Yaroslavl. 2008. Pp. 62–74.
4. Hobsbawm E. *Vek kapitala. 1848–1875* [The age of capital. 1848–1875]. Rostov-na-Donu. Feniks. 1999. 480 p.
5. Armstrong J., Williams D. M. London's Steamships: Their Functions and Their Owners in the Mid-Nineteenth Century // *The London Journal*. 2017. Vol. 42. No. 3. Pp. 238–256.
6. Armstrong J., Williams D. M. The Steamboat and Popular Tourism // *Journal of Transport History*. 2005. Vol. 26. No. 1. Pp. 61–77.
7. Armstrong J., Williams D. M. The Steamship as an Agent of Modernisation, 1812–1840 // *International Journal of Maritime History*. 2007. Vol. 19. No. 1. Pp. 145–160.
8. Bowie D. Innovation and 19th century hotel industry evolution // *Tourism Management*. 2018. Vol. 64. Pp. 314–323.
9. Casson M. *The World's First Railway System*. Oxford : University Press, 2009. 523 p.
10. Cook T. *A Guide to the system of Tours in Scotland*. Leicester : T. Cook, 1861. 124 p.
11. *Cook's West of England Tours*. L. : Thomas Cook & Son, 1876. 32 p.
12. Dodd G. *Railways, Steamers and Telegraphs*. Edinburgh : W. & R. Chambers, 1867. 326 p.
13. Fellows R. B. Non-Stop Runs by Trains in Great Britain, 1845–1928 // *Journal of Transport History*. 1955. Vol. 2. No. 1. Pp. 1–10.
14. Gerhold D. The development of stage coaching and the impact of turnpike roads, 1653–1840 // *Economic History Review*. 2014. Vol. 67. No. 3. Pp. 818–845.
15. Grenier K. H. *Tourism and Identity in Scotland, 1770–1914: Creating Caledonia*. Anldershot, Burlington : Ashgate, 2005. 249 p.

16. *Harris R. J. P.* Building Regional Identity: Social and Cultural Significance of Railways for Cornwall in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries // *The Journal of Transport History*. 2019. Vol. 41. No. 2. Pp. 254–277.
17. *Hart H. W.* Some Notes on Coach Travel, 1750–1848 // *The Journal of Transport History*. 1960. Vol. 4. No. 3. Pp. 146–160.
18. *Irvine H. S.* Some Aspects of Passenger Traffic between Britain and Ireland, 1820–50 // *Journal of Transport History*. 1960. Vol. Fs-4. No. 4. Pp. 225–241.
19. *Kennedy J.* *The History of Steam Navigation*. Liverpool : Charles Richall, 1903. 328 p.
20. *Major S.* "The Million Go Forth": Early Railway Excursion Crowds, 1840–1860. 2012. Doctoral dissertation. ProQuest Dissertations & Theses Global (UMI AAIU603668). 328 p.
21. *Major S.* Railway Excursion Agents in Britain, 1840–60 // *Journal of Transport History*. 2015. Vol. 36. No. 1. Pp. 22–40.
22. *Moore K. L.* Carrier routes in the Northeast of Scotland 1803–1914: Development and change in a service // *Scottish Geographical Journal*. 2003. Vol. 119. No. 4. Pp. 325–340.
23. *Morgan M.* *National Identities and Travel in Victorian Britain*. Basingstoke, N. Y. : Palgrave Macmillan, 2001. 271 p.
24. *Rae W. F.* *The Business of Travel: a Fifty Years' Record of Progress: 1841 – Leicester to Loughborough (12 miles), 1891 – All Over the Globe*. L. : T. Cook & Son, 1891. 318 p.
25. *Rosevear A.* The spatial patterns of coaching in England and Wales from 1681 to 1836: A geographic information systems approach // *The Journal of Transport History*. 2019. Vol. 40. No. 3. Pp. 418–444.
26. *Shaw G.* *The official tourists' picturesque guide to the London and North-Western Railway*. L. : Norton and Shaw, 1875. 660 p.
27. *Simmons J.* Railways, Hotels and Tourism in Great Britain 1839–1914 // *Journal of Contemporary History*. 1984. Vol. 19. Pp. 201–222.
28. *Steel W. L.* *The History of the London & North Western Railway*. L. : the Railway and Travel Monthly, 1914. 502 p.
29. Summer tours in Scotland. Glasgow to the Highlands by David MacBrayne's royal mail steamers, "Columba", "Iona" [etc.]. Glasgow : David MacBrayne, 1886. 111 p.
30. *The Official Guide to the London and North Western Railway*. L., Paris, Melbourne : Cassel and Company, 1894. 468 p.
31. *To the Land o' Burns and the Glasgow & South Western Railway*. L. : the Columbus Printing, Publishing and Advertising Company, 1899. 72 p.
32. *Walton J.* Transport, Travel, Tourism and Mobility: A Cultural Turn? // *The Journal of Transport History*. 2006. Vol. 27. No. 2. Pp. 129–134.
33. *Williams W. H. A.* *Creating Irish Tourism: The First Century, 1750–1850*. L., N. Y. : Anthem Press, 2010. 272 p.
34. *Withey L.* *Grand Tours and Cook's Tours*. N. Y. : William Morrow & Co, 1997. 441 p.

Социальная перцепция России в рамках генезиса конфедеративного Польского государства

А. А. Зворыгин

магистр истории, аспирант, Вятский государственный университет; сотрудник,
Кировский областной краеведческий музей. Россия, г. Киров. E-mail: artem_zvorygin@list.ru

Аннотация. Статья посвящена социальной перцепции России в рамках генезиса конфедеративного Польского государства. Целью исследования выступает выявление отличительных черт социальной перцепции в Новое время, а также фрагментов из общей польско-русской истории, которые оставили след в исторической памяти. Интеллектуальные истоки русско-польских противоречий смогли сохранить политический антагонизм России и Польши до XXI века. Исходя из этого, важно понять, чем обусловлены негативные образы соседствующих государств и почему они существуют до сих пор. В статье рассматриваются политическая публицистика Польши и дипломатические документы XV–XVI вв. Выявлена преемственность средневековых шаблонов при формировании групповых мотивационно-смысловых структур. Рассмотрена неоднородность в восприятии России польско-литовским обществом. Обосновывается вывод о том, что Люблинская уния 1569 года является отправной точкой изменения отношения польско-литовского государства к Московии – если до XVI века восточный сосед не рассматривался как серьезный оппонент на международной арене, то уже к середине XVI столетия Московское государство стало восприниматься не только как опасный противник, но и как возможный партнер в создании тройственного корпоративного государства. Возможность сближения была упущена Иваном IV, проводившим в это время репрессивную политику опричнины и покушавшимся на важную свободу элекции элиты Речи Посполитой, что и оттолкнуло от русского царя и национально-ориентированное дворянство, и прomosковскую шляхту.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Россия, Люблинская уния, международные отношения, социальная перцепция, политика исторической памяти.

В эпоху строительства единого конфедеративного государства основным оппонентом Польши на востоке выступала Россия, и не всегда в роли союзника. Предметом настоящего исследования являются особенности социальной перцепции России поляками в условиях создания единой конфедерации и влияния польско-литовского государства на формирование политической концепции «Междуморья» Юзефа Пилсудского. Александр Владимирович Липатов, доктор филологических наук в статье «Российско-польская история: и общая, и разделенная», пишет, что понимание национальных стереотипов и предубеждений – это понимание себя и других, позволяющее выстроить систему координат в русско-польской истории [5, с. 89].

Современный мир характеризуется как многополярный, что подразумевает множество относительно независимых военно-политических центров, способных влиять на общемировую обстановку. Многие государства имеют богатый опыт международных отношений благодаря своей истории, притязаниям, конфликтам. Подобная участь сплела из России и Польши клубок противоречий и обид, который в течение последних десятилетий лишь крепче затягивается, следовательно, остается все меньше выходов для решения этой проблемы путем дискуссии двух субъектов. Настоящее исследование посвящено актуальной теме русско-польских отношений, которые освещаются в черно-белом свете, и в этом освещении происходит жонглирование идеологемами. В условиях непрекращающихся войн «исторической памяти» и огосударствления историографии принципиально важно объективно оценивать такой феномен, как «историческая политика», вошедший в польский историко-политический дискурс на рубеже XX–XXI вв. Развертывание дискуссий о политике памяти было подстегнуто созданием Института национальной памяти в 1998 г.¹, инициировавшего новый виток русско-польских прений, относительно широкого спектра исторических сюжетов [13; 17]. Польский профессор Ян Дзенгелевский в книге «О системе, политиках и диссидентах. Исследования и эскизы истории Первой Республики» пишет, что «неуместный, пружающий нацио-

нальную гордость нарратив на темы деяний предков может породить ксенофобию и затормозить весьма желательные процессы обретения европейской идентичности и открытости миру <...>], одна из причин такого положения дел – это СМИ и школьное образование, где навязывается однобокое видение прошлого, которое не вселяет оптимизма» [15, с. 7].

Историческая политика консервативной партии «Право и Солидарность» на данный момент является агрессивно-наступательной. В частности, Лукаш Важехи, один из членов партии, рекомендовал агрессивно реагировать на историческую политику Российской Федерации: «Они пять фильмов о лагерях пленных, мы десять о Катыни, они пятнадцать о занятии Кремля Жолкевским, мы о разделах. Они эпопею о Грюнвальде, мы о битве под Радлавицами» [16, с. 2].

В Польше и России история играет важную роль в процессе формирования гражданского общества. Используя достижения исторической науки двух восточно-европейских государств «историческая политика» является важным инструментом Варшавы в формировании общественного мнения.

Принимая во внимание сложность и неоднозначность общего российско-польского прошлого, следует признать, что последствия односторонне не сбалансированных и искаженных представлений, включенных в мировоззренческий дискурс современного поколения граждан, могут служить мощным фактором дестабилизации межгосударственных отношений на Востоке Европы, что чревато закреплением негативных тенденций в будущем.

Целью настоящей работы является выявление отличительных черт социальной перцепции в Новое время и выявление фрагментов общей польско-русской истории, которые оставили след в современной исторической памяти.

Исторический опыт создает особую систему социальных кодов и смыслов в культурной жизни государств, которые раскрываются через систему «Я/Другой» [2, с. 11–60]. В настоящей статье рассматривается политический дискурс XVI столетия, сквозь призму которого проецируется в современность набор основных социально-политических шаблонов и установок. Методологический аппарат составляют историко-генетический, историко-сравнительный, имагологический методы исторических исследований.

Источниковой базой исследования служат политические памфлеты, художественные тексты исследуемого периода, а также сборник Императорского Российского исторического общества, где представлены все этапы польско-литовско-русских переговоров в XVI веке [3; 6; 8; 14; 18; 20].

В польской историографии проблемам исторической памяти посвящены труды Уршулы Аугустыняк, профессора Исторического факультета Варшавского университета. Аугустыняк рассматривает взаимные русско-польские образы через призму политической публицистики XVI–XVII вв. [1]; польские историки XX века Ян Станислав Быстроня [12, s. 193] и Януш Тазбира [23, s. 208] выдвигают концепцию мессианства и польской мегаломании, считая их столпами национальной идентичности.

Отечественная историография вопроса представлена работой Бориса Николаевича Флори [10] «Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в.», а также монографией С. И. Николаева [7], посвященной истории польско-русских литературных связей XVII – первой трети XIX в. В книге «Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы» д. и. н., профессора МГИМО О. Ф. Кудрявцева [4] рассматривается образ русского в восприятии европейцев.

С момента получения независимости Польским царством 11 ноября 1918 г. политическая элита Польши начала строительство национального государства. Процесс поиска Варшавой геополитической роли на арене международных отношений в межвоенный период был тесно сопряжен с рецепцией исторического опыта Речи Посполитой как «щита Запада».

Система идей о Польше как фронтире цивилизации и антибольшевистской плотине была аккумулирована Юзефом Пилсудским, военным и политическим деятелем, в концепцию «Междуморья». Основной целью этого проекта стало объединение соседствующих с Советским Союзом государств в федерацию при политическом доминировании Варшавы. Концепция *Intermarium* определила внешнюю политику Варшавы не только в межвоенный период (1918–1939 гг.), но и оставила след на польской политической парадигме последних двух десятилетий.

Политическая концепция Междуморья, выдвинутая Юзефом Пилсудским после Первой мировой войны, имеет широкую политико-идеологическую базу и глубокие исторические

корни. Свою программу переустройства Восточной Европы польская шляхта впервые наметила в конце XIV века (хотя фактически паны контролировали лишь малую часть современных украинских земель), и эти планы заходили далеко.

В Кривской унии 1387 г. польские политики смогли добиться от литовского князя Ягайлы «присоединения» Великого княжества к польской короне [11, с. 23–33]. Такая политическая экспансия была обусловлена стремлением панства открыть для себя нивы Восточной Европы. Подспорьем в решении этой задачи должны были стать литовские аристократы. Чтобы склонить боярство Литвы к слиянию была предпринята попытка заинтересовать эту общественную силу, показав те сословные преимущества, которыми обладали феодалы Польши. Ягайло в 1387 г. распространил на литовских бояр-католиков привилегии. Попытка инкорпорации стала одним из первых шагов в процессе сближения Великого княжества Литовского и Польши [11, с. 33–36].

Польские концепции восточной политики находят свое отражение в работах историка и дипломата Яна Длугоша. К концу XV столетия «*Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*» («Анналы истории Польши») он пишет о предостережении короля Казимира литовским панам о войне с русским государем, называя последнего «противником сильным». И если паны начнут войну с ним, то, скорее всего, найдут в ней свою гибель [10, с. 14]. Б. Н. Флоря, анализируя данный фрагмент, приходит к выводу, что польские политики не только заметили появление новой могущественной державы, но и серьезно задумались о последствиях военных конфликтов с Московией за белорусские и украинские земли. Данный текст интересен тем, что отражает отголоски дискуссий среди польского панства и их видение политических задач, которые впоследствии будут стоять перед уже объединенным польско-литовским государством.

В средневековом историко-публицистическом дискурсе прослеживается преимущество концепции Яна Длугоша, согласно которой украинские земли – это старые владения польских королей, начиная с Болеслава Храброго. Этот тезис перешел на страницы работы дипломата М. Кромера «Польская хроника» [20], где также был отмечен поход Казимира на Галицкие земли в 1349 году с целью возвращения территорий, потерянных в ходе феодальной раздробленности [20, с. 170].

В «Хронике» Мартина Кромера Московии уделяется несравнимо больше внимания, нежели у Яна Длугоша. Во вступительной части труда рассматривается история Московского государства [20, с. 30], когда у Длугоша эта тема поднималась лишь в конце. Наличие подобной главы в «Хронике» дает ясное понимание того, что автор не может рассматривать современную ему картину международных отношений без упоминания о Московии. Следовательно, уже на рубеже XV–XVI веков начинает формироваться идея о том, что основным восточным антагонистом Польши выступает именно Россия.

Сравнительный анализ работ Мартина Кромера и Яна Длугоша дает представление о месте Московии в политическом сознании населения Польши в XV и XVI столетиях. Если в XV веке Московское государство видится полякам как объект европейской политики, то к концу XVI века русские цари выступают субъектами на геополитической арене Восточной Европы.

Уже в первой половине XVI века происходит идеологический синтез польских и литовских внешнеполитических доктрин. Мощным катализатором сближения стало объединение русских земель Василием III и наступательные войны Ивана IV. Мартин Кромер писал, что князья московские приняли титул «всех Русей», а параллельно с этим предъявляют претензии на территории близ реки Березина [20, с. 1346]. Польский поэт Ян Кохановский упоминает о том, что князь Московский, захватив Полоцк, предъявляет претензии также и на Галичину, аргументируя наследственным правом [18, с. 66]. Флоря, широко цитируя Кромера, приходит к выводу, что польские паны прекрасно осознавали военную слабость княжества Литовского и необходимость помощи со стороны Польши [10, с. 24].

Этот вывод подтверждаем взглядами польского историка, географа и придворного врача Сигизмунда I Матвея Меховского, который в труде «Трактат о двух Сарматиях» описывает псковские и новгородские земли как часть Великого княжества Литовского [6, с. 106–108]. Литовские послы предъявили претензии на северо-западные уделы Московского государства спустя 49 лет после издания трактата Меховского, и, скорее всего, именно под влиянием его работы на переговорах в мае-сентябре 1566 г. было сказано: «Чтобы государь ваш поступился государю нашему старинные вотчины предков его, города Смоленска <...>, Великого Новгорода, Пскова...» [8, с. 369].

С наращиванием сил Московским государством усиливалась и солидаризация внешне-политических доктрин Польши и Литвы, видевших в разрастающемся восточном соседе серьезную угрозу не только для земель восточной части Украины, которые в столице Польши рассматривались как ближайший объект для военно-политической экспансии, но и для западных украинских земель, давно захваченных польской шляхтой. Польский поэт Ян Кохановский [7, с. 15] в поэме «Сатир или Дикий муж» пишет, что «Московский князь взял Полоцк и доказывает, что Галич принадлежит ему по наследству» [18, с. 66].

Если самое начало зарождения идей (единое конфедеративное государство от Балтийского до Черного и Адриатического морей), которые впоследствии легли в основу концепции «Междуморья», связано с Кревской унией, то следующим этапом геополитического развития Польши и Литвы стала Люблинская уния 1569 года. В этот же период возрастает интерес европейцев к Московской Руси, что можно объяснить образованием могущественного на востоке Европы государства, которое помогло бы справиться с Османской империей, угрожавшей существованию европейской цивилизации [4, с. 26].

В вопросе о причинах принятия Люблинской унии между польской, советской и современной российской историографиями нет серьезных расхождений [9; 18; 21]. Поражение литовцев в войне с Московией на реке Ведроша (1500), утрата Полоцка в ходе Ливонской войны повысили интерес литовской аристократии к польской короне для сохранения своих позиций в Восточной Европе. В результате было сформировано государство шляхты, несмотря на попытки Ягеллонов навязать Речи Посполитой государственное устройство абсолютистского типа [9, с. 156]. Аугустыняк в статье «Польско-русские отношения в политической публицистике Речи Посполитой XVI–XVII вв. К вопросу о генезисе стереотипа» отмечает, что интерес к имагологии возник в Польше на рубеже 80–90-х годов и основными темами исследований были стереотипы в отношении поляков с народами Западной Европы, тесно связанными с Польшей этническими и конфессиональными конфликтами (немцы, евреи, протестанты). В то же время автор отмечает, что стереотипам русских было посвящено крайне мало работ (причем основой этих работ была публицистика XIX века) и все авторы единодушны в том, что стереотип русских в сознании поляков имел негативный окрас [1, с. 120]. И именно эта преобладание стереотипов помогла выдвинуть тезис о польской мегаломании Яну Станиславу Быстроне [12, с. 193], а также представить интересную гипотезу, в 1970-х годах обоснованную Янушем Тазбирой, о подверженности «поляков ксенофобии» в отношении Востока. По мнению Я. Тазбиры, устойчивые стереотипы сформировались к середине XVII столетия, а позже принесли плоды в виде своеобразного польского мессианства и национальной мегаломии [23, с. 7–30].

Уже в ходе Люблинского сейма наметились изменения в отношении к Московии и ее государю. Неслучайно когда дошла очередь говорить до Брацлавского воеводы Сангушковича, то он заявил, что надо нанять войско, а не заключать мира с «Московским князем», и доказывал королю, что не будет лучшего времени для войны, так как «против Московского князя идет турецкое войско; шведов и датчан он тоже боится» [3, с. 499–501]. В глазах сейма Иван IV представлялся как слабый и страшущийся своих соседей царь. Стоит отметить факт непризнания поляками царского титула русского государя.

Так как сейм в Люблине проходил в годы опричнины (1565–1572), воевода Сангушкович отмечал, что «много у него [Ивана IV] хлопот со своими подданными, которые, наверное, умертвили бы его, если бы он выехал в поле, потому что он намучил их», причем с этим мнением согласились многие сенаторы [3, с. 501].

Люблинская уния стала ярким примером мирной экспансии посредством династических соглашений и договоренностей. Был создан прецедент, открывавший возможность использовать аналогичные рычаги для привлечения русской аристократии к укреплению польской государственной модели.

Проецирование этой модели не заставило себя долго ждать. В 1572 г. скончался Сигизмунд II, остро встал вопрос о новом короле. Восприятие Ивана IV как противника было подкорректировано литовской православной шляхтой, так как его кандидатура стала довольно популярной. В сборнике «Политические сочинения с первого дня бескорольства» [14] Яна Чубека представлены памфлеты, демонстрирующие программы основных аристократических группировок.

Кандидатуру русского царя поддержали публицисты промосковского лагеря, написавшие «Zdanie o obieraniu nowego krola» («Предложение о выборе нового короля») [14, с. 349] и

«Sententia de eligendo novo rege ex duce Moshorum» («Решение о выборе нового короля от Московии») [14, s. 355]. В польско-русско-литовском союзе один из названных авторов видит великую силу, которая сможет доминировать не только в восточноевропейском регионе, но и во всем мире, проводя исторические аналогии с великими державами прошлого – Ассирийской, Римской и Персидской империями: «Если бы Польша с Литвой и Москвой соединились, то он [сын Ивана IV. – *Авт.*] бы приравнял державу к древним персидским, ассирийским и римским панствам, и монархиям, и была бы надежда на усмирение татарских орд» [14, s. 356].

Другой же анонимный публицист уделял больше внимания не современной ему геополитической ситуации в регионе, а именно личности Ивана IV и его сына (скорее всего, Ивана Ивановича): «О московском государе говорят, что наблюдателен, остроумен, разума великого, в рыцарских делах опытный, красивый, богатый и т. д. И о сыне его говорят все самое хорошее и почитают, и границы общие у нас с ним [Московским государством. – *Авт.*] есть. От женьитьбы с его сыном у нас может быть вечный мир» [14, s. 349].

В памфлетах ставится вопрос об экономическом лидерстве Московии в отношениях с Речью Посполитой: «Как московская земля закрылась, так города обнищали, а этому бедствию, которое началось, конца не было, если бы москвиты в города свои не пустили» [14, s. 369].

Мир был необходим для поляков и литовцев, одним из способов достижения этой цели было избрание русского царя на польский престол. Ожидаемым следствием такого поворота истории должно было стать прекращение войн на востоке, решение спорных вопросов на западе в пользу Речи Посполитой: «Земли прусские и поморские не выполняют своих обязательств перед Речью Посполитой и намереваются от нее отделиться с помощью императора <...>. С избранием царя положение изменится. Если немцы попытаются напасть, то постигнет их то, что при Ягайло (Грюнвальдская битва)» [14, s. 373–374]. От союза с Москвой также ожидали организации надежной обороны, в первую очередь, от Крымского ханства и Османской империи. Даже открывались перспективы изгнания турок за Дунай [14, s. 375].

Заметно определенное противоречие в оценках Московии и государя: с одной стороны, Россия выступала серьезным противником Речи Посполитой, но с другой – виделась союзником, с помощью которого можно попытаться пресечь непрекращающиеся набеги крымских татар. Проекция русского царя в сознании польского панства кажется дуалистичной: сила, ум и знания в военной области контрастируют с неумной тиранией и трусостью перед Швецией и Османской империей. Флоря в этом вопросе видит оценочные категории нового порядка, которые существуют уже вне классической однозначной средневековой системы (друг или враг) оценки соседних государств [10, с. 79].

Следовательно, вставало два пути развития Речи Посполитой: продолжение изматывающей войны с Россией или мир на востоке, чреватый ростом угрозы со стороны Ивана IV шляхетским вольностям.

Позиция промосковской шляхты изменилась в диаметрально противоположную сторону после письма царя, где он покушался на свободу элекции, планировал разорвать Люблинскую унию и добивался избрания на Литовский престол [22, s. 92]. Русско-польская уния означала бы на практике не слияние двух равных субъектов, а поглощение Москвой Речи Посполитой, где «вольная элекция» стала бы пустой формальностью при наследственной монархии. У. Аугустыняк выдвигает весьма дискуссионный тезис о невозможности приобщения московского дворянства к шляхетским вольностям и считает, что критики проекта «тройственной унии» оказались правы [1, с. 132].

Проблема «тройственной унии» является важной в рассмотрении преемственности идей польской идеологии «восточного щита» от Люблинского сейма до двадцатилетнего промежутка между Первой и Второй мировыми войнами.

В условиях инкорпорации Литвы и Польши и предшествующего этому периода выстраивается стройная схема русско-польских отношений. Если в XV столетии Московское княжество представало как объект политики, находящийся на периферии международных процессов, то ко второй половине XVI века Московии уделено несравнимо больше внимания не только во внешнеполитических доктринах, но и в политико-исторической публицистике. На массовое сознание проецируется образ опасного врага, претендующего на земли бывшего Галицко-Волынского и Киевского княжеств. Представление Московии в роли антагониста было закреплено Польшей через унию с Литвой, которая создала шляхетское государство – Речь Посполитую.

Состоявшаяся инкорпорация влечет за собой не только замену или слияние институтов государственной власти, но и симбиоз внешнеполитического опыта, доктрин. Польским маг-

натам на Люблинском сейме, по сути, пришлось учесть опыт именно русско-литовских отношений, и в дальнейшем он и стал источником грядущих конфликтов.

Несмотря на усиление экспансии Польши на восток, Люблинская уния стала примером мирных территориальных приращений. Промосковским лагерем литовской шляхты была сделана попытка привлечения Ивана IV на престол Речи Посполитой. Выпускались политические памфлеты, хвалившие русского царя и превозносившие возможный польско-русско-литовский альянс. Но опрометчивые действия и письма Ивана IV оттолкнули от него промосковскую группировку, что продолжило изматывающую Ливонскую войну.

Перцепция России Польшей на этапе строительства конфедеративного государства как естественной угрозы Западу и «шляхетским вольностям» стало основой образа врага в коллективном сознании поляков. Данный историко-культурный код заимствовался польским обществом на всех исторических этапах с момента заключения унии 1569 г. в Люблине.

Если в XVI веке Люблинская уния определила Речь Посполитую как щит от Московии на международной арене, то в XX веке концепция *Intermarium* Юзефа Пилсудского конкретизировала место и роль Польши в Европе, отголоски которого до сих пор слышны в современном политическом дискурсе. Поражение промосковской шляхты в годы первого бескоролья имело следствием формирование в коллективном сознании враждебного образа России – основной угрозы Речи Посполитой. В современности следует не только помнить об историческом опыте взаимоотношений, но и вести конструктивный диалог, опирающийся не на «историческую справедливость», а на примеры и перспективы плодотворного сотрудничества.

Список литературы

1. *Аугустыняк У.* Польско-русские отношения в политической публицистике Речи Посполитой XVI–XVII вв. К вопросу о генезисе стереотипа // Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре : сборник статей. М. : Индрик, 2009. 370 с.
2. *Бородавкин С. В.* Гуманизм и гуманность как два языка культуры. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр, 2004. 240 с.
3. *Дневник Люблинского сейма 1569 года : Соединение Великого княжества Литовского с Королевством Польским.* СПб. : Печатня В. Головина, 1869. VII, [3]. 780 с.
4. *Кудрявцев О. Ф.* Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М. : Русский мир, 1997. 408 с.
5. *Липатов А. В.* Российско-польская история: и общая, и разделенная. Россия и Польша // Россия и Польша. История общая и разобшенная / под ред. Е. И. Пивовара, О. В. Павленко. М. : Аспект Пресс, 2015. 416 с.
6. *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.–Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1936. 303 с.
7. *Николаев С. И.* От Кохановского до Мицкевича. Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII – первой трети XIX в. СПб, 2004. 266 с.
8. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1867–1916. 148 т. Т. 71 : Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, часть 3-я (годы с 1560 по 1570) : Т. 3 / изд. под наблюд. Г. Ф. Карпова. 1892. [8], VI. 807 с.
9. *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши / пер. с польск. М. : Весь Мир, 2004. 544 с.
10. *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. Москва, 1978. 303 с.
11. *Bardach J.* Studia z ustroji i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego (XIV–XVII w.) Warszawa, 1970. 404 s.
12. *Bystron J.* Megalomania narodowa. Warszawa, 1935. 311 s.
13. *Chodakiewicz M. J.* The Massacre in Jedwabne, July 10, 1941: Before, During, After. East European Monographs, 2007. 224 p.
14. *Czubek J.* Pisma Polityczne z czasow pierwszego bezkrolewia. Krakow, 1906. 765 s.
15. *Dzięgielewski J.* O ustroju, decydentach i dysydentach. Studia i szkice z dziejów pierwszej Rzeczypospolitej. Kraków : Wydawn. i Poligrafia Kurii Prowincjalnej Zakonu Pijarów, 2011. S. 7.
16. *Gadomski W.* Obsesje historyczne prawicy // Gazeta wyborcza. 2011. 27 czerw.
17. *Gross J. T.* Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland, Princeton University Press, 2001. 157 p.
18. *Kochanowski J.* Dzieła polskie. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy 1972. 989 s.
19. *Kolankowski L.* Polska Jagiellonów: dzieje polityczne. Olsztyn. 1991 [1936]. 507 s.
20. *Kromer M.* Kronika Polska. T. 1. Sanok, 1868. 718 s.
21. *Łowmiański H.* Polityka Jagiellonów. Poznań, 1999. 699 s.
22. *Orzelski S.* Bezkrolewia ksiąg osmioro czyli dziego Polski od Zygmunta Augusta r. 1572 do r. 1576, t. I. SPb. Mohylew, 1856. 139 s.
23. *Tazbir J.* Rzeczpospolita i świat. Warszawa, 1968. 208 s.

Social perception of Russia in the framework of the genesis of the Confederate Polish state

A. A. Zvorygin

master of history, postgraduate student, Vyatka State University; employee, Kirov Regional Museum of local lore. Russia, Kirov. E-mail: artem_zvorygin@list.ru

Abstract. The article is devoted to the social perception of Russia within the framework of the genesis of the Confederate Polish state. The aim of the study is to identify the distinctive features of social perception in Modern times, as well as fragments from the common Polish-Russian history that have left a mark on historical memory. The intellectual origins of the Russian-Polish contradictions were able to preserve the political antagonism of Russia and Poland until the XXI century. Based on this, it is important to understand what causes the negative images of neighboring States and why they still exist. The article deals with the political journalism of Poland and diplomatic documents of the XV–XVI centuries. The continuity of medieval patterns in the formation of group motivational and semantic structures is revealed. The heterogeneity in the perception of Russia by the Polish-Lithuanian society is considered. The conclusion is substantiated that the Union of Lublin in 1569 is the starting point of the change in the attitude of the Polish-Lithuanian state to Muscovy – if before the XVI century the Eastern neighbor was not considered as a serious opponent in the international arena, then by the middle of the XVI century the Moscow state was perceived not only as a dangerous opponent, but also as a possible partner in the creation of a triple corporate state. The opportunity for rapprochement was missed by Ivan IV, who at that time pursued a repressive policy of the oprichnina and encroached on the important freedom of the electorate of the Polish-Lithuanian Commonwealth elite, which alienated both the nationally oriented nobility and the pro-Moscow gentry from the Russian Tsar.

Keywords: Polish-Lithuanian Commonwealth, Russia, Lublin Union, international relations, social perception, politics of historical memory.

References

1. Augustyniak U. *Pol'sko-russkie otnosheniya v politicheskoy publicistike Rechi Pospolitoj XVI–XVII vv. K voprosu o genezise stereotipa* [Polish-Russian relations in the political journalism Of the Polish-Lithuanian Commonwealth of the XVI–XVII centuries. To the question of the genesis of the stereotype] // *Rossiya, Pol'sha, Germaniya: istoriya i sovremennost' evropejskogo edinstva v ideologii, politike i kul'ture : sbornik statej* – Russia, Poland, Germany: history and modernity of European unity in ideology, politics and culture : collection of articles. M. Indrik. 2009. 370 p.
2. Borodavkin S. V. *Gumanizm i gumannost' kak dva yazyka kul'tury* [Humanism and humanity as two languages of culture]. SPb. Russian-Baltic information center. 2004. 240 p.
3. *Dnevnik Lyublinskogo sejma 1569 goda : Soedinenie Velikogo knyazhestva Litovskogo s Korolevstvom Pol'skim* – Diary of the Lublin Sejm of 1569 : Connection of the Grand Duchy of Lithuania with the Kingdom of Poland. SPb. Printing house of V. Golovin. 1869. VII, [3]. 780 p.
4. Kudryavcev O. F. *Rossiya v pervoj polovine XVI v.: vzglyad iz Evropy* [Russia in the first half of the XVI century: a view from Europe]. M. Russian world. 1997. 408 p.
5. Lipatov A. V. *Rossijsko-pol'skaya istoriya: i obshchaya, i razdelennaya. Rossiya i Pol'sha* [Russian-Polish history: both general and divided. Russia and Poland] // *Rossiya i Pol'sha. Istoriya obshchaya i razobshchennaya* – Russia and Poland. General and disunited history / ed. Pivovara, O. V. Pavlenko, M. Aspect Press. 2015. 416 p.
6. *Mekhovskij M. Traktat o dvuh Sarmatijah* [Treatise on two Sarmatians]. M.-L. Academy of Sciences of the USSR. 1936. 303 p.
7. Nikolaev S. I. *Ot Kohanovskogo do Mickevicha. Razyskaniya po istorii pol'sko-russkih literaturnyh svyazej XVII – pervoj treti XIX v.* [From Kohanovsky to Mickiewicz. Search on the history of Polish-Russian literary relations of the XVII – first third of the XIX centur. SPb. 2004. 266 p.
8. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* – Collection of the Imperial Russian Historical Society. SPb. 1867–1916. 148 vols. Vol. 71: Monuments of diplomatic relations of the Moscow state with the Polish-Lithuanian state, part 3 (years from 1560 to 1570): Vol. 3 / ed. under the supervision of G. F. Karpov. 1892. [8], VI. 807 p.
9. Tymovskij M., Kenevich Ya., Hol'cer E. *Istoriya Pol'shi* [History of Poland] / translated from Polish. M. Ves' Mir. 2004. 544 p.
10. Florya B. N. *Russko-pol'skie otnosheniya i politicheskoe razvitie Vostochnoj Evropy vo vtoroj polovine XVI – nachale XVII v.* [Russian-Polish relations and political development of Eastern Europe in the second half of the XVI – early XVII century]. M. 1978. 303 p.
11. Bardach J. *Studia z ustroji I prawa Wielkiego Ksiestwa Litewskiego (XIV–XVII w.)* Warszawa, 1970. 404 p.
12. *Bystron J. Megalomania narodowa.* Warszawa, 1935. 311 p.
13. *Chodakiewicz M. J. The Massacre in Jedwabne, July 10, 1941: Before, During, After.* East European Monographs, 2007. 224 p.

14. *Czubek J.* Pisma Polityczne z czasow pierwszego bezkrolewia. Krakow, 1906. 765 p.
15. *Dzięgielewski J.* O ustroju, decydentach i dysydentach. Studia i szkice z dziejów pierwszej Rzeczypospolitej. Kraków : Wydawn. i Poligrafi a Kurii Prowincjalnej Zakonu Pij aró w, 2011. P. 7.
16. *Gadomski W.* Obsesje historyczne prawicy // Gazeta wyboreza. 2011. 27 czerw.
17. *Gross J. T.* Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland, Princeton University Press, 2001. 157 p.
18. *Kochanowski J.* Dziefa polskie. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy 1972. 989 p.
19. *Kolankowski L.* Polska Jagiellonów: dzieje polityczne. Olsztyn. 1991 [1936]. 507 p.
20. *Kromer M.* Kronika Polska. T. 1. Sanok, 1868. 718 p.
21. *Łowmiański H.* Polityka Jagiellonów. Poznań, 1999. 699 p.
22. *Orzelski S.* Bezkrolewia ksiąg osmioro czyli dziego Polski od Zygmunta Augusta r. 1572 do r. 1576, t. I. SPb. Mohylew, 1856. 139 p.
23. *Tazbir J.* Rzeczpospolita i swiat. Warszawa, 1968. 208 p.

Политика венгерского правительства в отношении этнических венгерских общин в 2010–2020 гг.

Н. Ю. Шишов

магистрант II курса кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики,
Российский государственный гуманитарный университет.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-7580-8026. E-mail: shishoff.nickita2012@yandex.ru

Аннотация: 4 июня 2020 г. исполнилось 100 лет Трианонскому мирному договору, ставшему неотъемлемой частью венгерской идентичности, венгерского ДНК. По итогам Трианона Венгрия понесла колоссальные потери, которые, фактически, предопределили ее грядущую судьбу и последующие трагедии национальной истории: страна лишилась 72 % территорий, утратив такие земли, исторически принадлежавшие венгерской короне, как Трансильвания или Словакия, потеряв вместе с этим около 64 % населения из которых, порядка 3 млн этнических венгров в одночасье стали подданными Чехословакии, Румынии, Королевства сербов, хорватов и словенцев.

Начиная с 2010 г. коалиционное правительство Венгерского гражданского союза и Христианско-демократической народной партии во главе с премьер-министром Виктором Орбаном сознательно акцентировало внимание вокруг «незаживающей раны Трианона» с целью объединения разрозненных частей венгерского народа воедино, на базе создания новой мадьярской идентичности – «венгерской нации», не ограничивающейся государственными границами Венгрии. В статье анализируется политика правительства В. Орбана по упрочению, развитию и расширению политических, экономических и социально-культурных связей Будапешта и этнических венгерских общин на бывших территориях Венгерского королевства, и прежде всего Украины (Закарпатская область), Румынии (Трансильвания и в частности – непризнанная национально-территориальная автономия – Секейский край), Сербии (Воеводина) и Словакии. Автор уделяет особое внимание деятельности государственного фонда им. Габора Бетлена, учрежденного венгерским правительством в апреле 2011 г., как ведущего проводника влияния Будапешта и одного из ключевых источников финансирования соотечественников, проживающих вне государственных границ Венгрии.

Ключевые слова: Трианонский мирный договор, Венгрия, партия Фидес, этнические венгры, венгерская нация.

По итогам парламентских выборов 2010 г., к власти в Венгрии пришла правоконсервативная коалиция Венгерского гражданского союза (далее партия Фидес) и Христианско-демократической народной партии (далее ХДНП). В своей победной речи В. Орбан заявил, что победа Фидес – это не победа отдельной партии, а триумф всех венгров (вне зависимости от места жительства), более того, будущий премьер-министр представил себя спасителем всей венгерской нации, мессией, которому судьбой отведено вернуть былое величие великой Венгрии [19].

Новоизбранное правительство изначально сделало тему Трианонского мирного договора 1920 г. одним из краеугольных камней как внутренней, так и внешней политики, подчеркивая трагедию Трианона не только территориальными¹, но и людскими потерями – порядка 3 млн этнических венгров остались отрезанными от Родины, став гражданами Чехословакии, Румынии и Королевства сербов, хорватов и словенцев, попав в орбиту их внутренней политики, но не перестав быть венграми по праву рождения [4, с. 359].

Важно подчеркнуть, что «пути Трианона» использовались правительством В. Орбана, с одной стороны, с целью сплотить этнических венгров Карпатского бассейна вокруг общей, болезненной для каждого венгра проблемы. С другой стороны, тема Трианона служила одним из главных способов пересмотра официальной политики национальной памяти через создание

© Шишов Н. Ю., 2020

¹ В соответствии с данным договором Венгрия потеряла 2/3 исторически венгерских территорий: Румынии достались Трансильвания и восточная часть Баната; Чехословакия получила Словакию и Закарпатье; Королевство сербов, хорватов и словенцев получило от Венгрии части Хорватии, Бачку и Западный Банат; Австрии достался Бургенланд (14–16 декабря 1921 года в г. Шопрон состоялся референдум, на котором большинство населения высказалось за принадлежность своего края Венгрии).

нового нарратива, где Трианонский договор рассматривается не как отдаленный символ скорби венгерского народа, давным-давно канувший в Лету, но как животрепещущий и кровающий образ национальной обиды и несправедливости, отголоски которого влияют на венгерский народ до сих пор. Однако Венгрия в данной трактовке представлялась беспомощной жертвой истории и, прежде всего, жертвой «великих держав». К примеру, в речи, посвященной 100-летию Трианонского мирного договора, премьер-министр В. Орбан заявил следующее: «Запад изнасиловал тысячелетние границы и историю Центральной Европы. Наша страна была превращена в дом смерти. Они перекраивали Центральную Европу без всяких моральных угрызений совести, как перекраивали границы Африки и Ближнего Востока. Мы никогда этого не забудем. И когда мы думали, что гордая Французская и Британская империи и лицемерная Американская империя больше не могут опуститься еще ниже, то нет – после Второй мировой войны мы были брошены ими без какого-либо огорчения в руки к коммунистам» [6].

Однако почему коалиционное правительство Фидес – ХДНП, начиная с 2010 г., заинтересовалось соотечественниками, проживающими вне государственных границ Венгрии? Прежде всего, еще во время первого премьерства В. Орбана в 1998–2002 гг. правительство разработало экономическую, политическую и культурную программу поддержки венгерских диаспор², однако с приходом к власти левой коалиции, возглавляемой Венгерской социалистической партией (далее ВСП), в 2002 г. большинство начинаний предыдущего правительства было приостановлено, а на смену национальному подходу Фидес (в котором только Венгрия сможет позаботиться и защитить венгров Карпатского бассейна), пришел наднациональный подход ВСП – вовлечение Европейского союза как арбитра и посредника в решении споров венгерских общин и национальных правительств. Таким образом, поддержка венгров, проживающих за рубежом, легла в основу избирательной программы, принесшей победу В. Орбану на парламентских выборах 2010 г. и тем самым открывшей дорогу к претворению данной политики в жизнь.

К тому же особый интерес правительства В. Орбана к венграм Карпатского региона был вызван ухудшающейся демографической ситуацией в стране: если в 1980 г. население Венгрии составляло 10 709 463 человека, в 1990 г. – 10 374 823, то с приходом коалиции Фидес – ХДНП к власти в 2010 г. – 10 014 324 человека³ [17]. В связи с этим одной из ключевых целей демографической политики Венгрии в 2010–2020 гг. стало стремление включить этнические венгерские общины в политическую, экономическую и культурную жизнь Будапешта.

Таким образом, с приходом правоконсервативной коалиции Фидес – ХДНП национальная политика перестала ограничиваться государственными границами Венгрии, а взор Будапешта устремился на территории близлежащих государств.

В соответствии с общеевропейской переписью населения 2011 г. крупнейшие этнические венгерские общины находятся на территории Румынии, Сербии и Словакии. В Румынии проживали 1 227 623 венгра (6,5 % всего населения) [21], причем на территории непризнанной национально-территориальной автономии – Секейского края (венг. Székelyföld) – 581 159 венгров (71,72 %) [20]. В Сербии проживали 253 899 венгров (3,5 % всего населения), из них на территории автономного края Воеводина (венг. Vajdaság) – 251 136 венгров (13 %) [7]. В Словацкой Республике численность населения венгров составляла 458 467 человек (8,5 % населения страны) [18]. Отдельно следует выделить количество этнических венгров, проживающих на территории Закарпатской области Украины. В связи с отсутствием свежих статистических данных⁴ точное количество этнических венгров неизвестно, однако, по оценкам экспертов, на 2011 г. на территории Закарпатья проживало порядка 141 000 венгров [13].

В итоге начиная с 2010 г. правящая коалиция Фидес – ХДНП проводит активную национальную политику, которая основывается на юридической, политической, социально-экономической и культурной поддержке венгров, проживающих за рубежом. Данная политика находит свое отражение уже в законе от 26 мая 2010 г. о предоставлении гражданства венграм, проживающим за рубежом. В соответствии с данным законом венгерское гражданство может получить любой желающий, чьи предки до 1920 г. или в промежутке с 1940 по 1945 гг.

² Отдельно следует выделить введение т. н. «венгерских сертификатов» (также известных как «зеленый паспорт») – документов, предоставляющих этническим венграм в соседних государствах и членам их семей некоторые льготы в самой Венгрии.

³ На 1 января 2020 г. население Венгрии составляло 9 769 526 человек.

⁴ В соответствии с переписью населения 2001 г. на территории Закарпатья проживали 151 500 венгров.

имели гражданство Венгрии [5]. Этническим венграм за рубежом предоставляются те же избирательные права, которыми обладают венгерские граждане. Причем только по официальным данным к 2020 г. венгерское гражданство по упрощенной процедуре получили более 1,1 млн этнических венгров [11].

Важной частью новой национальной политики стала политическая и, прежде всего, дипломатическая поддержка культурных, а в отдельных случаях и политических автономий венгерских общин. По выражению вице-преьера Венгрии Ж. Шемьена, «...выживание венгров, проживающих за границей, зависит от того, смогут ли они достичь успеха, двигаясь в направлении достижения автономии» [22]. На этом основании в 2011 г. венгерским правительством был создан Совет Венгерской диаспоры с целью укрепления связей Венгрии и венгерских общин, как неотъемлемой части единого организма «венгерской нации» [15]. Более того, во время венгро-украинского кризиса (на фоне украинского закона об образовании) правительство Венгрии учредило должность уполномоченного по развитию Закарпатской области, в компетенцию которого входило укрепление культурных, образовательных и социально-экономических отношений Венгрии и этнических венгров Закарпатья [9]. Тем самым венгерское правительство продемонстрировало Украине свою особую заинтересованность – как политическую, так и экономическую – в регионе.

Отдельно следует выделить поддержку государством неоднозначных акций венгров за рубежом. К примеру, в 2013 г. правительство В. Орбана поддержало венгров, вывесивших на здании администрации румынского города Сфынту-Георге (венгерское название г. Шепшисентдьердь) флаг непризнанной национально-территориальной автономии Секейского края [2]. К тому же правительство Венгрии неоднократно поддерживало проведение различных акций протеста и маршей несогласия в самой Венгрии в связи с притеснениями венгров Карпатского бассейна национальными правительствами. Так произошло в 2017 г., когда в Будапеште по инициативе праворадикальной партии Йоббик состоялся митинг под лозунгом «Самоопределение для Закарпатья» [8].

Следующий момент – экономическая поддержка венгерских общин. В 2010–2020 гг. правительство Венгрии разработало план экономической интеграции венгров Карпатского бассейна, базирующийся на материальной поддержке этнических венгерских граждан, а также на укреплении этнического сектора экономики (путем поддержки венгерского бизнеса) на территориях, прежде всего, Украины, Румынии, Сербии и Словакии. Большая часть экономической поддержки венгров поступала из государственного фонда им. Габора Бетлена, который напрямую связан с Министерством иностранных дел и внешней торговли Венгрии во главе с Петром Сийярто. К примеру, только в период с 2011 по 2018 гг. Фонд выделил закарпатским венграм 55 млн долл., из которых 27 млн долл. получил Закарпатский венгерский институт им. Ференца Ракоци II, 5 млн долл. – Обществу венгерской культуры Закарпатья, 4,7 млн долл. – Обществу венгроязычных педагогов Закарпатья и прочим организациям, занимающимся поддержкой региональной культуры (Pro Cultura Subcarpathica), сельскохозяйственной деятельностью (Pro Agricultura Carpatica), предпринимательством (Фонд «Эган энэ») [3].

Отдельно следует выделить и тот факт, что через фонд им. Габора Бетлена правительство Венгрии начиная с 2016 г. медленно скупало венгроязычные СМИ в румынской Трансильвании, тратя на это, по оценкам журналистов, порядка 150 млн евро ежегодно [14]. Тем самым Будапешт не только заботился о материальном положении этнических венгров, но и стремился донести свою позицию до венгерских граждан, находящихся вне государственных границ Венгрии, пытаясь вовлечь их в венгерскую повестку дня, создавая таким образом разветвленную сеть венгерских отношений Карпатского региона.

И последний, но немаловажный момент – социально-культурная программа венгерского правительства в 2010–20 гг. по сохранению и развитию венгерского языка, культуры диаспор. В 2012–2013 гг. правительство Венгрии разработало комплекс программ, нацеленных на укрепление связей Будапешта с венгерскими диаспорами по всему миру и, прежде всего, с общинами Карпатского бассейна. К числу наиболее значимых программ относятся: программа «Körsi Csoma Sándor» [10], по которой граждане Венгрии в течение нескольких месяцев могут прожить в венгерских диаспорах, занимаясь общественной работой (к примеру, преподавать венгерский язык); «Mikes Kelemen Program» [10], направленная на сохранение памятников культуры, библиотечных фондов и архивов венгерских диаспор от уничтожения; «Julianus Program» [12], целью которой является сбор свидетельств о жизни венгерских общин в различных уголках земного шара.

Важно подчеркнуть, что правительство Венгрии в 2010–2020 гг. широко поддерживало развитие венгерской культуры на территории Карпатского региона. В частности, через государственный фонд им. Габора Бетлена финансировались реставрации объектов мадьярского наследия, к примеру, дворца Банфай в Румынии [23]. В 2019 г. за счет средств фонда была проведена работа по реконструкции парка и площади перед зданием Береговской районной администрации, причем на площади был установлен памятник национальному герою Венгрии Ференцу II Ракоци [1].

Таким образом, на протяжении последних 10 лет в основе политики венгерского правительства лежало желание сплотить венгров Карпатского бассейна вокруг единой раны – Трианонского мирного договора 1920 г. Более того, в канун 100-летия Трианона В. Орбан заявил следующее: «100 лет назад был подписан Трианонский мирный договор, чтобы вырыть могилу венгерскому народу. Две трети территории исторической Венгрии и треть ее населения были захвачены, а экономика разрушена. Ни одна другая нация в мире не пережила такой трагедии и увечий...» [6]. Именно на этом основании Орбан начал проводить политику всесторонней поддержки этнических венгров, проживающих на территориях бывшего венгерского королевства через вовлечение венгерских общин в политику Будапешта, фактически без оглядки на мнение Запада и государств-партнеров.

В первоочередную орбиту Будапешта попали следующие территории: Закарпатье (Украина), Трансильвания (Румыния), Воеводина (Сербия), а также южные территории Словакии с центром в г. Кошице. Причем Будапешт в 2010–2020 гг. крайне умело использовал политику «мягкой силы», создав сеть венгерских отношений, основанных на политической, экономической и культурной поддержке этнических венгров, а также через соединение разрозненных и разъединенных частей венгерского народа путем создания новой венгерской идентичности – «венгерской нации».

Важно подчеркнуть, что подавляющая часть помощи исходила от государства, прежде всего в лице министерства иностранных дел и внешней торговли, а также от формально независимых платформ – Фонд им. Габора Бетлена. При этом политика правительства В. Орбана в отношении этнических венгров на территории Карпатского бассейна основывалась на модели расширенных обязательств, где Будапешт прислушивается к инициативам диаспор и «отдает» (в различных аспектах), требуя взамен лишь одного – полной лояльности центру, тем самым устанавливая прямую политико-экономическую зависимость.

Тем не менее одной из главных ошибок В. Орбана следует назвать самонадеянность. Ведь вместо того, чтобы привлечь внимание мировой общественности к проблемам венгров, проживающих за рубежом и сделать трагедию Трианона частью общеевропейской трагедии XX в., премьер-министр сознательно связал решение данной проблемы с собой, сконструировав образ единственного спасителя и защитника венгерской нации, сделав это с одной единственной целью – максимально мобилизовать электорат, привлечь его на свою сторону.

В итоге политика размывания исторической памяти Трианонского мирного договора и формирования новой венгерской идентичности привели Венгрию к росту ревизионистских настроений: по итогам социологического исследования, проведенного Pew Research Center в 2020 г., 67 % венгров считают, что часть соседнего государства должна принадлежать Венгрии (№ 1 в Европе) [16]. На этом фоне важно подчеркнуть, что наибольший интерес венгерское правительство проявляет в Закарпатье, где активно идет процесс натурализации на фоне тяжелого внутривнутриполитического положения Украины. В то время как сравнительно меньший интерес проявляется в отношении этнических венгров Словакии, где в народной памяти до сих пор сохранился образ мадьяр как эксплуататоров и угнетателей словацкого народа.

Список литературы

1. Венгрия углубляет проникновение в Закарпатье // Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/10/13/vengria-uglubljaet-proniknovenie-v-zakarpace-49227.html> (дата обращения: 02.08.2020).
2. «Война флагов» в Трансильвании: дипломатический кризис между Венгрией и Румынией // Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1623491.html> (дата обращения: 02.08.2020).
3. Гринченко В. Миллионы долларов для «венгров» Брензовича // Официальный сайт Укринформ. URL: <https://www.ukrinform.ru/rubric-elections/2741559-milliony-dollarov-dla-vengrov-brenzovica.html> (дата обращения: 12.08.2020).
4. Краткая история Венгрии. М. : Наука, 1991. 608 с.
5. Партия Фидес провозгласит День народного единства // Венгрия взгляд изнутри URL: <http://www.hungary-ru.com/?mode=news&id=2882> (дата обращения: 20.07.2020).

6. США не одиноки на троне мира, Евразия перестраивается в полную силу – Орбан // Информационное агентство EurAsia Daily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/06/09/ssha-ne-odinoki-na-trone-mira-evraziya-perestraivaetsya-v-polnuyu-silu-orban> (дата обращения: 27.07.2020).
7. Попис становништва, домаћинства и станова у Републици Србији 2011 // Републички завод за статистику. URL: <https://web.archive.org/web/20140811224233/http://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/Popis2011/Nacionalna%20pripadnost-Ethnicity.pdf> (дата обращения: 28.07.2020).
8. Álljunk ki Kárpátalja magyarságáért! – Demonstrációra hív ifj. Hegedűs Loránt // AlfaHír. URL: https://alfahir.hu/2017/10/10/ukrajna_karpatalja_magyarorszag_budapest_ifj_hegedus_lorant_morvai_kriszti_na_gaudi_nagy (дата обращения: 03.08.2020).
9. A magyar kormánynak Kárpátalja fejlődése a fontos // Magyarország Kormánya. URL: <https://www.kormany.hu/hu/kulsgazdasagi-es-kulugyminiszterium/hirek/a-magyar-kormany-nak-karpatalja-fejlodes-e-a-fontos> (дата обращения: 10.08.2020).
10. A «Magyar Nemzetpolitika – A nemzetpolitikai stratégia kerete» című stratégiai dokumentum végrehajtása // Bethlen Gábor Alapkezelő Zrt. URL: https://bgazrt.hu/wp-content/uploads/2019/03/02-A-Magyar-Nemzetpolitika-%E2%80%93-A-nemzetpolitikai-strat%C3%A9gia-kerete-dokumentum-v%C3%A9grehaj%C3%A1s_2013.pdf (дата обращения: 04.08.2020).
11. Eddig 1,1 millió határon túli kapott magyar állampolgárságot // HírKlikk. URL: <https://hirklikk.hu/kozelet/eddig-1-1-millio-hataron-tuli-kapott-magyar-allampolgarsagot/364201> (дата обращения: 30.07.2020).
12. Julianus Program // Nemzeti Regiszter. URL: <http://www.nemzetiregiszter.hu/julianus-program-leiras> (дата обращения: 04.08.2020).
13. Kárpátalja: rövid leírás, információk // Kárpátalja – Ungvár. URL: <http://xn--krptalja-8yuc.net> (дата обращения: 29.07.2020).
14. Keller-Alant A. Úgy élni, mint Magyarországon – Hogyan finanszírozza Orbán a romániai «etnikai párhuzamosságot» // Balkan insight. URL: <https://balkaninsight.com/2020/01/30/ugy-elni-mint-magyarorszagon-hogyan-finanszirozza-orban-a-romaniai-etnikai-parhuzamossagot/?lang=hu> (дата обращения: 03.07.2020).
15. Magyar Diaszpóra Tanács // Bethlen Gábor Alapkezelő Zrt. URL: <https://bgazrt.hu/wp-content/uploads/2019/03/06-A-Magyar-Diaszp%C3%B3ra-Tan%C3%A1cs-II.-%C3%BCl%C3%A9s%C3%A9nek-Z%C3%A1r%C3%B3nyilatkozata.pdf> (дата обращения: 30.07.2020).
16. NATO Seen Favorably Across Member States // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/02/09/nato-seen-favorably-across-member-states/#are-there-parts-of-neighboring-countries-that-really-belong-to-us> (дата обращения: 25.07.2020).
17. Népeség, népmozgalom (1941–) // Központi Statisztikai Hivatal. URL: https://www.ksh.hu/docs/hun/xstadat/xstadat_eves/i_wnt001c.html (дата обращения: 24.07.2020).
18. Obyvateľstvo podľa pohlavia a národnosti // Štatistický úrad Slovenská Republika. URL: <https://udaje.statistics.sk/SR/TAB.%20115%20Obyvate%BEstvo%20pod%BEa%20pohlavia%20a%A0n%E1rodnosti.pdf> (дата обращения: 28.07.2020).
19. Orbán Viktor beszéde a választási győzelem utáni sajtótájékoztatón (2010. április 11.) // Magyarország Kormánya. URL: <https://2010-2014.kormany.hu/hu/miniszterelnokseg/miniszterelnok/beszede-kulki-kozlendo-nyilatkozatok/orban-viktor-beszede-a-valasztasi-gyozelem-utani-sajtotajekoztatason-2010-aprilis-11> (дата обращения: 21.07.2020).
20. Populația după etnie la recensământele din perioada 1930–2011 – județe // Institutul National de Statistica. URL: <http://www.recensamantromania.ro/noutati/volumul-ii-populatia-stabila-rezidenta-structura-etnica-si-confesionala> (дата обращения: 28.07.2020).
21. Populația stabilă pe sexe, după etnie – categorii de localități, macroregiuni, regiuni de dezvoltare și județe // Institutul National de Statistica. URL: <http://www.recensamantromania.ro/rezultate-2> (дата обращения: 28.07.2020).
22. Semjén Z. Az autonómia nemcsak cél, jövőkép is // HírTV. URL: <https://hirtv.hu/ahirtvhirei/semjen-az-autonomia-nemcsak-cel-hanem-jovokep-is-1391076> (дата обращения: 29.07.2020).
23. The Restoration of Bánffy Castle, Bontida // Transylvania Trust. URL: <http://www.transylvaniatrust.ro/program/the-restoration-of-banffy-castle-bontida> (дата обращения: 08.08.2020).

The policy of the Hungarian government against the ethnic Hungarian communities in the period of 2010–2020.

N. Yu. Shishov

second-year master student of the Department of foreign regional studies and foreign policy,
Russian State University for the Humanities.

Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-7580-8026. E-mail: shishoff.nickita2012@yandex.ru

Abstract: June 4, 2020 marked the 100th anniversary of the Trianon peace treaty, which became an integral part of the Hungarian identity, the Hungarian DNA. As a result of the Trianon, Hungary suffered colossal losses, which, in fact, predetermined its future fate and the subsequent tragedies of national history: the country

lost 72 % of its territories, losing such lands that historically belonged to the Hungarian crown as Transylvania or Slovakia, losing at the same time about 64% of the population, of which about 3 million ethnic Hungarians suddenly became subjects of Czechoslovakia, Romania, the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes.

Since 2010, the coalition government of the Hungarian civil Union and the Christian democratic people's party, led by Prime Minister Viktor Orbán, has deliberately focused on the "non-healing wound of Trianon" in order to unite the disparate parts of the Hungarian people together, on the basis of creating a new Magyar identity – a "Hungarian nation" that is not limited to the state borders of Hungary. The article analyzes the policy of the government of the Russian Federation. Orbán is responsible for strengthening, developing and expanding the political, economic and socio-cultural ties between Budapest and the ethnic Hungarian communities in the former territories of the Kingdom of Hungary, primarily Ukraine (Transcarpathian region), Romania (Transylvania and in particular the unrecognized national – territorial autonomy-Szekely region), Serbia (Vojvodina) and Slovakia. The author pays special attention to the activities of the state Fund. Gábor Bethlen, established by the Hungarian government in April 2011, as a leading conductor of Budapest's influence and one of the key sources of funding for compatriots living outside Hungary's state borders.

Keywords: Trianon peace treaty, Hungary, Fidesz party, ethnic Hungarians, Hungarian nation.

References

1. *Vengriya uglublyayet proniknovenie v Zakarpat'e* – Hungary deepens penetration into Transcarpathia // *Fond strategicheskoy kul'tury* – Foundation for strategic culture. Available at: <https://www.fondsk.ru/news/2019/10/13/vengria-uglublyayet-proniknovenie-v-zakarpat-e-49227.html> (date accessed: 02.08.2020).
2. *"Vojna flagov" v Transil'vanii: diplomaticheskij krizis mezhdv Vengriji i Rumyniej* – "War of flags" in Transylvania: the diplomatic crisis between Hungary and Romania // *Regnum* – Regnum. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/1623491.html>.
3. *Grinchenko V. Milliony dollarov dlya "vengrov" Brenzovicha* [Millions of dollars for the "Hungarians" of Brenzovich] // Official website of UKRINFORM. Available at: <https://www.ukrinform.ru/rubric-elections/2741559-milliony-dollarov-dla-vengrov-brenzovicha.html> (date accessed: 12.08.2020).
4. *Kratkaya istoriya Vengrii* – Brief history of Hungary. M. Nauka. 1991. 608 p.
5. *Partiya Fides provozglasit Den' narodnogo edinstva* – The Fidesz party will declare a day of national unity // *Vengriya vzglyad iznutri* – Hungary: inside view. Available at: <http://www.hungary-ru.com/?mode=news&id=2882> (date accessed: 20.07.2020).
6. *SShA ne odinoki na trone mira, Evraziya perestraivaetsya v polnyuyu silu – Orbán* – The United States are not alone on the throne of the world, Eurasia is being rebuilt in full force-Orbán // *Informacionnoe agentstvo EurAsia Daily* – News agency EurAsia Daily. Available at: <https://easaily.com/ru/news/2020/06/09/ssha-ne-odinoki-na-trone-mira-evraziya-perestraivaetsya-v-polnyuyu-silu-orban> (date accessed: 27.07.2020).
7. *Census of population, households and housing in the Republic of Serbia 2011* – Попис становништва, домаћинства и станова у Републици Србији 2011 // Republican statistical Institute – Републички завод за статистику. Available at: <https://web.archive.org/web/20140811224233/http://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/Popis2011/Nacionalna%20pripadnost-Ethnicity.pdf> (date accessed: 28.07.2020).
8. *Álljunk ki Kárpátalja magyarságáért!* – Demonstrációra hív ifj. Hegedűs Loránt / / AlfaHír. Available at: https://alfahir.hu/2017/10/10/ukrajna_karpatalja_magyarorszag_budapest_ifj_hegedus_lorant_morvai_kriszti_na_gaudi_nagy (date accessed: 03.08.2020).
9. *A magyar kormánynak Kárpátalja fejlődése a fontos* // Magyarország Kormánya. Available at: <https://www.kormany.hu/hu/kulgasdasagi-es-kulugyminiszterium/hirek/a-magyar-kormany-nak-karpatalja-fejlo-dese-a-fontos> (date accessed: 10.08.2020).
10. *A "Magyar Nemzetpolitika – a nemzetpolitikai stratégia kerete" című stratégiai dokumentum végrehajtása* // Bethlen Gábor Alapkezelő Zrt. Available at: https://bgazrt.hu/wp-content/uploads/2019/03/02-A-Magyar-Nemzetpolitika-%E2%80%93-A-nemzetpolitikai-strat%C3%A9gia-kerete-dokumentum-v%C3%A9grehaj%C3%A1sa_2013.pdf (date accessed: 04.08.2020).
11. *Eddig 1,1 millió határon túli kapott magyar állampolgárságot* // HírKlikk. Available at: <https://hirklikk.hu/kozelet/eddig-1-1-millio-hataron-tuli-kapott-magyar-allampolgarsagot/364201> (date accessed: 30.07.2020).
12. *Julianus Program* // Nemzeti Regiszter. Available at: <http://www.nemzetiregiszter.hu/julianus-program-leiras> (date accessed: 04.08.2020).
13. *Kárpátalja: rövid leírás, információk* // Kárpátalja – Ungvár. Available at: <http://xn--krptalja-8yac.net> (date accessed: 29.07.2020).
14. *Keller-Alant A. Úgy élni, mint Magyarországon-Hogyan finanszírozza Orbán a romániai "etnikai párhuzamosságot"* // Balkan insight. Available at: <https://balkaninsight.com/2020/01/30/ugy-elni-mint-magyarorszagon-hogyan-finanszirozza-orban-a-romaniai-etnikai-parhuzamossagot/?lang=hu> (date accessed: 03.07.2020).
15. *Magyar Diaszpóra Tanács* / / Bethlen Gábor Alapkezelő Zrt. Available at: <https://bgazrt.hu/wp-content/uploads/2019/03/06-A-Magyar-Diaszp%C3%B3ra-Tan%C3%A1cs-II.-%C3%BCI%C3%A9s%C3%A9nek-Z%C3%A1r%C3%B3nyilatkozata.pdf> (date accessed: 30.07.2020).
16. *NATO Seen Favorably Across Member States* // Pew Research Center. Available at: <https://www.pew-research.org/global/2020/02/09/nato-seen-favorably-across-member-states/#are-there-parts-of-neighboring-countries-that-really-belong-to-us> (date accessed: 25.07.2020).

17. Népeesség, népmozgalom (1941–) // Központi Statisztikai Hivatal. Available at: https://www.ksh.hu/docs/hun/xstadat/xstadat_eves/i_wnt001c.html (date accessed: 24.07.2020).
18. Obyvateľstvo podľa pohlavia a národnosti / / Štatistický úrad Slovenská Republika. Available at: <https://udaje.statistics.sk/SR/TAB.%20115%20Obyvate%BEstvo%20pod%BEa%20pohlavia%20a%A0n%E1r odnosti.pdf> (date accessed: 28.07.2020).
19. Orbán Viktor beszéde a választási győzelem utáni sajtótájékoztatón (2010. április 11.) // Magyarország Kormánya. Available at: <https://2010-2014.kormany.hu/hu/miniszterelnokseg/miniszterelnok/beszedek-publikaciok-interjuk/orban-viktor-beszede-a-valasztasi-gyozelem-utani-sajtotajekoztaton-2010-aprilis-11> (date accessed: 21.07.2020).
20. Populația after etnie la recensămintele din perioada 1930-2011 – județe // Institutul National de Statistica. Available at: <http://www.recensamantromania.ro/noutati/volumul-ii-populatia-stabila-rezidenta-struc-tura-etnica-si-confesionala> (date accessed: 28.07.2020).
21. Populația stabilă pe sexe, after etnie – categorii de localități, macroregiuni, regiuni de dezvoltare și județe // Institutul National de Statistica. Available at: <http://www.recensamantromania.ro/rezultate-2> (date accessed: 28.07.2020).
22. Semjén Z. Az autonómia nemcsak cél, jövőkép is // HírTV. Available at: <https://hirtv.hu/ahirtvhirei/semjen-az-autonomia-nemcsak-cel-hanem-jovokep-is-1391076> (date accessed: 29.07.2020).
- 23 The Restoration of Bánffy Castle, Bontida // Transylvania Trust. Available at: <http://www.transylvaniatruster.ro/program/the-restoration-of-banffy-castle-bontida> (date accessed: 08.08.2020).

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 94(3)(092)

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.053

М. М. Хвостов: восхождение к вершинам научной и профессиональной деятельности

М. В. Новиков¹, Т. Б. Перфилова²

¹доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.

Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.org

²доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.

Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.org

Аннотация. Рассматриваются основные этапы карьерного роста М. М. Хвостова в Императорском Казанском университете, начало которому обеспечили успешные защиты магистерской (1907) и докторской (1914) диссертаций в Санкт-Петербургском университете. Приведена подробная характеристика обеих диссертаций, отмечен высокий научный уровень данных квалификационных работ. Подчеркивается, что именно в казанский период его жизнедеятельности были изданы наиболее существенные работы теоретико-методологического характера: «Лекции по методологии и философии истории», «К вопросу о задачах истории», научно-популярные статьи по истории Древней Греции и Древнего Египта для энциклопедического словаря братьев А. и И. Гранат, многочисленные рецензии и отзывы на монографии отечественных и зарубежных историков. Преподавательская деятельность М. М. Хвостова в Казанском университете представляется как весьма успешная: его лекции и семинарские занятия высоко оценивались и студентами, и коллегами-преподавателями. Подчеркивается, что М. М. Хвостов не загромождал свои лекции избыточным фактическим материалом, он предпочитал анализ источников по изучаемой теме, а также наиболее актуальных научных проблем, волновавших ученый мир, старался показать даже самый мелкий исторический факт с точки зрения общих вопросов исторической науки. Отмечается активное участие М. М. Хвостова в различных организационных мероприятиях Казанского университета, его безотказность и ответственность при выполнении поручений университетского руководства. Особое внимание уделено деятельности М. М. Хвостова в должности директора Высших женских (историко-филологических) курсов, открывшей ему возможность вхождения в число видных казанских общественно-политических деятелей.

Ключевые слова: Императорский Казанский университет, историко-филологический факультет, магистерская и докторская диссертации, лекции и семинарские занятия, общественная деятельность.

Продолжая наши исследования, посвященные творчеству российских историков конца XIX – начала XX в. [13; 16; 17], внесших серьезный вклад в разработку философии и гносеологии исторической науки, мы не могли не обратить внимание на научное наследие М. М. Хвостова, который создавал новый образ античности через призму социологической истории. Его жизнь безвременно и трагически оборвалась от сыпного тифа в 1920 г. в Томске. Приближающееся 150-летие со дня его рождения и 100-летие памяти о нем стали дополнительным побудительным мотивом для публикации данной статьи, которая предваряет обстоятельное сочинение, специально направленное на детальное осмысление теоретико-методологического фундамента его научных рефлексий. Жизнь и творчество М. М. Хвостова не были обделены вниманием исследователей, преимущественно в советский период [3; 12; 33]. Наш взгляд на казанский период его жизнедеятельности (1901–1918) отличается некоторыми новыми подходами и интерпретациями наследия ученого.

Михаил Михайлович Хвостов (1872–1920), уроженец г. Керчи, один из самых одаренных и перспективных выпускников историко-филологического факультета Императорского Московского университета, считал своими учителями выдающихся историков, блестящих ученых с мировой славой П. Г. Виноградова, В. И. Герье, В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова. Оставшись

после окончания университета в Москве и работая в различных учебных заведениях, он продолжал заниматься наукой: разработкой узловых проблем древнегреческой истории, к чему у него обозначился интерес еще в студенческие годы, изучением фондов Берлинской и Мюнхенской библиотек. М. М. Хвостов пробовал свои силы в рецензировании монографий европейских историков и в написании научных статей.

Первые научные публикации М. М. Хвостова отличались основательностью и глубиной мысли, поэтому они не остались незамеченными и коллегами, и университетским начальством. Ему была уготована должность приват-доцента Московского университета. Аналогичное предложение поступило и из Казанского университета. Выбор Казанского университета был обусловлен прежде всего обещаниями руководства этого учебного заведения предоставить М. М. Хвостову длительные зарубежные командировки для завершения работы над магистерской диссертацией, посвященной экономическому развитию Египта в античную эпоху.

В январе 1901 г. М. М. Хвостов переехал в Казань, где за семнадцать лет работы он превратился в «глубоко и всесторонне образованного историка, исследователя с широким кругозором», «выдающегося ученого» и «не менее выдающегося преподавателя» [9, с. 101–103]. По словам Н. П. Грацианского, М. М. Хвостов «тесно сросся» с жизнью историко-филологического факультета и «группировавшихся под сенью» Императорского университета ученых обществ [9, с. 91] этого крупного поволжского города.

Администрация флагмана образовательных учреждений Казани выполнила все обязательства перед выпускником Московского университета. Летом 1901 г. ему, действительно, была предоставлена возможность работать в Вене, разбирая богатое собрание папирусов эрцгерцога Райнера, заниматься с ознакомительной и справочной литературой в Придворной и Университетской библиотеках Австрии, посещать археолого-эпиграфический семинар профессора Е. Бормана [9, с. 95; 22, с. XXVII].

Менее чем через год он получил еще одну возможность предпринять заграничную поездку, гораздо более продолжительную, чем первая, с апреля 1902 г. по сентябрь 1903 г. М. М. Хвостов работал в библиотеке Оксфордского университета, в Британском музее Лондона, в Париже, Берлинской королевской библиотеке [9, с. 95; 22, с. XXVII], изучая папирусы, археологический и нумизматический материалы, эпиграфические и литературные памятники. Результаты своей эвристической работы он обобщил в статье «Новые документы по социально-экономической истории эллинистического периода» [25, с. 182–222].

Всего с 1901 по 1914 г. М. М. Хвостов одиннадцать раз совершил командировки в крупнейшие заграничные библиотеки и университеты [33, с. 19]. Ни одному известному нам историку конца XIX – начала XX в. такого шанса не представлялось – иначе как уважением к выдающимся заслугам М. М. Хвостова эти неслыханные щедрости университетского начальства объяснить не удастся.

Многолетний труд над актуальной малоизученной проблемой о степени развития торговли в Египте эллинистического и римского времени завершился результатом, достойным вложенных усилий. В мае 1907 г. М. М. Хвостов завершил магистерскую диссертацию [22], защита которой проходила в С.-Петербургском университете. Официальными оппонентами на диспуте были наиболее авторитетные на тот период знатоки проблемы исследования соискателя, всемирно известные историки М. И. Ростовцев и Б. А. Тураев [19; 20]. Защита диссертации была признана удовлетворительной, а М. М. Хвостова признали достойным степени магистра всеобщей истории.

Как и сто лет тому назад, так и в наши дни достижение ученой степени открывает дополнительные возможности для быстрого карьерного роста. Действительно, не прошло и семи месяцев, как в декабре 1907 г. магистр М. М. Хвостов был избран на должность экстраординарного профессора историко-филологического факультета Казанского университета [3, с. 323]. Почти одновременно с этим событием, в 1908 г., С.-Петербургский политехнический институт также удостоил его чести стать экстраординарным профессором по кафедре всеобщей истории [33, с. 10–11]. Не будь решительного отказа М. М. Хвостова переехать в столицу, Казанский университет мог лишиться одного из самых востребованных в учебном процессе историко-филологического факультета специалистов. Дело в том, что М. М. Хвостов преподавал не только историю Древнего мира. По воспоминаниям Н. П. Грацианского, он читал лекции «буквально по всем отделам всеобщей истории» [9, с. 103], что во многом и объясняет растянувшийся на годы процесс подготовки магистерской диссертации.

Современным преподавателям, углубленно разрабатывающим только какой-то конкретный раздел всеобщей истории, трудно понять, как один человек, к тому же не имевший за пле-

чами многолетнего профессионального опыта, мог взвалить на себя такой гигантский объем работы. Однако доподлинно известно, что и до приезда М. М. Хвостова в Казань весь курс всеобщей истории тоже читал один человек – ординарный профессор И. Н. Смирнов. Ему-то в помощь для устранения катастрофической ситуации, не допускавшей уставом 1884 г., который требовал «в надлежащем порядке и установленном объеме» осуществлять чтение лекционных курсов и проводить «научные упражнения» (практические занятия) [14], и был направлен из Москвы начинающий свою научную и педагогическую карьеру М. М. Хвостов.

Поначалу от него требовалось разработать обязательные курсы¹ по истории Древней Греции и Новой истории, но смерть И. Н. Смирнова внесла коррективы в эти планы. В 1903–1905 гг. М. М. Хвостов был вынужден полностью заменить своего коллегу по кафедре, поэтому все разделы всеобщей истории, включая историю южных и западных славян, разрабатывались и читались только им одним. В 1906–1907 учебном году профессор В. К. Пискорский, специализировавшийся по Средневековой истории, разделил с М. М. Хвостовым труды преподавания, но после трагической гибели первого в 1910 г., вновь в течение 1911–1913 гг. М. М. Хвостов снова один нес всё бремя преподавания всеобщей истории в Казанском университете. С 1905 г. его лекционная нагрузка еще больше возросла за счет часов, отведенных на изучение методологии исторического познания [33, с. 10].

Конечно, в помощь молодому ученому была предложена библиотека, приведенная в образцовый порядок знаменитым геометром Н. И. Лобачевским, который выполнял обязанности ректора Казанского университета с 1827 по 1846 г. [11, с. 904] М. М. Хвостов мог воспользоваться также лекциями и учебными изданиями своих московских профессоров (например, П. Г. Виноградова, курс всеобщей истории которого включал Древнюю, Средневековую и Новую историю), а также переведенными на русский язык исследованиями крупнейших зарубежных историков, предлагавших свои варианты реконструкции древнегреческой или древнеримской истории². Однако осмысление всех этих весьма объемных материалов требовало немало времени, при недостатке которого сам собой напрашивался наипростейший выход: концентрации внимания на сквозной проблеме, пронизывавшей весь исторический процесс у любого народа, – на социально-экономических отношениях. Идеология, собственно культура в привычном нам понимании, то есть фиксация достижений в науке и сферах художественного творчества, а также быт и нравы людей отодвигались на периферию научных интересов преподавателя, а, следовательно, и его аудитории.

Отсутствие опыта планирования учебного процесса приводило к явным перекосам содержания курсов и спонтанному структурированию материалов. Например, в курсе «История Древнего Востока» не нашлось места ни Индии, ни Китаю. История Древнего Рима фактиче-

¹ Обязательные курсы – это главные предметы учебного плана, которые составляли фундамент высшего образования по выбранному студентом направлению обучения. Они излагались в посеместровом порядке и подразделялись на учебные недели. Кроме главных, существовали еще и дополнительные научные дисциплины, которые студент обязан был прослушать на протяжении четырехлетнего срока обучения на историко-филологическом факультете. В учебном плане назывались также желательные для освоения, но не обязательные для изучения студентом дисциплины – от них можно было отказаться. См.: [8, с. 557–558, 563, 568; 14, отд. II, гл. IV, § 30. III. № 11, отд. III, гл. I, § 70; 15, с. 322, 325, 334; 18, с. 561, 588–591].

² В курсе древнеримской истории М. М. Хвостов обращался к работам Б. Г. Нибура, А. Шwegлера, Т. Моммзена, Э. Пайса, Эд. Мейера и других известных европейских историков. Еще более значительное количество имен мы находим в историографическом разделе «Истории Греции» (с. 21–35). Автор выделил три периода в развитии историографии истории эллинов (с. 23) и, объединив хронологический и страноведческий принципы, проанализировал уровень развития антиковедения с XVI по начало XX в. через наиболее впечатляющие, по его мнению, достижения представителей зарубежной науки. Работы многих видных историков Западной Европы, особенно Германии, издавались в русских переводах. Среди них были, например, «Всеобщая история» Г. Вебера, второй том которой «История эллинского народа» появился в Москве в 1891 г.; «История Греции» Ю. Белоха (М., 1897), сразу занявшая особое место в сочинениях «общего характера» своей сопряженностью с вызовами исторической науки конца XIX в., а именно: детальным освещением «социальных и экономических явлений»; «Очерк греческой истории и источниковедения» Р. фон Пельмана (1909), четвертое издание которого включало отдел, посвященный эпохе эллинизма. В Казанский университет регулярно поступали авторитетные зарубежные научные журналы, например, «Revue des études grecques». Об этом мы узнаем из рецензии М. М. Хвостова на монографию А. М. Миронова «Изображение богини победы в греческой пластике». См.: [7, с. III, IV; 10, с. 5].

ски обрывалась гибелью Римской республики, так как период Империи излагался пунктирно и занимал в учебниках М. М. Хвостова всего несколько страниц.

По воспоминаниям одного из студентов, автора этих учебников нельзя было отнести к типу «кропотливых эрудитов, черпающих для себя полное удовлетворение в мелочной специальной работе» [9, с. 101], поэтому, со слов уже декана историко-филологического факультета С. П. Шестакова, преподаватель и не считал нужным «загромождать память слушателей излишними фактическими деталями» [33, с. 36]. Сокращение объема лекционных курсов, по убеждению этих лиц, причастных к учебному процессу на историко-филологическом отделении, компенсировалось особой задумкой преподавателя: он, положив в основу изучения всеобщей истории анализ источников, мастерски реализовывал свою способность ясно и последовательно освещать наиболее актуальные научные проблемы, волновавшие ученый мир, стремился истолковать исторический процесс с позиции «факторов общественной эволюции» и как представитель «социологического направления в истории» любой, даже «самый мелочный исторический факт» старался показать с точки зрения «общих вопросов исторической науки», «широкой научной истины» [9, с. 101–102].

Помимо разработки лекционных курсов, которые, как мы поняли, проигрывали в объеме и детализации, но выигрывали в актуальности содержания, М. М. Хвостов много усилий тратил на подготовку и проведение семинарских занятий. Успешные и в педагогическом плане, и значимые для развития исторического сознания студентов семинарии пользовались большой популярностью на факультете [9, с. 103]. Кроме аудиторной нагрузки, ему как ведущему преподавателю поручались обязанности, направленные на приобщение воспитанников к науке, то есть связанные с проверкой их письменных, самостоятельно выполненных работ [12, с. 148].

Загруженность экстраординарного профессора была настолько велика, что в 1908 г. М. М. Хвостов, вполне резонно опасаясь за снижение качества учебного процесса, ходатайствовал перед дирекцией Казанских Высших женских (историко-филологических) курсов, где он почти два года безвозмездно выполнял обязанности заместителя директора, об освобождении его от занимаемой должности. При этом он сохранил за собой право читать на этих курсах лекции и вести семинары по всем разделам всеобщей истории [33, с. 10].

Колоссальная занятость в учебном процессе сразу в двух высших учебных заведениях, которая с 1907 г. стала сопровождаться еще и подготовкой «университетских курсов»³, частью литографированных по записям студентов, частью напечатанных на правах рукописи⁴, способны объяснить стилистические недоработки⁵ имеющихся в нашем распоряжении учебников М. М. Хвостова, а также противоречия между его научно-теоретическими положениями и результатами конкретно исторических исследований. Вместе с тем в защиту автора учебной продукции скажем, что у всех учебников есть и весомые достоинства. Каждому разделу лекций (а в ряде случаев и каждой новой теме) предшествует разбор источников; называются имена исследователей (как зарубежных, так и отечественных), оставивших наиболее замет-

³ Первым учебным курсом Н. П. Грацианский называет «Историю крестьян на Западе» 1907 г. [9, с. 101]. Разбору конспекта лекций этого курса посвящена статья Ю. Л. Бессмертного, К. В. Хвостовой «М. М. Хвостов и его взгляды на историю западноевропейского крестьянства», опубликованная в сборнике «История и историки. 1977» [3, с. 322–345]. В том же 1907 г. литографским способом было издано конспективное изложение лекций по истории Древнего Рима, читавшихся в 1906–1907 учебном году. На страницах этого издания имеются пометки преподавателя: «Конспект лекций по римской истории печатать разрешаю. М. Хвостов» [22, с. 90, 97, 107]; «Печатать разрешаю. Пр.-д. М. Хвостов» [22, с. 65, 73, 81]; «пр.-доц. М. Хвостов» [22, с. 33, 41]; «М. Хвостов» [22, с. 48, 125, 200, 213, 246, 253, 268, 299]. Основу печатного издания составили лекции С. П. Сингалевича, позже ставшего античником и продолжившего изыскания М. М. Хвостова по экономическим вопросам эллинистического Египта. См.: [33, с. 28–29].

⁴ В 1908 г. появилось первое литографированное издание «Истории Греции». Студенческие записи стали основой и для «Истории Древнего Востока», получившей свет в 1909 г. В 1911 г. снова литографским способом была издана «История Рима», и, хотя это был уже второй выпуск учебного курса, императорский период, как и в 1907 г., остался незавершенным. Типографским способом была отпечатана лишь «История Греции» во втором издании 1917 г. В учебник были добавлены материалы по истории эллинизма, завоевании Греции римлянами и превращении Эллады в римскую провинцию. См.: [33, с. 33–36].

⁵ Даже во втором издании «Истории Греции» – самом детальном и наиболее тщательно подготовленном к печати учебнике – встречается немало литературных «ляпов». См., к примеру: [22, с. 175, 180, 191, 210, 216, 220, 226].

ный след в изучении проблем, поднятых в лекционном курсе. Помимо историографических сведений, в каждом учебнике есть вводные лекции (или их части), в которых рассматриваются наиболее важные для науки рубежа XIX–XX вв. вопросы теоретико-методологического характера. М. М. Хвостов стремился фактографическое изложение курсов заменить их проблемным изучением, осмыслить с точки зрения социологических закономерностей и представить в виде эмпирических обобщений многогранный процесс общественной эволюции.

Забота о соответствии содержания лекций высоким научным стандартам, разработанным профессорами Московского университета, значила для него гораздо больше внимания к небезупречной форме изложения. И устная его речь тоже была далека от совершенства: М. М. Хвостов явно не обладал даром оратора и, зная это, даже не пытался подражать В. О. Ключевскому, славившемуся блеском, яркостью и картинностью стиля преподавания лекционного материала. «Сила его изложения», заявлял Н. П. Грацианский, заключалась в глубине содержания. «Каждое его слово было тщательно взвешено и обдуманно, каждая его лекция была обработанным и строго законченным целым. Оттого речь М. М. и укладывалась с такой легкостью в умах его слушателей», – объяснял любимый ученик Хвостова. На его лекциях не могло быть места «ученому догматизму». Профессор лишь вводил слушателей «в круг определенных знаний, ставил их во всеоружии новейших научных данных на широкую дорогу самостоятельного познания, давал им возможность самим, по мере сил, вопрошать и испытывать» [9, с. 103]. Направляя студентов к приобретению и расширению знаний и преподнося им раз за разом уроки «настоящей вдумчивости и серьезности», М. М. Хвостову удавалось полностью овладевать вниманием аудитории. «Тысячи молодых людей»⁶ получали на его занятиях «духовное удовлетворение» и считали его лекции «образцом для преподавания», утверждал Н. П. Грацианский [9, с. 103]. Он же проинформировал нас о том, что в литографированном виде тексты лекций М. М. Хвостова были известны «во всех университетских городах России и, благодаря усиленному спросу на них», становились вскоре библиографической редкостью [9, с. 101].

В «настоящую научную лабораторию» для студентов Казанского университета и студенток Высших женских курсов превращались и семинарские занятия М. М. Хвостова. Здесь ими постигались «самые тонкие методы исторического исследования», которые профессор приобрел в ведущих университетах Европы, где проходили его научные стажировки, а также в ходе своих многолетних усердных ученых занятий⁷ [9, с. 103].

Успех в студенческой среде обеспечил М. М. Хвостову славу «выдающегося преподавателя» [9, с. 103]. Педагогический талант М. М. Хвостова не раз отмечали и его коллеги по кафедре [33, с. 31]. Увлеченность академическим процессом и самоотверженное отношение к профессиональным обязанностям не остались незамеченными должностными лицами факультета. В частности, декан С. П. Шестаков в своем ходатайстве факультетскому собранию и совету университета, сохранившему намерение возвести М. М. Хвостова в звание ординарного профессора, отмечал отличные (в большинстве своем) ответы студентов «по отделам Древней и Новой истории» на «поверочных» испытаниях и итоговых, государственных экзаменах. Этот успех он объяснял «прекрасно обработанными курсами» преподавателя и умело организованной работой с источниками

⁶ Откуда взялась эта цифра, сказать сложно: по всей видимости, эта гиперболизация была продиктована идеализацией посмертно создававшегося образа М. М. Хвостова. Нам известно, что незадолго до его приезда в Казанский университет, в январе 1893 г., на историко-филологическом факультете обучалось всего 17 студентов (из 803 человек, получавших образование в этом городе). См.: [11, с. 905]. Во всех российских университетах численность студентов именно на историко-филологических факультетах была минимальной по сравнению с другими направлениями обучения [15, с. 37]. Даже если округлить указанное выше число студентов в сторону увеличения, то за 17 лет своей работы на историко-филологическом факультете М. М. Хвостов не мог выпустить больше пятисот человек.

⁷ Кроме указанных источников профессионального мастерства М. М. Хвостова, следует назвать и нестираемую в памяти силу первых самостоятельных опытов приобщения к науке, осуществлявшихся М. М. Хвостовым на историко-филологическом факультете Московского университета под руководством профессора П. Г. Виноградова. Его семинарии в методологическом отношении были «великолепно поставлены» [2, с. 12], потому что сам ученый был убежден в том, что «истинно плодотворными университетские занятия становятся, только если студенты принимают в них активное, сознательное участие» [5, с. 137]. Благодаря П. Г. Виноградову, мы узнаём о формах проведения «практических занятий», использовавшихся им уже в начале 90-х годов XIX в.: «разбор исследовательских работ», «интерпретация памятников», «сочинения на темы пропедевтического или общеобразовательного характера», «упражнения, приспособленные для будущих педагогов», «анализ юридических казусов», «состязательные обсуждения тезисов» [5, с. 138].

на семинарских занятиях [12, с. 150; 33, с. 72–73], что соответствовало духу устава 1884 г., возлагавшего на деканов и преподавателей ответственность за «полноту, последовательность и правильность преподавания <...> предметов» [14]. В заслугу М. М. Хвостову ставилась и подготовка лучших выпускников факультета к «профессорскому званию». Среди таких учеников можно было назвать Н. П. Грацианского, С. П. Сингалевича, В. Ф. Смолина, А. Г. Муравьева, И. В. Миротворского [9, с. 104; 33, с. 27], которые внесли заметный вклад в развитие исторической науки. Как перспективного многообещающего исследователя, именно М. М. Хвостова в 1908 г. делегировали в Берлин на Международный исторический конгресс [9, с. 100].

Итак, Хвостов-преподаватель, как мы смогли убедиться, был на очень хорошем счету у руководства Казанского университета, которое ценило его не только за успехи в профессиональной деятельности, хотя они были, действительно, впечатляющими. Известно, что М. М. Хвостов, отличавшийся ответственностью и безотказностью, с готовностью выполнял разного рода организационные поручения. Многие годы он входил в состав испытательной комиссии, определявшей уровень подготовки выпускников историко-филологического факультета. В 1915–1918 гг. он назначался членом университетской финансовой комиссии, создававшейся для детального рассмотрения проекта сметы специальных средств университета⁸. Несколько лет подряд он исполнял обязанности члена профессорского дисциплинарного суда⁹, был членом попечительского совета при управлении Казанского учебного округа [33, с. 37].

Когда М. М. Хвостов приступил к подготовке докторской диссертации, привычный ему напряженный и интенсивный рабочий ритм сохранился. Непомерно высокая учебная нагрузка: чтение лекций по Древней и Новой истории, руководство семинарскими занятиями – по-прежнему сочетались с проверкой студенческих рефератов и курсовых сочинений, подготовкой «университетских курсов» к изданию. Параллельно с выполнением профессорских поручений в Казанском университете М. М. Хвостов вел занятия на Высших женских (историко-филологических) курсах, где он также преподавал историю Древнего мира и другие разделы всеобщей истории, знакомил курсисток с теоретико-методологическими проблемами исторического познания, руководил самостоятельными исследованиями девушек-студенток. По студенческим записям его лекции впоследствии (в 1913 г.) были изданы в качестве пособия по методологии и философии истории [24, с. 104].

Не замыкаясь исключительно на выполнении преподавательских обязанностей, М. М. Хвостов много печатался. В 1909 г. появилась одна из самых примечательных его статей теоретико-методологического характера «К вопросу о задачах истории» [23, с. 791–824]. Как один из лучших знатоков в России процессов социально-экономического развития народов древности, он стал диссеминировать свои познания через энциклопедические издания. В энциклопедическом словаре братьев А. и И. Гранат были опубликованы «прекрасно написанные», со слов Н. П. Грацианского [9, с. 101], статьи по истории Древней Греции и Древнего Египта [21; 27; 28; 29; 30; 31]. Отзывы на монографии¹⁰, рецензии, некрологи¹¹ дополняют список печатных трудов М. М. Хвостова, созданных в первое и второе десятилетия XX в.

⁸ Специальные средства университета предназначались преимущественно для развития «ученой деятельности»: издания научных трудов (с разрешения совета университета), осуществления научных изысканий и заграничных командировок, награждения выдающихся ученых. Право университетов самостоятельно распоряжаться этими средствами закреплял еще устав 1863 г. По уставу 1884 г. распоряжение специальными средствами находилось в руках университетского правления, контролировавшегося попечителем и министром народного просвещения. См.: [15, с. 230, 231, 311, 312].

⁹ Профессорский дисциплинарный суд учреждался «Временными правилами о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения», разработанными министром просвещения Г. Э. Зенгером и утвержденными Николаем II 24 августа 1902 г. [15, с. 380, 381]. При новом министре народного просвещения А. Н. Шварце (1908–1910) функции университетского суда переходили к ректору и деканам [15, с. 387, 391]. А. С. Шофман приводит сведения о том, что уже в 1911 г. М. М. Хвостов выступал противником забастовочного движения в высших учебных заведениях, мотивируя это срывом университетских занятий во время студенческих волнений [33, с. 48].

¹⁰ Кроме отзывов на лучшие студенческие работы, которые опубликовывались в «Ученых записках Казанского университета» в 1910 и 1913 гг., известны отзывы М. М. Хвостова о трудах профессора М. В. Бречкевича, с которым он поделил учебную нагрузку, начиная с 1913–1914 учебного года [33, с. 30]; отзыв на отчет А. В. Завадского о состоянии деятельности Высших женских курсов в 1914–1915 гг. [12, с. 151].

¹¹ Для примера можно назвать рецензию на книгу Ж. Жореса «История Великой французской революции», рецензию на книгу А. М. Миронова «Изображение богини победы в греческой пластике». Второй критический отзыв (на книгу А. М. Миронова) М. М. Хвостова вызвал удивление Н. П. Гра-

Задумав создать свое новое квалификационное исследование таким же масштабным и строго научным, каким, по оценкам специалистов, был его магистерский труд, М. М. Хвостов испытывал нехватку исторических источников, главным образом, папирологических. Для сбора, систематизации и интерпретации папирологического материала он в 1909–1910 учебном году предпринял поездку за границу, пять месяцев занимаясь в библиотеках и музеях Берлина, пять месяцев – в научных центрах Лейпцига и два месяца в Италии. Позже для завершения докторской диссертации он еще несколько раз совершал поездки в страну «великой учености» – Германию [9, с. 98; 33, с. 19–23].

Диссертация была закончена в 1914 г. и в том же году защищена. Официальными оппонентами соискателя, оглашавшими свои вердикты на научном диспуте в С.-Петербургском университете, как и в 1907 г., были М. И. Ростовцев и Б. А. Тураев; свой отзыв на рукопись под названием «Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. I. Текстильная промышленность в греко-римском Египте» [26] составил и В. П. Бузескул [4, с. 286–290], признанный знаток историографии античности. Все знаменитые историки высоко оценивали серьезное и «вполне зрелое» исследование М. М. Хвостовым чуждых большинству гуманитариев вопросов о техническом оснащении, разделении труда и организации производства в льноткацких и шерстоткацких ремеслах, мастерских по изготовлению сукна. В отзывах обращалось внимание на обилие и многообразие привлеченных соискателем материалов, подчеркивалась широкая осведомленность в результатах и методах историко-экономических изысканий, отмечались серьезные общеисторические познания автора [19, с. 348–369].

После успешной защиты диссертации М. М. Хвостов получил ученую степень доктора всеобщей истории. Последовавшее за этим возведение ученого в звание ординарного профессора было с одобрением воспринято не только в профессиональном сообществе, но и в Казанском Обществе археологии, истории и этнографии, председателем которого он стал всего за несколько месяцев до квалификационных испытаний, в марте 1914 г. [33, с. 11]. Высокий научный статус М. М. Хвостова и его известность сыграли существенную роль в активизации этого важного для провинциального города научно-просветительского центра. Как свидетельствовал Б. Адлер, заменивший М. М. Хвостова на посту председателя после его кончины, он «здесь проявил очень значительную энергию»: переработал и расширил программу деятельности Общества, привлек дополнительные денежные средства и «новые научные силы», активизировал издательскую деятельность. Заседания Общества, превращавшиеся в важные события провинциальной жизни, стали проходить «при переполненных аудиториях». Стараниям М. М. Хвостова его последователи приписывают превращение Общества археологии, истории и этнографии в лидера «среди других Казанских научных ассоциаций» [1, с. 88–89], которое обогнало по популярности и Педагогическое общество, где М. М. Хвостов состоял «и как товарищ председателя, и как докладчик» [1, с. 88], и Юридическое общество, также функционировавшее «под сенью» Казанского университета и прибегавшее к услугам профессора на торжественных и памятных мероприятиях [32, с. 84].

Наиболее крупным практическим мероприятием Общества археологии, истории и этнографии, которое надолго осталось в памяти коллег и учеников М. М. Хвостова, были организованные с его непосредственным участием археологические раскопки в селе Болгар. Они осуществлялись в 1915 г. и стали примечательны тщательно проведенными «сплошными», а не выборочными, описаниями достопримечательностей, которые к тому же сопровождались фотосъемками [33, с. 12, 38]. Усилиями М. М. Хвостова Казань должна была стать местом проведения большого исторического форума – съезда историков, запланированного на 1919 г. Однако гражданская война внесла коррективы в эти планы [1, с. 88].

Деятельной, живой и энергичной натуре М. М. Хвостова [1, с. 87], казалось, и этих достижений было мало. В 1917 г. он стал директором Высших женских (историко-филологи-

цианского своей обстоятельностью в сфере, далекой от социально-экономической проблематики. Он и не догадывался о том, что у «историка-экономиста» М. М. Хвостова могут быть такие обширные познания в художественном творчестве народов древности. См.: [9, с. 100–101]. Некрологи, как и рецензии, относятся к разряду историографических исследований. К их числу можно отнести статью «Теодор Моммзен» [32]; речь «Памяти В. О. Ключевского» (1911); созданное по поручению Российской Академии наук сочинение «Ученые заслуги Б. А. Тураева», которое впоследствии было удостоено серебряной медали. Профессорам историко-филологического факультета Казанского университета: Владимиру Константиновичу Пискорскому и Александру Владимировичу Завадскому М. М. Хвостов также отдал честь за научные заслуги. См.: [9, с. 100].

ческих) курсов [1, с. 88], в открытии которых (1906) была немалая доля его участия. Все годы существования курсов М. М. Хвостов был незаменим как преподаватель всеобщей истории, совмещавший аудиторные занятия с выполнением разного рода административных обязанностей. Он был и помощником директора, профессора Е. Ф. Будде, и членом хозяйственной комиссии курсов, и секретарем их попечительского совета, подчас отказываясь от какого-либо вознаграждения за свой труд [12, с. 148]. Получив возможность войти в совет при Высших женских курсах, он много сил отдавал усовершенствованию учебного процесса, строительству нового учебного корпуса. Заинтересованный в расширении женского образования, М. М. Хвостов добивался снижения платы за обучение и увеличения числа курсисток, освобожденных от расходов на образование [12, с. 150].

Назначение на должность директора курсов открыло ему доступ к общественно-политической элите Казани. Как сообщают современники, его два раза выдвигали выборщиком на выборах членов Государственного Совета от университета; как представитель высших учебных заведений Казани он входил в состав городской думы [1, с. 89].

Во время гражданской войны М. М. Хвостов со всем энтузиазмом включился в работу по организации народного образования на новых демократических началах. Он приветствовал предложения Временного правительства 1917 г., а затем и Комитета членов Учредительного Собрания о переходе дела народного образования в «заведование земских и городских самоуправлений» и ратовал за необходимость участия высших учебных заведений и университета в том числе в строительстве народного образования в Казанской губернии [33, с. 13].

Решительная позиция профессора, направленная на укрепление престижа университетского образования и сохранение руководящей роли университета в коллегиальных органах управления системой образования получила одобрение совета Казанского университета, который делегировал М. М. Хвостова на совещание по организации народного образования в Самаре. Оно было запланировано на сентябрь 1918 г. М. М. Хвостов уехал из Казани на Самарское совещание и назад к своим привычным обязанностям больше уже не вернулся.

Так закончился самый длительный, успешный, важный период жизнедеятельности М. М. Хвостова. За ним последовал горький период растерянности, разочарований и лишений, вызванный «эпохой нашего всеобщего оскудения» [9, с. 104] – гражданской войной. Он стал не только трагедией России – трагично оборвалась и жизнь самого ученого.

Список литературы

1. Адлер Б. Некролог М. М. Хвостова: читан 29 февраля 1920 г. на общем собрании Общества археологии, истории и этнографии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXXI. Казань, 1921. С. 87–89.
2. Антощенко А. В. Россия на переломе (о проблемах российской истории в публицистике П. Г. Виноградова) // Россия на перепутье: Историко-публицистические статьи / сост., предисловие, коммент. А. В. Антощенко. Москва: Территория будущего, 2008. С. 9–46.
3. Бессмертный Ю. Л., Хвостова К. В. М. М. Хвостов и его взгляды на историю западноевропейского крестьянства (по материалам неопубликованного курса лекций) // История и историки: историографический ежегодник. 1977 / отв. ред. М. В. Нечкина. Москва: Наука, 1980. С. 323–345.
4. Бузескул В. П. М. М. Хвостов. Рец. на кн.: Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. I. Текстильная промышленность в греко-римском Египте. Казань, 1914 // Голос минувшего: журнал истории и истории литературы. 1915. № 3. Март. С. 286–290.
5. Виноградов П. Г. Учебное дело в наших университетах // Россия на распутье: историко-публицистические статьи / П. Г. Виноградов; сост., предисловие и коммент. А. В. Антощенко. Москва: Территория будущего, 2008. С. 107–140.
6. Временные правила о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Октябрь. С. 80–83.
7. Гершензон М. Предисловие переводчика // История Греции / Ю. Белох; пер. М. Гершензона. Т. 1. Москва: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1897. С. III–V.
8. Готье Ю. В. Университет // Московский университет в воспоминаниях современников / сост. Ю. Н. Емельянов. Москва: Современник, 1989. С. 554–574.
9. Грацианский Н. П. Памяти М. М. Хвостова: Речь, произнесенная в заседании Общества 5 апреля 1920 года // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1921. Т. XXXI. Вып. 1–3. С. 91–104.
10. Жебелев С. А. Вместо предисловия // Очерк греческой истории и источниковедения / Р. фон Пельман; пер. с нем. А. С. Князькова; под ред. С. А. Жебелева. Санкт-Петербург: Алетейя, 1999. С. 5–6.

11. Казанский университет // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Санкт-Петербург: Типолиитография И. А. Ефрона, 1894. Т. XIII. С. 903–905.
12. *Матвеева И. Н.* К вопросу о научной и педагогической деятельности М. М. Хвостова // Вопросы историографии всеобщей истории. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1968. Вып. 3. С. 145–153.
13. *Новиков М. В., Перфилова Т. Б.* Вопросы теории исторического познания в трудах Р. Ю. Виппера // Университетский научный журнал. 2012. № 2. С. 101–118.
14. Общий устав Императорских российских университетов // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1884 год. Царствование императора Александра III. Санкт-Петербург, 1893. Т. IX. С. 985–1026. Отд. I, § 4; отд. II, гл. I, § 6, 7; отд. II, гл. III, § 27. IV. № 3, 4; отд. II, гл. IV, § 30. III. № 1, 2, 4, 5, 9, 10; отд. IV, § 110–112 и др.
15. *Перфилова Т. Б.* «Ученое сословие» России в правовом пространстве уставов Императорских университетов: монография / под ред. д-ра ист. наук, проф. М. В. Новикова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. 467 с.
16. *Перфилова Т. Б.* Образ афинской демократии в антиковедении Нового времени: интерпретация В. П. Бузескула. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. 400 с.
17. *Перфилова Т. Б.* Эманации «коллективной души» человека античности в научных рефлексиях Ф. Ф. Зелинского. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. 300 с.
18. *Пичета В. И.* Воспоминания о Московском университете (1897–1901 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников. Москва: Современник, 1989. С. 583–596.
19. *Ростовцев М. И.* Рец. на кн.: Михаил Хвостов. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. I. Текстильная промышленность в греко-римском Египте. Казань, 1914 // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. Сентябрь, октябрь. С. 348–369.
20. *Тураев Б. А.* Рец. на кн.: Михаил Хвостов. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. I. Текстильная промышленность в греко-римском Египте. Казань, 1914 // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества 1907. Т. XVIII. Вып. 1. С. 97–101.
21. *Хвостов М. М.* Геродот // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 12-е стереотипное изд. Москва, б/г. Т. XIV. С. 383–385.
22. *Хвостов М. М.* Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи. I. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. – 284 г. по Р. Х.). Казань, 1907. 479 с.
23. *Хвостов М. М.* К вопросу о задачах истории // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессиональной деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). Москва: Печатня С. П. Яковлева, 1909. С. 791–824.
24. *Хвостов М. М.* Лекции по методологии и философии истории. 2-е изд. Москва: ЛИБРОКОМ, 2011. 101 с.
25. *Хвостов М. М.* Новые документы по социально-экономической истории эллинистического периода // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Сентябрь. С. 182–222.
26. *Хвостов М. М.* Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. I. Текстильная промышленность в греко-римском Египте. Казань: Типолиитография Императорского ун-та, 1914. 264 с.
27. *Хвостов М. М.* Греко-персидские войны // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 12-е стереотипное изд. Москва, б/г. Т. XIV. С. 488–493.
28. *Хвостов М. М.* Демосфен, сын Алкисфена // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 12-е стереотипное изд. Москва, б/г. Т. XVIII. С. 220.
29. *Хвостов М. М.* Египтология // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 12-е стереотипное изд. Москва, б/г. Т. XIX. С. 599–603.
30. *Хвостов М. М.* История Древнего Египта // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 12-е стереотипное изд. Москва, б/г. Т. XIX. С. 531–581.
31. *Хвостов М. М.* История Древней Греции // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 12-е стереотипное изд. Москва, б/г. Т. XVI. С. 528–624.
32. *Хвостов М. М.* Теодор Моммзен // Научное слово. 1904. Кн. 1. С. 84–102.
33. *Шофман А. С.* Михаил Михайлович Хвостов. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. 112 с.

M. M. Hvostov: ascent to the heights of scientific and professional activity

M. V. Novikov¹, T. B. Perfilova²

¹Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of theory and methodology of professional education, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University.

Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

²Doctor of Historical Sciences, professor, leading researcher, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University.

Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. The main stages of M. M. Hvostov's career growth at the Imperial Kazan University are considered, the beginning of which was provided by successful defense of master's (1907) and doctoral (1914) dissertations at St. Petersburg University. A detailed description of both theses is given, and the high scientific level of these qualification works is noted. It is emphasized that it was during the Kazan period of his life that the most significant theoretical and methodological works were published: "Lectures on the methodology and philosophy of history", "On the problems of history", popular scientific articles on the history of Ancient Greece and Ancient Egypt for the encyclopedic dictionary of the brothers A. and I. Granat, numerous reviews and reviews of monographs by domestic and foreign historians. M. M. Hvostov's teaching activities at Kazan University are considered to be very successful: his lectures and seminars were highly appreciated by both students and fellow teachers. It is emphasized that M. M. Hvostov did not clutter his lectures with excessive factual material, he preferred to analyze sources on the topic under study, as well as the most pressing scientific problems that worried the scientific world, and tried to show even the smallest historical fact from the point of view of general issues of historical science. The active participation of M. M. Hvostov in various organizational activities of the Kazan University, his reliability and responsibility in fulfilling the instructions of the university management is noted. Special attention is paid to the activities of M. M. Hvostov as Director of Higher women's (historical and philological) courses, which opened up the possibility for him to become one of the prominent Kazan public and political figures.

Keywords: Imperial Kazan University, faculty of history and Philology, master's and doctoral dissertations, lectures and seminars, social activities.

References

1. Adler B. *Nekrolog M. M. Hvostova: chitan 29 fevralya 1920 g. na obshchem sobranii Obshchestva arheologii, istorii i etnografii* [Obituary of M. M. Hvostov: read on February 29, 1920 at the general meeting of the Society of archeology, history and ethnography] // *Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* – News of the society of archeology, history and ethnography at Kazan University. Vol. XXXI. Kazan. 1921. Pp. 87–89.
2. Antoshchenko A. V. *Rossiya na perelome (o problemah rossijskoj istorii v publicistike P. G. Vinogradova)* [Russia at the turning point (on the problems of Russian history in p. G. Vinogradov's journalism)] // *Rossiya na pereput'e: Istoriko-publicisticheskie stat'i* – Russia at the crossroads: Historical and journalistic articles / comp., preface, comments by A. V. Antoshchenko. M. Territoriya budushego. 2008. Pp. 9–46.
3. Bessmertnyj Yu. L., Hvostova K. V. *M. M. Hvostov i ego vzglyady na istoriyu zapadnoevropejskogo krest'yanstva (po materialam neopublikovannogo kursa lekcij [M. M. Hvostov and his views on the history of the Western European peasantry (based on the materials of the unpublished course of lectures)]* // *Istoriya i istoriki: istoriograficheskij ezhegodnik. 1977* – History and historians: historiographical yearbook. 1977 / ed. by M. V. Nechkina. M. Nauka. 1980. Pp. 323–345.
4. Buzeskul V. P. *M. M. Hvostov. Rec. na kn.: Ocherki organizacii promyshlennosti i torgovli v greko-rimskom Egipte. I. Tekstil'naya promyshlennost' v greko-rimskom Egipte. Kazan', 1914* [M. M. Hvostov. Review on a book: Essays on the organization of industry and trade in Greco-Roman Egypt. I. Textile industry in Greco-Roman Egypt. Kazan, 1914] // *Golos minuvshego: zhurnal istorii i istorii literatury* – Voice of the past: journal of history and literary history. 1915. No. 3. March. Pp. 286–290.
5. Vinogradov P. G. *Uchebnoe delo v nashih universitetah* [Academic Affairs in our universities] // *Rossiya na rasput'e: istoriko-publichnye stat'i* – Russia at the crossroads: historical and public articles / P. G. Vinogradov; comp., preface and comments by A. V. Antoshchenko. M. Territoriya budushego. 2008. Pp. 107–140.
6. *Vremennye pravila o professorskom disciplinarnom sude v vysshih uchebnyh zavedeniyah Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* – Temporary rules on the professorial disciplinary court in higher educational institutions of the Ministry of national education // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* – Journal of the Ministry of national education. 1902. October. Pp. 80–83.
7. Gershenzon M. *Predislovie perevodchika* [Translator's preface] // *Istoriya Grecii* – History of Greece / Yu. Beloh; transl. by M. Gershenzon. Vol. 1. M. Partnership of tip. of A. I. Mamontov. 1897. Pp. III–V.
8. Gauthier Yu. V. *Universitet* [University] // *Moskovskij universitet v vospominaniyah sovremennikov* – Moscow University in the memoirs of contemporaries / comp. Yu. N. Emelyanov. M. Sovremennik. 1989. Pp. 554–574.

9. Gracianskij N. P. Pamyati M. M. Hvostova: Rech', proiznesennaya v zasedanii Obshchestva 5 aprelya 1920 goda [In memory of M. M. Hvostov: Speech delivered at the meeting of the Society on April 5, 1920] // *Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* – News of the society of archeology, history and ethnography at Kazan University. Kazan. 1921. Vol. XXXI. Is. 1-3. Pp. 91–104.
10. Zhebelev S. A. Vmesto predisloviya [Instead of a preface] // *Ocherk grecheskoj istorii i istochnikovedeniya* – Essay on Greek history and source studies / R. von Pelman; translated from German by A. S. Knyazkov; ed. by S. A. Zhebelev. SPb. Aleteia. 1999. Pp. 5–6.
11. *Kazanskij universitet* – Kazan University // *Enciklopedicheskij slovar'* – Encyclopedic dictionary / ed. F. A. Brokgauz, I. A. Efron. SPb. Typolithography of I. A. Efron. 1894. Vol. XIII. Pp. 903–905.
12. Matveeva I. N. K voprosu o nauchnoj i pedagogicheskoj deyatel'nosti M. M. Hvostova [On the question of scientific and pedagogical activity of M. M. Hvostov] // *Voprosy istoriografii vseobshchej istorii* – Questions of historiography of universal history. Kazan. Kazan University. 1968. Is. 3. Pp. 145–153.
13. Novikov M. V., Perfilova T. B. Voprosy teorii istoricheskogo poznaniya v trudah R. Yu. Vippera [Questions of the theory of historical knowledge in the works of R. Yu. Vippera] // *Universitetskij Nauchnyj Zhurnal* – University scientific journal. 2012. No. 2. Pp. 101–118.
14. *Obshchij ustav Imperatorskih rossijskih universitetov* – General Charter of Imperial Russian universities // *Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. 1884 god. Carstvovanie imperatora Aleksandra III* – Collection of resolutions on the Ministry of national education. 1884. The reign of Emperor Alexander III. SPb. 1893. Vol. IX. Pp. 985–1026. ed. I, § 4; ed. II, ch. I, § 6, 7; ed. II, ch. III, § 27. IV. No. 3, 4; ed. II, ch. IV, § 30. III. No. 1, 2, 4, 5, 9, 10; ed. IV, § 110–112, etc.
15. Perfilova T. B. "Uchenoe soslovie" Rossii v pravovom prostranstve ustavov Imperatorskih universitetov: monografiya ["The scientific estate" of Russia in the legal space of the statutes of Imperial universities: monograph] / ed. by Dr. of Hist. Sciences, Prof. M. V. Novikov. Yaroslavl. YaSPU. 2014. 467 p.
16. Perfilova T. B. *Obraz afinskoj demokratii v antikovedenii Novogo vremeni: interpretaciya V. P. Buzeskula* [The image of Athenian democracy in investigations of the New time: the interpretation of V. P. Buzeskul]. Yaroslavl. YaSPU. 2007. 400 p.
17. Perfilova T. B. Emanacii "kollektivnoj dushi" cheloveka antichnosti v nauchnyh refleksiyah F. F. Zelinskogo [Emanations of the "collective soul" of the man of antiquity in the scientific reflections f F. F. Zelinsky]. Yaroslavl. YaSPU. 2009. 300 p.
18. Picheta V. I. *Vospominaniya o Moskovskom universitete (1897–1901 gg.)* [Memoirs of the Moscow University (1897–1901)] // *Moskovskij universitet v vospominaniyah sovremennikov* – Moscow University in the memoirs of contemporaries. M. Sovremennik. 1989. Pp. 583–596.
19. Rostovcev M. I. *Rec. na kn.: Mihail Hvostov. Ocherki organizacii promyshlennosti i trgovli v greko-rimskom Egipte. I. Tekstil'naya promyshlennost' v greko-rimskom Egipte. Kazan', 1914* [Review on the book: Mikhail Hvostov. Essays on the organization of industry and trade in Greco-Roman Egypt. I. Textile industry in Greco-Roman Egypt. Kazan, 1914] // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* – Journal of the Ministry of national education. 1914. September, October. Pp. 348–369.
20. Turaev B. A. *Rec. na kn.: Mihail Hvostov. Ocherki organizacii promyshlennosti i trgovli v greko-rimskom Egipte. I. Tekstil'naya promyshlennost' v greko-rimskom Egipte. Kazan', 1914* [Review on a book: Mikhail Hvostov. Essays on the organization of industry and trade in Greco-Roman Egypt. I. Textile industry in Greco-Roman Egypt. Kazan, 1914] // *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obshchestva* – Notes of the Eastern branch of the Imperial Russian archaeological society. 1907. Vol. XVIII. Is. 1. Pp. 97–101.
21. *Hvostov M. M. Gerodot* [Herodotus] // *Enciklopedicheskij slovar' russkogo bibliograficheskogo instituta Granat* – Encyclopedic dictionary of the Russian bibliographic Institute Granat. 12th stereotypical ed. M. without year. Vol. XIV. Pp. 383–385.
22. *Hvostov M. M. Issledovaniya po istorii obmena v epohu ellinisticheskikh monarhij i Rimskoj imperii. I. Istorija vostochnoj trgovli greko-rimskogo Egipta (332 g. do R. H. – 284 g. po R. H.)* [Studies on the history of exchange in the era of Hellenistic monarchies and the Roman Empire. I. History of Eastern trade of Greco-Roman Egypt (332 BC-284 AD)]. Kazan. 1907. 479 p.
23. *Hvostov M. M. K voprosu o zadachah istorii.* [To the question of the tasks of history] // *Sbornik statej, posvyashchennyh Vasiliyu Osipovichu Klyuchevskomu ego uchenikami, druž'yami i pochitatel'yami ko dnyu tridcatiletiya ego professional'noj deyatel'nosti v Moskovskom universitete (5 dekabrya 1879 – 5 dekabrya 1909 goda)* – Collection of articles dedicated to Vasily Osipovich Klyuchevsky by his students, friends and admirers to the day of the thirtieth anniversary of his professional activity at Moscow University (December 5, 1879 – December 5, 1909). M. S. P. Yakovlev. 1909. Pp. 791–824.
24. *Hvostov M. M. Lekcii po metodologii i filosofii istorii. 2-e izd.* [Lectures on methodology and philosophy of history. 2nd ed.] M. LIBROCOM. 2011. 101 p.
25. *Hvostov M. M. Novye dokumenty po social'no-ekonomicheskoj istorii ellinisticheskogo perioda* [New documents on the socio-economic history of the Hellenistic period] // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* – Journal of the Ministry of national education 1904. September. Pp. 182–222.
26. *Hvostov M. M. Ocherki organizacii promyshlennosti i trgovli v greko-rimskom Egipte. I. Tekstil'naya promyshlennost' v greko-rimskom Egipte* [Essays on the organization of industry and trade in Greco-Roman Egypt. I. Textile industry in Greco-Roman Egypt]. Kazan. Typolithography of the Imperial University. 1914. 264 p.

27. Hvostov M. M. *Greko-persidskie vojny* [Greco-Persian wars] // *Enciklopedicheskij slovar' russkogo bibliograficheskogo instituta Granat* – Encyclopedic dictionary of the Russian bibliographic Institute Granat. 12th stereotypical ed. M. Without year. Vol. XIV. Pp. 488–493.

28. Hvostov M. M. *Demosfen, syn Alkifena* [Demosthenes, son of Alkisphe] // *Enciklopedicheskij slovar' russkogo bibliograficheskogo instituta Granat* – Encyclopedic dictionary of the Russian bibliographic Institute Granat. 12th stereotypical ed. M. Without year. Vol. XVIII. P. 220.

29. Hvostov M. M. *Egiptologiya* [Egyptology] // *Enciklopedicheskij slovar' russkogo bibliograficheskogo instituta Granat* – Encyclopedic dictionary of the Russian bibliographic Institute Granat. 12th stereotypical ed. M. Without year. Vol. XIX. Pp. 599–603.

30. Hvostov M. M. *Istoriya Drevnego Egipta* [History of Ancient Egypt] // *Enciklopedicheskij slovar' russkogo bibliograficheskogo instituta Granat* – Encyclopedic dictionary of the Russian bibliographic Institute Granat. 12th stereotypical ed. M. Without year. Vol. XIX. Pp. 531–581.

31. Hvostov M. M. *Istoriya Drevnej Grecii* [History of Ancient Greece] // *Enciklopedicheskij slovar' russkogo bibliograficheskogo instituta Granat* – Encyclopedic dictionary of the Russian bibliographic Institute Granat. 12th stereotypical ed. M. Without year. Vol. XVI. Pp. 528–624.

32. Hvostov M. M. *Teodor Mommzen* [Teodor Mommsen] // *Nauchnoe Slovo* – Scientific word. 1904. Book 1. Pp. 84–102.

33. Shofman A. S. *Mihail Mihajlovich Hvostov* [Mikhail Mikhailovich Hvostov]. Kazan. Publishing house of the Kazan University. 1979. 112 p.

Проблема межнациональных отношений в концепции Русского государства в отечественной историографии 1930-х – начала 1950-х годов

Н. В. Тихомиров

старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА им. К. И. Скрябина.
E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена одной из ключевых проблем в рамках концепции образования русского централизованного государства, разрабатывавшейся отечественными историками в период 1930-х – начала 1950-х годов. Актуальность исследования определяется задачами современной историографии, придающей высокое значение вопросам, связанным с формированием национальной государственности. Целью статьи является анализ подходов советских историков к решению вопроса о межнациональных отношениях в Русском государстве XV–XVI вв. Изучение опыта отечественных историков прошлого способно обогатить и усилить теоретико-методологические основы научных изысканий в области построения современных концепций Русского государства. В основу исследования положены материалы личных фондов архива РАН, а также научные монографии, публикации в периодических изданиях и учебная литература рассматриваемого периода. Методологическую основу исследования составляют описательно-повествовательный, ретроспективный, сравнительно-исторический и типологический методы. Также задействованы познавательные возможности дискурсивно-аналитического и герменевтического методов, относящихся к полю современной междисциплинарной методологии. Автор показал место проблемы межнациональных отношений в контексте концепции Русского государства и шире – в концепции отечественной истории, формировавшейся в годы сталинского руководства. Выявлены основные факторы, оказывавшие влияние на выводы историков. Показана динамика и направленность изменения оценок характера и содержания межнациональных отношений в Русском государстве XV–XVI вв. Важное место в работе занимает рассмотрение вопроса о построении новой марксистской концепции централизованного государства в связи с критикой теоретических положений исторической концепции М. Н. Покровского. Статья освещает один из ключевых аспектов построения советской моноконцепции отечественной истории в годы сталинского руководства.

Ключевые слова: историческая концепция, русское централизованное государство, русский народ, учебник, многонациональное государство.

Разработка концепции образования русского централизованного государства явилась одним из ключевых направлений в работе отечественных историков в период 1930-х – начала 1950-х гг. Данный период примечателен как время складывания «сталинской» модели историографии, находящейся под непосредственным и мощным влиянием теоретических указаний И. В. Сталина. Важной проблемой в рамках концепции централизованного государства на Руси стал вопрос о межнациональных отношениях, выстраивавшихся между великороссами и другими народами, в разное время вошедшими в состав державы московских великих князей.

Целью данной статьи является исследование проблемы межнациональных отношений в контексте создания советскими историками концепции единого русского государства в 1930-х – начале 1950-х гг. Задачи, решаемые в этой связи, таковы: 1) определить место межнациональных отношений в концепции централизованного русского государства названного периода; 2) выявить факторы, определявшие выводы исследователей; 3) проследить изменения в оценках историками характера и содержания межнациональных отношений в русском централизованном государстве.

Первой попыткой создания марксистской концепции отечественной истории можно считать труды М. Н. Покровского, в частности, книгу «Русская история в самом сжатом очерке». Данное сочинение являлось главным учебным пособием по истории СССР вплоть до середины 1930-х гг. Свое отражение в нем нашел и вопрос о взаимодействии русских с соседними народами. Его оценка М. Н. Покровским имела сугубо негативный характер. Особенно резко и непримиримо ученый высказывался о роли русского народа в этих отношениях: в его трактов-

ке внешней политики Руси с древнейших времен завоевательная деятельность правителей не отделялась от народного освоения новых земель. Таким образом, на восточных славян, а затем великороссов переходили обличительные суждения об угнетательском отношении к представителям иных народностей. Что же касается государственного строительства в XV–XVI вв., то о нем М. Н. Покровский высказывался вне всякого национального контекста. Главенствующей силой, создавшей великорусскую державу, историк считал торговый капитал, не уделяя внимания вопросу формирования и развития великорусской народности, не рассматривая этот процесс как сколь бы то ни было значимый фактор складывания государственной системы.

Вскоре после смерти М. Н. Покровского в 1932 г. его воззрения были подвергнуты суровой критике в историческом сообществе, в том числе в части, касающейся создания русского государства. Так, в разгар идеологического и теоретического наступления на наследие ученого К. В. Базилевич отмечал, что М. Н. Покровский в своих сочинениях не дал полноценного описания процесса создания державы, подменив его схемой, вступающей в противоречие с положениями марксистского учения [21, с. 143].

Начало организованной борьбы со взглядами М. Н. Покровского было положено рядом постановлений СНК и ЦК ВКП(б) в начале 1934 г. Среди них стоит особо выделить постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР» [22, с. 368], давшее резко критическую оценку положению, сложившемуся в данной области, и, по сути, теоретическому и методическому подходам, которые с подачи М. Н. Покровского насаждались в научной и образовательной среде на протяжении 1920-х гг. Названный документ стал важной вехой борьбы за перестройку исторического мышления, содержанием которой явилась выработка новой концепции отечественной истории. В ходе развернувшейся критики «взгляды Покровского получили разнообразные характеристики в научной публицистике, начиная от сдержанных до непримиримо воинственных» [27, с. 68].

Одним из первых шагов, направленных к исправлению положения в преподавании истории и в исторической науке в целом, стало поручение о составлении нового учебника по истории СССР, данное партийно-правительственным руководством группе ученых под руководством Н. Н. Ванага [22, с. 369]. В том же году названная группа закончила работу над конспектом учебника, однако тот получил отрицательную оценку. В августе 1934 г. историкам были представлены «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» за подписями Сталина, Жданова и Кирова. Отмеченный в них комплекс проблем отечественной истории «оказался в центре развернувшихся дискуссий по дальнейшей работе над составлением новых учебников для начальной и средней школы» [30, с. 106]. Работа группы Н. Н. Ванага в «Замечаниях» была подвергнута разгромной критике. Примечательно, что первое же нарекание было высказано по поводу национальной тематики в конспекте учебника. Документ открывают следующие слова: «Группа Н. Н. Ванага не выполнила задания и даже не поняла самого задания. Она составила конспект русской истории, а не истории СССР, т. е. истории Руси без истории народов, которые вошли в состав СССР» [9, с. 22]. Далее авторы вспомнили о формуле «царизм – тюрьма народов», попеняв составителям конспекта слабой проработанностью «аннексионистско-колониаторской ролью русского царизма» [9, с. 22]. «Нам нужен такой учебник истории СССР, – указывалось в заключении, – где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР» [9, с. 24]. Таким образом, было определено одно из ключевых измерений будущей исторической концепции, связанное с межнациональными отношениями внутри русского государства.

3 марта 1936 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР выступили с постановлением об организации конкурса на лучший школьный учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР. В этот раз привлеченным авторам следовало строго соотносить формулируемые положения с идейно-теоретическими посылами политического руководства. Помимо названных «Замечаний», историками было актуализовано еще одно выступление И. В. Сталина, значительно большей давности. В поле внимания историков оказался доклад тогда еще наркома по делам национальностей на X съезде ВКП(б) в 1921 г. В указанное время будущий руководитель СССР еще не воспринимался научным сообществом как теоретик марксизма-ленинизма, поэтому озвученные им суждения на десятилетие остались незамеченными. В докладе, озаглавленном «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», И. В. Сталин мельком коснулся проблемы образования централизованного государства в России, определив его как изначально многонациональное. «На востоке Европы, – указывалось в докладе, – образо-

вание централизованных государств, ускоренное потребностями самообороны (нашествие турок, монголов и пр.), произошло раньше ликвидации феодализма, стало быть, раньше образования наций. Ввиду этого нации не развились здесь и не могли развиваться в национальные государства, а образовали несколько смешанных, многонациональных буржуазных государств, состоящих обычно из одной сильной, господствующей нации и нескольких слабых, подчиненных. Таковы: Австрия, Венгрия, Россия» [24, с. 34]. В дальнейшем данные положения, как и ряд иных указаний И. В. Сталина, «обрели значение теоретических постулатов марксистской научной теории, цитаты названных сочинений широко использовались советскими историками в статьях и монографиях» [28, с. 80].

Таким образом, после 1934 г. ученые в труде над учебником отечественной истории были снабжены двумя принципиальными указаниями относительно национальной проблематики. Во-первых, историю великороссов следовало соотносить с историей иных народов СССР. Во-вторых, требовалось показать государственное строительство в России XV–XVI вв. как процесс образования многонациональной державы. Эти задачи были решены авторским коллективом под руководством А. В. Шестакова в 1937 г. при подготовке нового конспекта учебника по истории СССР для младших школьных классов.

Труд группы А. В. Шестакова был выдержан в русле предшествующих партийных указаний и являл собою заметную противоположность исторической концепции М. Н. Покровского, бытовавшей прежде в системе советского образования. Последнее обстоятельство нарочито подчеркивалось А. В. Шестаковым накануне и после обнародования нового учебника. Ученый не единожды выступал с публичными лекциями, в том числе с курсом «Искажение истории СССР у М. Н. Покровского и его школы» [1, ф. 638, оп. 1, д. 383, л. 1]. В них были подвергнуты детальному рассмотрению и анализу истоки научного мировоззрения М. Н. Покровского, его теоретические и методологические установки. Последние получили характеристику антимарксистских и антиленинских [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 18]. Досталось и ученику М. Н. Покровского Н. Н. Ванягу, а именно – проекту учебника истории, разработанного ранее под его руководством и раскритикованного конкурсной комиссией. Саму книгу А. В. Шестаков назвал «историческим суррогатом», а ее создателей, не колеблясь, определил в лагерь «троцкистов, шпионов и диверсантов» [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 24]. Собственный, еще не опубликованный учебник А. В. Шестаков представлял аудитории как подлинно марксистский, содержащий наиболее верную трактовку исторического процесса. В подкрепление своих слов докладчик намекал, что конспект уже просмотрен и проверен «лучшими умами нашей страны» [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 26].

Важным положением в критике А. В. Шестаковым исторических воззрений М. Н. Покровского стало отношение последнего к вопросу о генезисе русского народа, его роли в истории и взаимоотношениях с иными народами. В одном из выступлений А. В. Шестаков определил этот вопрос как «очень серьезный политически» [1, ф. 638, оп. 1, д. 382, л. 12]. Выводы из разбора концепции М. Н. Покровского делались соответствующие, в духе времени. Уничжительные суждения историка о великороссах были объявлены «антинародным выступлением» [1, ф. 638, оп. 1, д. 382, л. 13]. А его тезисы о смешении русских с мордвой рассматривались в параллели с националистической риторикой финляндских реваншистов и определялись как идущие «по линии панфинизма» [1, ф. 638, оп. 1, д. 382, л. 13]. В этом бичевании национального нигилизма прочитывается одна из установок будущей исторической концепции, связанная с утверждением исторической значимости великороссов и усилением их роли в деле государственного строительства.

Одной из ключевых проблем концепции образования централизованного государства была его периодизация. Как было указано выше, ее решение отчасти было подсказано И. В. Сталиным, высказавшим положение о складывании России как многонациональной державы. В учебнике А. В. Шестакова (1937) данное указание было развито и воплотилось в двухчастной схеме, согласно которой на первом этапе централизации Иван III создал национальное государство великороссов [11, с. 32], а на втором этапе Иван IV превратил его в многонациональное [11, с. 39]. В пособии А. В. Шестакова для высшей школы особо подчеркивалось, что государство Ивана III в этническом отношении было преимущественно единым [1, ф. 638, оп. 1, д. 3, л. 199].

Данная точка зрения была усвоена авторами учебников для средней школы и вузов. С небольшими уточнениями формулировок схема, предложенная группой А. В. Шестакова, была повторена в учебнике для 8 класса под редакцией А. М. Панкратовой [7]. В книге «была

закреплена идея о превращении России в многонациональное государство как стержневом смысле второго этапа централизации» [26, с. 69]. То же имело место в учебнике для вузов за авторством В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина [5]. Аналогичным образом были выстроены рабочие программы по истории СССР в высших учебных заведениях [1, ф. 1577, оп. 5, д. 174, л. 11–13]. Двухчастная модель периодизации создания централизованного государства получила хождение в научной и научно-популярной публицистике. Так, например, в 1939–1945 гг. С. В. Бахрушин выступил на страницах журнала «Пропагандист» со статьями «Образование Русского национального государства» [1, ф. 624, оп. 1, д. 535] и «Расширение русского государства при Иване IV» [1, ф. 624, оп. 1, д. 624].

Схема А. В. Шестакова продержалась в отечественной историографии чуть менее полутора десятков лет. Коррективы в понимание периодизации рассматриваемого процесса внесла крупная научная дискуссия конца 1949 – начала 1951 гг. В ноябрьском номере «Вопросов истории» за 1949 г. была размещена редакционная статья, в которой указывалось на недостаточность внимания, уделяемого советскими историками вопросу периодизации истории СССР. Особенно подчеркивалась необходимость творческой проработки периодизации феодального периода [17, с. 6]. Начало обсуждению положили статьи К. В. Базилевича и Н. М. Дружинина, опубликованные в том же номере, за ними последовал ряд публикаций других авторов. В контексте интересующей нас проблематики примечательна статья за авторством Л. В. Черепнина и В. Т. Пашуто, напечатанная во втором номере журнала за 1951 г. Историки настаивали на том, чтобы считать русское государство изначально содержащим черты многонационального, поскольку уже при Иване III объединенная держава вбирала в свой состав народности севера, Поволжья и приокского региона [18, с. 67]. Таким образом, в публикации обосновывался тезис об отсутствии противоречия между понятиями «национальное» и «многонациональное» применительно к русскому централизованному государству. При этом показательна ссылка авторов на уже упомянутое нами выступление И. В. Сталина, содержащее рассуждения об образовании многонациональных государств на востоке Европы. Комментируя слова вождя, Л. В. Черепнин и В. Т. Пашуто указали следующее: «И. В. Сталин говорит о русском многонациональном государстве XVIII в. как национальном государстве помещиков и торговцев, как государстве формирующейся русской нации. Поскольку формирование нации – столь же длительный процесс, как и формирование многонационального государства, то очевидно, и на феодальной основе допустимо говорить о русском государстве как национальном, подчеркивая тем самым роль русской (великорусской) народности как объединителя национальностей» [18, с. 67].

Заявленный тезис был благосклонно принят историками феодального периода. А. М. Панкратова, выступая в октябре 1951 г. с докладом, посвященным итогом прошедшей дискуссии, отметила, что «большинство историков» считает неверным выделять в процессе образования государства периоды существования в форме национального и многонационального политического образования [1, ф. 697, оп. 1, д. 85, л. 16]. Складывание нового теоретического консенсуса в научном сообществе нашло отражение, прежде всего, в новых редакциях школьных учебников. Так, например, в соответствии с новым положением был переработан учебник для восьмого класса средней школы под редакцией А. М. Панкратовой. В новом издании была изменена структура изложения материала – из нее пропала двухчастная схема, предложенная А. В. Шестаковым, а главы, посвященные развитию страны в XV–XVI столетиях, были объединены в раздел «Образование централизованного многонационального государства» [6, с. 239].

Таким образом, научному пониманию процесса централизации на Руси была сообщена новая модальность. Согласно схеме, утвердившейся в 1937 г. с подачи группы А. В. Шестакова, происходило перерождение национальной державы великороссов в державу многонациональную, что осуществлялось путем своего рода размывания государствообразующей народности другими народностями, постепенно включавшимися в состав государства. С начала 1950-х гг. этот процесс понимался как последовательное развитие исходно многонациональной структуры. В ней четко выделялось политико-культурное ядро в виде великорусской народности, в орбиту исторического развития которой включались иные этнические общности.

В этой связи интересен еще один аспект проблемы межнациональных отношений в контексте развития концепции централизации. Этот аспект связан с определением характера взаимодействия русского народа и других народов, включенных в разное время в состав централизованного государства. Как было отмечено ранее, партийно-правительственное руководство изначально выказывало склонность толковать национальную проблематику в прошлом через призму идеи о царской России как «тюрьме народов». На этом И. В. Сталин настаивал в «Замечаниях» по поводу отклоненного конспекта учебника Н. Н. Ванага [9, с. 22].

Однако в то же время наметились коренные изменения по поводу оценки взаимоотношений русского и других народов в составе России. А. В. Шестаков, выступая в сентябре 1937 г. в Институте Истории АН СССР с докладом о проделанной работе по подготовке школьного учебника, отметил необходимость пересмотреть прежнее отношение к колониальной политике русских правителей. По мнению докладчика, она не должна представлять сплошным «черным пятном» [1, ф. 1577, оп. 6, д. 162, л. 11об.]. В этом заметна попытка смягчить господствовавшее положение о царизме как тюрьме народов, сместив идейный упор с проблемы государственного угнетения на проблему совместного сосуществования народов.

Важной идейной установкой явилось положение о прогрессивном характере русского государства для своего времени. Это означало, что централизация с последующим учреждением политического аппарата была объективно полезной как для великороссов, так и для других народностей, включенных в состав державы. Выгода для первых состояла в устранении феодального произвола, характерного для удельного периода, для вторых подчинение русскому царю означало избавление от несравнимо большего гнета со стороны иных правителей: ливонских, татарских, турецких и т. д.

В элементарном курсе для младших возрастов, подготовленном группой А. В. Шестакова, положение о прогрессивности государственного строительства не было прямо сформулировано. Хотя именно такую трактовку давал учебник, по словам А. В. Шестакова [1, ф. 638, оп. 1, д. 43, л. 24]. Это отчасти объясняется нежеланием авторов перегружать книгу понятиями, трудными для усвоения в начальных классах. Как признавался сам А. В. Шестаков, язык первого варианта текста оказался «очень труден для детей» [1, ф. 638, оп. 1, д. 43, л. 16]. Зато в учебном пособии для высшей школы, подготовленном под началом А. В. Шестакова в 1939 г., тезис о прогрессивном характере процесса образования русского государства выражен четко и ясно [1, ф. 638, оп. 1, д. 3, л. 218]. Подчеркивалась заинтересованность русского народа в результатах объединительной политики Ивана III [1, ф. 638, оп. 1, д. 3, л. 202].

К концу 1930-х гг. в исторической науке наметилась тенденция к четкому смысловому разделению представлений о русском государстве XV–XVI вв. и русском (великорусском) народе. Первое, в строгом соответствии учению классиков марксизма-ленинизма, трактовалось как инструмент подавления в руках феодального класса угнетателей. Народ же рассматривался в особой парадигме. Сообразно такому концептуальному разведению вопрос о межнациональных отношениях приобретал содержательную двойственность. Проблема малых народов рассматривалась, с одной стороны, в контексте их угнетения крепостническим государством, а с другой стороны, в контексте межкультурного общения с русским народом.

Ко второй половине 1930-х гг. в идейно-политическом и научном дискурсах завершилась историческая реабилитация русского народа и началось его постепенное возвеличивание. Как и в ряде других вопросов, характер национальной риторики определялся непосредственно И. В. Сталиным. Впервые он систематизировал и изложил собственное видение межнациональных отношений в сочинении «Марксизм и национальный вопрос», написанном еще до революции 1917 г. Начиная с 1930-х гг. работа многократно переиздавалась как в виде самостоятельного издания, так и в составе сборника «Марксизм и национально-колониальный вопрос». С этого времени тезисы, изложенные в названном сочинении, становятся теоретическим ориентиром для историков, разрабатывавших тему межнациональных взаимодействий в русском централизованном государстве.

И. В. Сталин декларировал нежелательность «межевания людей по нациям», выступая против идеи национальной автономии как содержащей предпосылки «полного разрыва» и сепаратизма [23, с. 42–43]. Национальной обособленности И. В. Сталин предлагал противопоставить интернациональное сплочение [23, с. 45]. Ведущей силой такого сплочения советский лидер видел русский народ. В тезисах к X съезду ВКП(б) он, рассуждая о генезисе государственности, отмечал, что на востоке Европы происходило образование многонациональных государств, «состоящих обычно из одной сильной, господствующей нации и нескольких слабых, подчиненных» [24, с. 16]. К числу таковых И. В. Сталин причислял и Россию.

Однако выработка единообразного подхода в советской исторической науке к пониманию национальных отношений в централизованном государстве заняла более десятка лет. На протяжении 1920-х гг. в исторической науке, пребывавшей под сильным влиянием идей М. Н. Покровского, насаждалось представление о русском народе как о жестоком угнетателе соседних малых народов. Русское государство, утверждал ученый, было выстроено «на костях инородцев» [19, с. 28]. После смерти М. Н. Покровского его взгляды подверглись ревизии,

однако некоторые концептуальные положения удержались в историографии, получив развитие в трудах историков следующего поколения.

Так, вопрос о покорении народов Поволжья московскими великими князьями какое-то время рассматривался в русле теории торгового капитала. К примеру, А. В. Шестаков в публичных лекциях, читавшихся им в середине 1930-х гг., трактовал восточную политику Ивана III и Ивана IV как направленную к наращиванию «капитализации в недрах феодального общества» [1, ф. 638, оп. 1, д. 139, л. 12]. Соответственно положение местных коренных народов историком оценивалось с точки зрения ущерба, наносимого великокняжеской властью их торгово-экономическим возможностям [1, ф. 638, оп. 1, д. 139, л. 11]. Саму же внешнюю политику Русского государства лектор неизменно именовал колониальной экспансией [1, ф. 638, оп. 1, д. 139, л. 2об.] и колониальным порабощением [1, ф. 638, оп. 1, д. 139, л. 3].

Весьма кровавадной представлена поволжская политика Русского государства и в учебнике по истории для начальных классов 1937 г. под редакцией А. В. Шестакова. Примечательно описание казанского взятия. Оборонявшиеся татары выписаны доблестными и самоотверженными борцами с хищными завоевателями, не щадящими в ходе захвата города ни женщин, ни детей [11, с. 38]. Однако в научном сообществе такой подход был воспринят без энтузиазма. Конец 1930-х гг. ознаменовался усилением официальной риторики об историческом величии русского народа. По замечанию Т. Мартина, в течение десятилетия наблюдается резкое повышение статуса великороссов [14, с. 541]. Показательна, к примеру, передовица «Правды» от 1 февраля 1936 г., в которой русский народ назван первым среди братских народов СССР [20, с. 1].

В этой связи примечательны отзывы историков на новый школьный учебник. Так, А. И. Козаченко в письме А. В. Шестакову предлагал выбросить из текста фразы об отважной обороне татарами Казани и об участии в сражении женщин и детей [1, ф. 638, оп. 1, д. 47, л. 75]. Очевидно, такая правка была призвана устранить контраст между доблестью защитников города и варварской жестокостью русских ратей. В свою очередь С. Б. Веселовский указывал на отсутствие в учебнике внятного обоснования самой казанской кампании Ивана IV – события подносились как простая прихоть московского правителя [1, ф. 638, оп. 1, д. 47, л. 93]. А значит, и включение народов Поволжья в состав Русского государства превращалось в акт алчного и бессмысленного хищничества.

В итоге в изначальный текст были внесены изменения, что привело к появлению компромиссной редакции. Из повествования исчезли слова о татарских женщинах и детях, а вместо положения о разграблении русскими Казани появилось нейтральное сообщение о ее присоединении к русскому государству [4, с. 46]. Таким образом, изложение было очищено от избыточного пафоса межнациональной борьбы, тезис о противоречиях русской державы с татарским народом был сглажен.

Другим показательным моментом в оценке межнациональных отношений в централизованном государстве стала трактовка историками характера присоединения к последнему различных народов. Показательные пассажи содержатся в редакциях учебника для 8-го класса школы под редакцией А. М. Панкратовой. В издании 1943 г. говорится о «насильственном» объединении слабых народов вокруг сильного русского народа [8, с. 143]. Из более поздних изданий такой эпитет был выброшен [6, с. 153]. В этом же контексте примечательна монография В. В. Мавродина об образовании русского государства, вышедшая в 1951 г. В ней историк нарочито подчеркивал, что русский народ никогда не насаждал силою своих обычаев среди народов, на земли которых приходил [12, с. 248]. Показательно, что в монографии 1939 г., посвященной той же проблеме, автор не давал такого рода пояснений [13].

Историография конца 1930-х – начала 1950-х гг. в целом усилила внимание к истории народа, в первую очередь – великорусского. Если в концепции М. Н. Покровского русский народ никак не отделялся от русского государства, то с конца 1930-х гг. историки начинают последовательно размежевывать эти две сущности. Наиболее явственно это делается заметным в годы Великой Отечественной войны и после нее. Патриотическая риторика и построенная на ней идейная мобилизация привели к утверждению идей руссоцентризма в отечественной истории. Немалую роль в этом сыграла развернувшаяся в исходе 1940-х гг. кампания по борьбе с безродным космополитизмом. В итоге общим местом в оценках межнациональных отношений в централизованном государстве стало подчеркивание ведущей роли русского народа и провозглашение прогрессивного значения для иных народов присоединения к великорусской державе. Показателен ряд публикаций таких историков, как М. Н. Тихо-

миров [25], Г. А. Кокиев [10], Г. Д. Бурдей [2], К. Я. Наякшин [15], А. Н. Усманов [29], Х. Г. Гимади [3] и др.

Логическим продолжением указанной тенденции явилось печатное выступление М. В. Нечкиной в 1951 г. В письме в редакцию «Вопросов истории» ученый обратила внимание на необходимость пересмотра укоренившегося в советском историческом дискурсе положения о подчинении народов русскому государству как наименьшем зле [16, с. 46–47]. Автор указывала, что само это понятие возникло как характеристика колониальной политики царской России и служило для нее своего рода сравнительной оценкой: возможное порабощение отдельных народов иными государствами понималось, соответственно, как зло для них наибольшее. Однако, как справедливо отмечала М. В. Нечкина, угнетение со стороны русского феодального государства не составляло всей полноты исторических фактов о прошлом народов. Куда более важным она полагала вопрос о братстве русского и других народов страны, поскольку все они в равной мере были угнетаемы царизмом и все в равной мере боролись за его свержение. А значит, в оценках процесса включения народов в состав Русского государства следует особый упор сделать не на проблему колониального угнетения, а на проблему хозяйственного и культурного общения народов [16, с. 47]. Данное выступление М. В. Нечкиной замечательно показывает направление развития научной мысли начала 1950-х гг. Это направление в контексте создания концепции централизованного Русского государства было связано с дальнейшим освобождением оценок исторической роли русского народа от обвинений и спекуляций на теме национального угнетения нерусских национальностей.

Подведем итог. Проблема межнациональных отношений занимала важное место в советской историографии с самого начала ее становления. Особое звучание данная проблема приобрела в связи с построением марксистской концепции русского централизованного государства в конце 1930-х – начале 1950-х гг. К началу названного периода наметился отказ историков от наиболее одиозных суждений и оценок, содержащихся в концепции М. Н. Покровского, широко востребованной в первое десятилетие советской власти. Присущие ей национальный нигилизм и пренебрежительное отношение к великорусской народности были признаны несостоятельными. Суждения, высказывавшиеся в учебной литературе и публичных выступлениях историков в середине – второй половине 1930-х гг. имели более сдержанный характер, но, как и прежде, были проникнуты пафосом обличительства политики колониального угнетения малых народов. В риторике данного времени отсутствует строгое смысловое разграничение представлений о русском феодальном государстве как завоевателе и эксплуататоре и о русском народе как особом субъекте исторического процесса. В должной мере отчетливо такое разграничение проявляется в научных трудах военного и послевоенного времени.

Список литературы

1. Архив Российской Академии Наук (РАН).
2. Бурдей Г. Д. Борьба России за Среднее и Нижнее Поволжье в XVI в. // Преподавание истории в школе. 1954. № 5. С. 27–36.
3. Гимади Х. О некоторых вопросах истории Татарии // Вопросы истории. 1951. № 12. С. 118–126.
4. История СССР. Краткий курс : учебник для 4-го класса / под ред. А. В. Шестакова. М. : Учпедгиз, 1954. 288 с.
5. История СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. М. : Госсоцэпгиз, 1939. 792 с.
6. История СССР. Учебник для 8 класса средней школы. Ч. 1 / под ред. А. М. Панкратовой. Изд. 12-е. М. : Учпедгиз, 1953. 240 с.
7. История СССР. Учебник для VIII класса средней школы / под ред. А. М. Панкратовой. М. : Учпедгиз, 1940. 238 с.
8. История СССР. Учебник для VIII класса средней школы. Ч. 1 / под ред. А. М. Панкратовой. Изд. 3-е. М. : Учпедгиз, 1943. 242 с.
9. К изучению истории. Сборник. М. : Партиздат, 1937. 38 с.
10. Кокиев Г. Русско-кабардинские отношения в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 44–60.
11. Краткий курс истории СССР : учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. А. В. Шестакова. М. : Учпедгиз, 1937. 223 с.
12. Мавродин В. В. Образование единого русского государства. Л. : Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова, 1951. 328 с.
13. Мавродин В. В. Образование русского национального государства. Изд. 2-е. М. : ОГИЗ, Госполитиздат, 1941. 207 с.

14. Мартин Т. Империя «Положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : РОССПЭН, 2011. 855 с.
15. Наякшин К. К вопросу о присоединении Среднего Поволжья к России (письмо в редакцию) // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 108–111.
16. Нечкина М. В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 44–46.
17. Основные задачи в изучении истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 3–12.
18. Пашуто В., Черепнин Л. О периодизации истории России эпохи феодализма // Вопросы истории. 1951. № 2. С. 52–80.
19. Покровский М. Н. Возникновение Московского государства // Историк-марксист. 1930. Т. 18–19. С. 14–28.
20. Правда. 1936. 1 февраля.
21. Против исторической концепции М. Н. Покровского / отв. ред. А. Сидоров. Ч. 1. М. ; Л. : АН СССР, 1939. 518 с.
22. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик за 1934 г. М. : Управление делами Совета Министров СССР, 1948. 983 с.
23. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Марксизм и национально-колониальный вопрос / под ред. Д. А. Розанова. М. : Политиздат, 1937. 232 с.
24. Сталин И. В. Сочинения. Т. 5. М. : ОГИЗ: Госполитиздат, 1947. 448 с.
25. Тихомиров М. Н. Присоединение Чувашии к Русскому государству // Советская этнография. 1950. № 3. С. 93–106.
26. Тихомиров Н. В. Дискуссии о периодизации процесса централизации русского государства в отечественной историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 67–74. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-67-74.
27. Тихомиров Н. В. Идеино-политический аспект полемики вокруг исторической концепции М. Н. Покровского в 1930-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 64–72. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-64-72.
28. Тихомиров Н. В. Проблема возникновения централизованного русского государства в работах отечественных историков конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 78–87. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87.
29. Усманов А. Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа : Башгосиздат, 1949. 136 с.
30. Фукс А. Н. Формирование советской моноконцепции отечественной истории и ее отражение в школьном учебнике А. В. Шестакова // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2009. № 2. С. 104–113.

The problem of international relations in the concept of the Russian state in the Russian historiography of the 1930s – early 1950s

N. V. Tihomirov

senior lecturer of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences,
Moscow State Academy of veterinary medicine and biotechnology – MBA n. a. K. I. Scriabin.
E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to one of the key problems in the framework of the concept of the formation of the Russian centralized state, developed by Russian historians in the period of the 1930s–early 1950s. The relevance of the study is determined by the tasks of modern historiography, which attaches high importance to issues related to the formation of national statehood. The purpose of the article is to analyze the approaches of Soviet historians to solving the problem of interethnic relations in the Russian state of the XV–XVI centuries. The study of the experience of Russian historians of the past can enrich and strengthen the theoretical and methodological foundations of scientific research in the field of building modern concepts of the Russian state. The research is based on the materials of the personal collections of the archive of the Russian Academy of Sciences, as well as scientific monographs, publications in periodicals and educational literature of the period under review. The methodological basis of the study consists of descriptive-narrative, retrospective, comparative-historical and typological methods. The cognitive capabilities of the discursive-analytical and hermeneutical methods related to the field of modern interdisciplinary methodology are also involved. The author shows the place of the problem of interethnic relations in the context of the concept of the Russian state and, more broadly, in the concept of national history, which was formed during the years of Stalin's leadership. The main factors that influenced the conclusions of historians are identified. The dynamics and direction of changes in the assessments of the nature and content of interethnic relations in the Russian state of the XV–XVI centu-

ries are shown. An important place in the work is occupied by the consideration of the construction of a new Marxist concept of a centralized state in connection with the criticism of the theoretical provisions of the historical concept of M. N. Pokrovsky. The article highlights one of the key aspects of the construction of the Soviet monoconcept of Russian history during the years of Stalin's leadership.

Keywords: historical concept, Russian centralized state, Russian people, textbook, multinational state.

References

1. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS).
2. Burdej G. D. *Bor'ba Rossii za Srednee i Nizhnee Povolzh'e v XVI v.* [Struggle of Russia for the middle and low Volga region in XVI century] // *Prepodavanie istorii v shkole* – Teaching history at school. 1954. No. 5. Pp. 27–36.
3. Gimadi H. *O nekotoryh voprosah istorii Tatarii* [On some questions of the history of Tartary] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 1951. No. 12. Pp. 118–126.
4. *Istoriya SSSR. Kratkij kurs : uchebnik dlya 4-go klassa* – History of the USSR. Short course : textbook for the 4th grade / ed. by A. V. Shestakov. M. Uchpedgiz. 1954. 288 p.
5. *Istoriya SSSR. T. 1. S drevnejshih vremen do konca XVIII v.* – History of the USSR. Vol. 1. From ancient times to the late eighteenth century / ed. by V. I. Lebedev, B. D. Grekov, S. V. Bakhrushin. M. Gossocekgiz. 1939. 792 p.
6. *Istoriya SSSR. Uchebnik dlya 8 klassa srednej shkoly. Ch. 1* – History of the USSR. Textbook for the 8th grade of secondary school. Part 1 / ed. by A. M. Pankratova. Ed. 12th. M. Uchpedgiz. 1953. 240 p.
7. *Istoriya SSSR. Uchebnik dlya VIII klassa srednej shkoly* – History of the USSR. Textbook for the 8th grade of secondary school / ed. by A. M. Pankratova. M. Uchpedgiz. 1940. 238 p.
8. *Istoriya SSSR. Uchebnik dlya VIII klassa srednej shkoly. Ch. 1* – History of the USSR. Textbook for the VIII class of secondary school. Part 1 / ed. by A. M. Pankratova. Ed. 3d. M. Uchpedgiz. 1943. 242 p.
9. *K izucheniyu istorii. Sbornik* – To the study of history. Collection. M. Partizdat. 1937. 38 p.
10. Kokiev G. *Russko-kabardinskie otnosheniya v XVI–XVIII vv.* [Russian-Kabardian relations in the XVI–XVIII]. 1946. No. 10. Pp. 44–60.
11. *Kratkij kurs istorii SSSR : uchebnik dlya 3-go i 4-go klassov* – Short course in the history of the USSR : textbook for the 3rd and 4th grades / ed. by A. V. Shestakov. M. Uchpedgiz. 1937. 223 p.
12. *Mavrodin V. V. Obrazovanie edinogo russkogo gosudarstva* [Formation of a unified Russian state]. L. Zhdanov Leningrad State University. 1951. 328 p.
13. *Mavrodin V. V. Obrazovanie russkogo nacional'nogo gosudarstva. Izd. 2e* [Formation of the Russian national state. Ed. 2d]. M. OGIZ, Gospolitizdat. 1941. 207 p.
14. *Martin T. Imperiya "Polozhitel'noj deyatelnosti". Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923–1939* [The empire of "Positive activity". Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939]. M. ROSSPEN. 2011. 855 p.
15. *Nayakshin K. K voprosu o prisoedinenii Srednego Povolzh'ya k Rossii (pis'mo v redakciyu)* [On the question of joining the Middle Volga region to Russia (letter to the editor)] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 1951. No. 9. Pp. 108–111.
16. *Nechkina M. V. K voprosu o formule "naimen'shee zlo"* [To the question of the formula "the least evil"] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 1951. No. 4. Pp. 44–46.
17. *Osnovnye zadachi v izuchenii istorii SSSR feodal'nogo perioda* – The main tasks in the study of the history of the USSR of the feudal period // *Voprosy istorii* – Questions of history. 1949. No. 11. Pp. 3–12.
18. *Pashuto V., Cherepnin L. O periodizacii istorii Rossii epohi feodalizma* [On the periodization of the history of Russia during the feudal era] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 1951. No. 2. Pp. 52–80.
19. *Pokrovskij M. N. Vozniknovenie Moskovskogo gosudarstva* [Emergence of the Moscow state] // *Istoriikmarksist* – Historian-Marxist. 1930. Vol. 18-19. Pp. 14–28.
20. *Pravda* – Truth. 1936. February 1.
21. *Protiv istoricheskoy koncepcii M. N. Pokrovskogo* – Against the historical concept of M. N. Pokrovsky / ed. by A. Sidorov. Part 1. M.; L. AS SSSR. 1939. 518 p.
22. *Sobranie zakonov i rasporyazhenij Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva Soyuzu Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik za 1934 g.* – Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics for 1934. M. Department of Affairs of the Council of Ministers of the USSR. 1948. 983 p.
23. *Stalin I. V. Marksizm i nacional'nyj vopros* [Marxism and the national question] // *Marksizm i nacional'no-kolonial'nyj vopros* – Marxism and the national-colonial question / ed. by D. A. Rozanov. M. Politizdat. 1937. 232 p.
24. *Stalin I. V. Cochineniya. T. 5* [Works, Vol. 5]. M. OGIZ: Gospolitizdat. 1947. 448 p.
25. *Tihomirov M. N. Prisoedinenie Chuvashii k Russkomu gosudarstvu* [The Chuvash Republic's accession to the Russian state] // *Sovetskaya etnografiya* – Soviet Ethnography. 1950. No. 3. Pp. 93–106.
26. *Tihomirov N. V. Diskussii o periodizacii processa centralizacii russkogo gosudarstva v otechestvennoj istoriografii konca 1930-h – nachala 1950-h gg.* [Discussions on the periodization of the process of centralization of the Russian state in the domestic historiography of the late 1930s–early 1950s] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* – Herald of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science. 2020. No. 3. Pp. 67–74. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-67-74.

27. Tihomirov N. V. *Idejno-politicheskiy aspekt polemiki vokrug istoricheskoy koncepcii M. N. Pokrovskogo v 1930-e gg.* [Ideological and political aspect of polemics around the historical concept of M. N. Pokrovsky in the 1930s] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorija i politicheskie nauki* – Herald of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science. 2020. No. 1. Pp. 64–72. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-64-72.

28. Tihomirov N. V. *Problema vznikoveniya centralizovannogo russkogo gosudarstva v rabotah otechestvennyh istorikov konca 1930-h – nachala 1950-h gg.* [Problem of the emergence of the centralized Russian state in the works of Russian historians of the late 1930s – early 1950s] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Kemerovo State University. 2020. Vol. 22. No. 1. Pp. 78–87. DOI: 10.21603 / 2078-8975-2020-22-1-78-87.

29. Usmanov A. N. *Prisoedinenie Bashkirii k Moskovskomu gosudarstvu* [Accession of Bashkiria to the Moscow state]. Ufa. Bashgosizdat. 1949. 136 p.

30. Fuks A. N. *Formirovanie sovetskoj monokoncepcii otechestvennoj istorii i ee otrazhenie v shkol'nom uchebnike A. V. Shestakova* [Formation of the Soviet monoconcept of national history and its reflection in the school textbook of A. V. Shestakov] // *Vestnik MGOU. Seriya: Istorija i politicheskie nauki* – Herald of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science. 2009. No. 2. Pp. 104–113.

Принцип экспериментации в сюрреалистическом коде: проблема сюрреалистического образа и феномен опыта

О. С. Горелов

кандидат филологических наук, доцент, Ивановский государственный университет.
Россия, г. Иваново. ORCID: 0000-0001-5718-6588. E-mail: og-rus@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается один из ключевых принципов сюрреалистического кода литературы – принцип экспериментации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки метода анализа текстов, проявляющих достаточную стилистическую свободу, но при этом относящихся к одному стилевому полю. Теория стиливого кода (в нашем случае сюрреалистического), под которым понимается абстрактная структура, включающая в себя набор принципов и правил реализации, как раз позволяет обнаруживать общие установки самых разных текстов. Цель статьи – дать характеристику принципу экспериментации и проанализировать способы его реализации в художественном письме. Предметом исследования являются мотивные и функциональные вариации смещения от сюрреалистического образа к феномену опыта.

В результате исследования было выявлено, что в сюрреалистическом письме частными проявлениями смещения от образа к опыту становятся позиции иррациональной конкретности: нарративы свидетельства, констатации, документации, каталогизации. Также важной привязкой экспериментации является привязка к визуальности в диегезисе художественной реальности сюрреализма. Визуальный опыт выражается через оккультацию, мотив созерцания невидимого и идею краткой обнаженной или долгой, но медленно обнажаемой красоты из второго манифеста сюрреализма. Минимальным жестом визуального опыта признается созерцание невидимого (ртух-принцип). Еще одной мотивной функцией экспериментации, неоднократно реализующейся в текстах сюрреалистической линии, является функция ауратической неуловимости субъектообъекта во времени. Она является следствием чудесного невидения, созерцания сокрытого. Постоянное референциальное и феноменальное сомнение (переживание контингентности) объединяет художественные реальности французского сюрреализма, текстов А. Платонова, С. Кржижановского, П. Улитина, А. Драгомощенко, поэтов-метареалистов, а также поэтов новейшего времени, в частности, Г. Рымбу и В. Банникова.

Ключевые слова: субъект, объект, аура, стиль, литературный код.

Сюрреалистический код является одним из стиливых кодов литературы, включающих самый общий набор мировоззренческих и эстетических правил, законов и установок. Художественные тексты, актуализирующие этот код, напрямую или косвенно коррелируют с сюрреализмом как стилем и могут при этом не аффилироваться с сюрреализмом как литературным движением. В кодовом пространстве сюрреализма можно выделить два базовых принципа, один из которых регулирует художественную онтологию (топологический принцип), другой – художественную субъектность (принцип реляционности), а также четыре принципа-смещения, являющиеся латентными переменными, которые определяются только в связи с комплексом других параметров. Как смещения они не всегда напрямую соотносятся с сюрреалистической системой и эстетикой, но как принципы удерживают целостность кода. Смещению в коде подвергаются основные концептуальные, эстетические, технические комплексы сюрреализма:

- сюрреалистическая *грёза*,
- сюрреалистическая *метафора*,
- сюрреалистический *образ*,
- сюрреалистический *предмет*.

Таким образом, можно определить смещение от грёзы, сновидения ко сну как *гипнотический принцип*, смещение от метафоры к *метонимии* как *принцип метонимизации*, смещение

от образа к опыту как принцип экспериментации и смещение от предмета, вещи к объекту как объектный принцип. В этой статье речь пойдет о принципе экспериментации.

Смещение от образа к опыту в сюрреалистическом коде отражается на эстетической теории образа сюрреалистов, а точнее на ее применении и дальнейшем толковании в новейшей литературной, в частности, поэтической практике. При этом можно наблюдать перекрестную, «хиастическую» структуру отношений: если во взаимодействие вступает образ как конкретный художественный феномен, а не концепт сюрреалистической системы, то под опытом будет подразумеваться не эмпирический набор чувственных данных, а нечто более абстрактное, но тем не менее соотносящееся с поэтологической проблематикой XX века.

Здесь актуальным стоит признать фрейдовский подход к травме и через нее к опыту, развитый позднее В. Беньямином с помощью разведения переживания (Erlebnis) и собственно опыта (Erfahrung). Первое есть результат успешной защиты сознания от угроз извне, от шоковых воздействий, память о которых регистрируется субъектом в виде переживаний. А собственно опыт результирует как раз прорыв защитных механизмов сознания, а потому следы этих прорывов остаются в непроизвольной памяти, составной частью которой «может быть лишь то, что “пережито” неявно и без участия сознания, что выпало на долю субъекта не как “переживание”» [2, с. 173]. Опыт, который «не принадлежит субъекту» и который «будет возвращаться в виде симптомов или искаженных образов, в том числе сновидных» [16], связан с проникновением внешнего в обход сознания как важным условием продления сюрреалистической топологии. Впрочем, возможно и общеэстетическое толкование этого механизма: «То, что Бодлер подразумевает под соответствиями, можно охарактеризовать как опыт, стремящийся утвердиться бескризисно. Такое возможно только в области культового. За пределами этой области опыт, о котором идет речь, предстает перед нами как “прекрасное”» [2, с. 197].

И именно этот опыт подключает литература во второй половине XX века, а образ становится либо средством, либо помехой. Опыт воспринимается через хонтологические возвращения, наплывы, как то, что вспоминается, снится, приходит к тебе уже сущим, уже бывшим, но еще почему-то живым, fasciniрующим. Вторичное приведение этого опыта к словесному образу создает либо поэзию, либо, что гораздо вероятнее, ложный нарратив с апелляцией к авторитету, когда филистерские, «вульгарные ссылки на опыт» [2, с. 193] репрессируют воображение (чаще всего молодых) и подменяют факты личными переживаниями, псевдоопытом. Что же касается поэзии как опыта, то она представляет скорее *разрушение образов* [17, с. 183]. Повторимся, борьба направлена не на образ как интенсификацию воображения, но на репрезентацию, на «видимое включение чуждого в наружность привычного», по М. Хайдеггеру [17, с. 183]. Сюрреалистическая инверсия, жаме веку, погружает, наоборот, привычное в наружность чуждого, но чуждого-в-себе, а значит, опытного, бессознательного. Идентифицировать такой опыт возможно через увеличение *связей*: реляционный принцип дополнительно объясняет политичность сюрреализма. Вот как размышляет Ж. Гейро об отчуждении опыта и возвращении его через восстание: «всё, что нам представляется опытом, является искусственным. Фразы “иметь опыт” и “приобретать опыт” четко указывают, что те, у кого он есть, или те, кто его приобретает, имеют лишь косвенное отношение к опыту, не переживают его, слабо соотносятся с его сюжетом и, соответственно, могут потреблять опыт как любой другой товар. <...> В мире без опыта восстание восстанавливает и вбирает в себя всё остальное: любовный опыт, боевой опыт, опыт новых форм жизни» [6].

Многие критики, обращаясь к проблеме опыта применительно к литературе, актуализируют широкое этимологическое поле слова «опыт», включающее ‘пытать’, от которого расходятся линии к эксперименту, пробе, риску [21, с. 291] (можно достроить до «искуса», «искусства»); к пытке (насилие, боль, трансгрессия) и к вопрошанию, спрашиванию (эта модальность особенно актуальна для инновативной поэзии конца XX века). Чтобы удерживать сюрреалистическую инверсию внешнего и внутреннего, объективного и субъективного, необходимо разводить не только переживание и опыт, но и экспириенс и эксперимент. Экспериментом тогда будет не целенаправленные, рациональные действия личности, но метонимические спонтанные вторжения в реляционную сеть субъекта. Примечательно, что Бретон, однозначно критикуя абсолютный рационализм понятия опыта, в первом манифесте намекает на возможность борьбы за освобождение самого феномена опыта: «...и самому опыту были поставлены границы. Он мечется в клетке, и освободить его становится все труднее» [3, с. 45].

Движение от образа к опыту можно рассматривать и в плоскости движения от метафоры (образ) к метонимии (опыт как смежная совместность). И если сюрреалистическая эстети-

ческая система предлагает модель, в которой образ выплывает из глубин подсознания, то сюрреалистический код – его наплыв на поверхность опыта. Поэтому *воображение*, соотносящееся в феноменологии с *ментальными образами*, остается концептом сюрреализма, но на уровне кода и в эволюции сюрреалистического происходит смещение в сторону *восприятия*, соотносящегося с *реальными образами*.

Так возникает необходимое противоречие внутри структуры понятия опыта: это не только риск, действие, проба, но и длительные следы невидимого, не запомиаемого сознанием. Сгущением этого противоречия в концептуальном пространстве может быть концепт объективной случайности как *невероятного опыта* и сопряжения невозможных встреч. И для него нужно не только «разрушение образов» (авангардистский элемент сюрреализма на это все равно заточен, как бы ни развивалась сюрреалистическая теория образа и тропов), но и *предательство образов* (одноименная картина Р. Магритта вскрывает двусмысленность этого мероприятия: мы предаем образы, но и они эстетически нас обманывают, *изменяют*). Предательство и измена добавляются к другим, кажущимся одиозными установкам сюрреализма – ревизионизму и редукционизму; возможно, именно такие свойства нужны этому стилю для выживания в неблагоприятной среде, в которой только он и актуализируется (например, реалистический реванш консерватизма 1930-х). Единственно, необходимо удерживать антифрагментальный потенциал этого предательства в значении ‘предать пагубное пристрастие’, ‘отказаться от наркотика-образа’: «Сюрреализм есть особый порок, и заключается он в беспорядочном и безудержном употреблении наркотика, имя которому – образ; или даже скорее в постоянной провокации, когда образ уже оказывается не властен ни над самим собой, ни над теми непредвиденными потрясениями и метаморфозами, которые он вызывает в области представлений, всякий раз вынуждая нас пересматривать весь порядок Вселенной» [23, р. 83] (пер. С. Дубина). Арагон предлагает понятие «сюрреалистического изобретения», которое совмещает образ с опытом, экспериментом. В эссе «Тень изобретателя» он призывает обратить внимание не на полезные изобретения, рождающиеся усилиями произвольной памяти и разума, а на их тень, в которой истончается образ, приближаясь к горизонту событий, но только так осуществляется настоящее, опытное (в обновленном, беньяминовском смысле и в логике реляционного принципа) изобретение: «изобретение – это установление *сюрреального отношения* между конкретными элементами» [1, с. 88]. Такая экспериментация стоит за интересом сюрреалистов к готовым объектам, к архивам и коллекциям.

Сюрреалистический код не дает сюрреализму остаться практикой образотворчества (этот риск понимали и сами сюрреалисты еще в 1930-х годах) и предъявляет опыт как пространство между прошлыми и будущими, возможными практиками, не различая возможное, воображаемое и уже воспринятое. В сюрреалистическом письме частными проявлениями смещения от образа к опыту становятся позиции иррациональной конкретности: нарративы свидетельства, констатации, документации, каталогизации и т. д.

Значимой является привязка экспериментации к визуальности, «к *визуальному опыту* полусонного-полубодрствующего сознания» [11, с. 98] в диэгезисе художественной реальности сюрреализма. Здесь можно увидеть в действии и закон пикабу, описанный в нейроэстетике [19, с. 267–272] и отсылающий в сюрреализме к визуальному опыту через оккультацию, мотив созерцания невидимого и идею краткой обнаженной или долгой, но медленно обнажаемой красоты из второго манифеста сюрреализма.

Минимальным жестом визуального опыта все же стоит признать *созерцание невидимого*. В эстетике сюрреализма отображенным от этого жеста мотивом становится неоднократно воспроизведенное в текстах и фотомонтажах смотрение с закрытыми глазами, указывающее на присутствии сновидца, прозревающего истинное, прекрасное, чудесное, сакральное, эротическое:

О друзья мои, закроем глаза
Пока не услышим, как перестанут свистеть
Прозрачные змеи пространств.
Ведь мы живем в абсолютной древности, –
В каждом луче есть слуховое оконце... [1, с. 79].

К слову, современные эксперименты в нейробиологии также показывают, что при решении задачи не аналитически, а через внезапное понимание активность нейронов в зрительной коре снижается. Закрытые глаза (даже если они «закрыты» только с точки зрения нейронной сети) способствуют концентрации и воображению, а значит, и озарениям [24, р. 212].

Интроспективное смотрение с закрытыми глазами в коде оборачивается смотрением с открытыми глазами, но в темноту пространства, за которой находятся предметы, места или люди. В экстропективном признании объектов, которых не видно, и заключается созерцание невидимого. Этот объективный поворот проясняет и гипносическую (от имени Гипнос) позицию: процедура смотрения сна без сновидений не приравнивается однозначно к танатальному состоянию, но демонстрирует инсайтные и эстетические возможности такого созерцания.

Используя неологизм С. Малларме из «Сонета на икс», можно назвать созерцание невидимого своеобразным дополнительным *ptyx*-принципом. *Ptyx* – это нечто, что отсутствует, но этим указывает на присутствие (раковина моллюска, складки закрытого веера, пустая комната): «На алтарях, в пустой гостиной: там – не птикс, / Игрушка звончатой тщеты, просвет фарфора» [13, с. 71]. Птикс может выражаться в конкретных образах: например, знаменитая коробка из «Дневной красавицы» Л. Бунюэля. Тайна является, но при сюрреалистической парадоксальной оккультации раскрытие сокрытого оставляет сокрытое сокрытым.

Одним из парадигмальных *ptyx*-сюжетов можно назвать средневековую легенду о леди Годиве, проехавшей голой по улицам города Ковентри ради того, чтобы ее муж, эрл Леофрик, освободил от жестокого налогообложения горожан. Любящие и уважающие ее горожане решают уйти с улиц и закрыть в назначенный час свои окна, чтобы не смущать и не позорить свою леди. Они не видят ее, хотя она проезжает мимо их домов, раздается стук копыт, и это воспринимается как событие. Само переживание этого *опыта*, проникающего мимо субъекта и его сознания и мимо его зрительного контакта в само подсознание, и есть созерцание невидимого, или *ptyx*-принцип.

Дополнительный поздний эпизод легенды вводит персонажа Тома, который все-таки подглядел за обнаженной леди и сразу после этого ослеп. Таким образом, сама структура легенды подсказывает дальнейшие ее перечитывания: жесткий выбор стоит между *визуальным опытом* созерцания темноты или пустоты и зрительной дисфункцией, которая поражает предателя образов, но и открывает в нем новые, сновидческие возможности. Однако оба варианта вписываются в сюрреалистическое поле, только второй путь – это путь классического сюрреализма (поэт как вуайерист; изображение не пустоты, но самой Годивы на картинах и в скульптуре, например, С. Дали), тогда как действие сюрреалистического кода подталкивает к принятию первого варианта. И в этом случае речь не просто об отсутствующем объекте, усиливающем желание, здесь выражается желание как невидение самого события, свершающегося прямо перед глазами, не способными прорваться сквозь темноту или естественную преграду. Темнота объективна, она покрывает объекты и насыщает опытом субъекты, подвергая сомнению саму субъектно-объектную границу. Это тоже «слепое» зрение, как и сновидческое, только направлено оно вовне. Закрывать глаза необходимо для интроспекции, воображения, но не экспериментации.

В русской поэзии XX века прямое использование этой легенды практически всегда строится на истории о подглядывающем Томе: «Не потому ль, что я видел на детской картинке / Леди Годиву с распущенной рыжею гривой, / Я повторяю еще про себя под сурдинку: / Леди Годива, прощай! Я не помню, Годива...» [14, с. 154]. Впрочем, местом авторефлексий О. Мандельштама становится *пустой город* (Ленинград), метонимизирующий и безвременье, и саму страну. Повторит этот ход (Годива как страна), эксплицирует его и метапоэтическую привязку к легенде И. Бродский: «В полночь всякая речь / обретает ухватки слепца; / так что даже “отчизна” на ощупь – как Леди Годива» [4, с. 50]. Предательство образов открывает возможности образотворчества, а объектная герметизация генерирует процессы самопознания. Однако принцип экспериментации должен противостоять или, по крайней мере, радикально проблематизировать вопрос идентификации, чтобы «принцип аналогии <...> преобладал бы над принципом идентичности» [5, с. 237], чтобы обеспечить удерживание антифрастических установок сюрреалистического кода.

Поэтому необходимо сказать еще об одной мотивной функции, неоднократно реализующейся в текстах сюрреалистической линии. Это функция ауратической неуловимости субъектообъекта во времени. Она является следствием чудесного невидения, созерцания сокрытого (можно это дополнить образом призрачного и прозрачного – того, что есть, но чего не должно было быть).

В рассказе «Железная старуха» А. Платонова мальчик Егор встречается с разными живыми и неживыми субъектообъектами, заводя с ними разговор и пытаясь понять личность каждого из них. Расставание с ними, потеря зрительного контакта подвешивают вопрос будущих идентификаций, узнаваний («оргазм узнавания объекта» [19, с. 270]): «Жук сначала полетел, а потом сел на землю и пошел пешком. И Егору стало вдруг скучно без жука. Он понял,

что больше его никогда не увидит, и если увидит, то не узнает его, потому что в деревне много прочих жуков. А этот жук будет где-нибудь жить, а потом помрет, и все его забудут, один только Егор будет помнить этого неизвестного жука» [18, с. 98]. Даже в таких, кажется, далеких от эстетики сюрреализма текстах кодовая пресуппозиция созерцания невидимого приводит к мизансценам обнаружения чудесного в обыденном: идентифицируя жука в сновидческом, вероятностном формате будущего времени, мальчик вглядывается в темноту, в пустоту «личности» другого субъектообъекта.

Приведем другой пример реализации указанной функции. В произведении «Штемпель: Москва» автобиографический герой С. Кржижановского бродит по московским кладбищам и замечает: «...меня больше всего волнует старый мраморный постамент <...>, подписанный: Venus. Поверх постамента нет никакой Venus – статуя давно, вероятно, разбита, – осталась неотколотой лишь одна мраморная ее ступня с нежным очерком пальцев. Это все, что *есть*: но я, помню, долго стоял, созерцая то, чего *нет* (курсив автора. – О. Г.)» [12, с. 539]. Тема утраты, недостатка объекта, его наличествующего отсутствия выражает изначальную сновидную структуру образования субъекта, но ключом к прочтению таких мизансцен становится именно топология и сюрреалистическое расслоение переключенного времени. К. Метц демонстрирует этот эффект на примере кино, в котором сначала актер снимается в кадре (присутствует), а зритель в этот момент отсутствует, затем зритель сидит в кинотеатре (присутствует) и смотрит на актера, которого уже в реальном времени и в этом пространстве нет: «Таким образом, кино находит способ *выставлять напоказ и (одновременно) скрывать*. Постоянный обмен позиций видящего и видимого должен быть надломлен в своей сердцевине, и тогда две эти разъединенные половинки разместятся в двух различных временных отрезках: это еще одно *расщепление*» [15, с. 119].

В литературе второй половины XX века объективный поворот трансформирует этот мотив: субъект метонимически замещается либо самим восприятием, либо органами восприятия, происходит персонификация объекта: «Взгляд привыкает. Взгляд забывает, что когда-то чувствовал утрату. Он уже не помнит прежних черт. А новые черты, кажется, так всегда и были. Старый тополь нас принимает на новых основаниях, а мы его» [22, с. 88]. Здесь образ из прошлого постепенно забывается (гипносический принцип) и медиализируется сновидной сетью отношений (реляционный принцип): лицо из сновидения всегда отличается от реального лица, которое мы знаем здесь и сейчас, но только теперь это лицо (объект: тополь) принимает и нас в модифицирующей нас итерации. Актуальное настоящее создает иллюзию, что «новые черты <...> так всегда и были», что еще сильнее деформирует, острояет, размывает прежние черты. Но сюрреальность ситуации в том, что это именно *старый* тополь, это *тот же* объект, который продолжает быть, встречаться, но который видится уже как новый, другой (жаме вю), он не может быть узан в состоянии бодрствования, то есть в изменяющем объекты времени, только в расслоенном и/или остановленном.

В «Тысяче плато» Ж. Делез и Ф. Гваттари, опосредованно выразившие многие нюансы, могущие быть отнесенными к сюрреалистическому коду, ставят близкую к обсуждаемой функции проблему ритуурнели: «остается ли ритуурнель территориальной или територизирующей, или же она уносится прочь в подвижном блоке, прочерчивающем трансверсаль через все координаты – и через любого посредника между ними обоими?» [7, с. 502] или, в формулировке поэта Н. Сафонова, «как понять, что нечто повторилось, будучи различным?» [20, с. 474]. Становление чем-то связано с двусмысленностью територизации и детерриторизации, которую Делез и Гваттари определяют двусмысленностью Родного, когда «Родное снаружи» [7, с. 542] (зеркальное отражение *unheimlich* Фрейда). И здесь смежным должно быть определение из другой работы Делеза и Гваттари: «концепт – это событие, а не сущность и не вещь» [8, с. 27]. При разговоре о концептах и концептосфере сюрреализма важно учитывать, что идея реляционности не в последнюю очередь проникает через философский дискурс, влияющий и на поэзию второй половины XX века. Концепты, и это особенно относится к сюрреалистическим концептам, означивают не идентичность вещи, но скорее отношение к или с ней. Тогда вещь становится *реляционным объектом*, и как особое условие здесь – остановка времени: «Вне времени нет понятия, а значит, нет и вещи, изменяющейся, но тождественной себе в этих изменениях, есть лишь, как говорит Кант, “рождение или исчезновение субстанции” или – событие: то есть то, что не может иметь места во времени, но то, что задает режимы восприятия самой темпоральности» [10, с. 57]. Задержка экспериментации влияет на субъектную интроспекцию во времени, согласно замечательному образу В. Беньямина, «человек, утративший опыт, чувствует себя исторгнутым из календаря. Обитателю большого города это чувство знакомо по воскресеньям» [2, с. 201].

Так рождаются сюрреалистические концепты и в поэтических текстах. Например, в финале «Бубновой дамы» П. Элюара:

И так всегда – то же признание, та же юность, те же чистые глаза, то же наивное движение рук на моей шее, та же ласка, то же откровение.

Но никогда – та же женщина.

Карты предсказали мне, что я встречу ее в жизни, так и не узнав ее.

Влюбленный в любовь [1, с. 160] –

принцип аналогии и реляционности действительно замещают принцип идентичности, помогая становлению-любовью, и в этом двойственность самого сюрреализма как борьбы двух его начал – фигуративного/эссенциального и релятивистского/нигилистического/ревизионистского, здесь точка столкновения этих инсюрреалистических тенденций.

Желание сновидческой погони за субъектообъектом, стремление увидеть четко лицо, постоянно пересобирающееся в сновидном пространстве, могут напоминать элегическую эмоцию, выраженную некогда в вийоновской формуле «Но где же прошлогодний снег?» (в переводе Н. Гумилева) из «Баллады о дамах прошлых времен». Однако обращена эта эмоция не в прошлое (сюрреализму чужд сентиментализм и элегичность), а в настоящее или в будущее. В тексте «Однажды там будет...» А. Бретон действительно разворачивает фразу/эмоцию Ф. Вийона: «Но где снег завтрашнего дня?» [1, с. 351]. Такая конструкция активизирует воображение, стремящееся стать реальностью, а значит, и грёзовую, не элегическую интенцию.

Только на границе рационального или в зияниях логики и разума возникает допущение идентичности. Это (сюр)ноуменальное восприятие может развиваться как в сторону воображаемого, чудесного (любви), возвращая память о субъектообъекте («один только Егор *будет помнить этого неизвестного жука*» у Платонова и «*Всё, что я люблю, осталось*» у Арагона), так и в сторону когнитивной модуляции и аналитического усилия, благодаря которым изменяется сам фрейм созерцания. Так, в стихотворении А. Драгомощенко «Настурция как реальность» образ усложняется и зумируется до молекулярного уровня взаимодействия объектов, но при этом прямо в тексте начинает мерцать и субъект высказывания: «Произнеси: А.Т.Д., риторика накопленья. / Утвержденье: те ли стрижи (что три года назад), / словно молекулы тьмы, тему вечера / снова соткут для звезды, обронившей / мускулистую линию в темя залива?» [9, с. 422]. Такой подход возвращает в измененном виде феноменальный горизонт, а также конкретику, физику образов. В концовке стихотворения эта возможность ноуменального подключения к единому (хоть и дискретному, пористому) миру является средством самого письма, самой поэзии, возможно, чуда поэзии, указывающего на то, что топологически это именно «*те же стрижи, бумага, пустившая корни / в шершавую древесину стола*» [9, с. 429]. Визуальная экспериментация, которой завершается текст, не завершает сам опыт сюрреального:

Молекула не имеет отношения к молитвам,
но видеть, *вдевая увиденное в иглу*, жадность
которой под стать безукоризненности ее выбора:
тончайшего отверстия форм.

Пустое колесо по склону. Настурция и огонь [9, с. 429].

Бретон в романе «Надя», ссылаясь на опыт и слова Д. де Кирико, также распространяет этот принцип на сам процесс творчества. Завершенное произведение только слегка напоминает об изначальном аффекте (в случае Кирико – удивление), который вызвал к жизни это произведение. Однако сходство между ними такое же *странное*, «как сходство двух братьев или, точнее, как образ какого-либо лица в сновидении и его реальное лицо. Это одновременно тот же самый человек и не он: в его чертах заметно *легкое и таинственное преобразование*» [1, с. 192]. Опыт как преобразование включает топологическую трансформацию образов с сохранением следа от смещения, по которому и идет ноуменальный сигнал в поисках «того же жука», «того же тополя», «тех же стрижей», «той же женщины». Такая аффектированная встреча с субъектообъектом и переживание его идентичности воспроизводит *ауратический* опыт восприятия во сне. Как пишет об этом П. Валери: «Во сне <...> такое тождество существует (тождество между субъектом и вещью. – О. Г.). Вещи, которые вижу я, видят меня так же, как я вижу их» [2, с. 205]. Привлекательность, ауратичность субъектообъекта прямо пропорциональна сокрытости его идентичности (ртух).

Таким образом, постоянное референциальное и феноменальное сомнение (переживание контингентности) объединяет художественные реальности французского сюрреализма, А. Платонова, А. Драгомощенко, некоторых метареалистов, а также поэтов новейшего времени, в частности, Г. Рымбу и В. Банникова. Функциональным же решением (*imperf.*) неизменно становится не определение сущности, субъекта, но *идентичность восприятия, события, опыта*.

Список литературы

1. Антология французского сюрреализма. 20-е годы / сост. С. А. Исаев, Е. Д. Гальцова. М. : ГИТИС, 1994. 392 с.
2. *Беньямин В.* О некоторых мотивах у Бодлера // Озарения / В. Беньямин. М. : Мартис, 2000. С. 168–210.
3. *Бретон А.* Манифест сюрреализма // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века / сост. Л. Г. Андреев. М. : Прогресс, 1986. С. 40–72.
4. *Бродский И.* Сочинения Иосифа Бродского : в 7 т. Т. 3. СПб. : Пушкинский фонд, 2001. 312 с.
5. *Возможное против реального* // Сюрреализм. Возвращения и трактаты международного движения с 1920-х годов до наших дней / сост. Ги Жирар. М. : Гилея, 2018. С. 225–242.
6. *Гейро Ж.* Традиция и восстание. URL: http://hylaea.ru/gayraud_tradition.html (дата обращения: 20.06.2020).
7. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. 895 с.
8. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М. : Академический Проект, 2009. 261 с.
9. *Драгомощенко А.* Тавтология: Стихотворения, эссе. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 456 с.
10. *Корчинский А. В.* Форманты мысли: Литература и философский дискурс. М. : Языки славянской культуры, 2015. 288 с.
11. *Краусс Р.* Фотографические условия сюрреализма // Подлинность авангарда и другие модернистские мифы / Р. Краусс. М. : Художественный журнал, 2003. С. 97–722.
12. *Кржижановский С. Д.* Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. СПб. : Симпозиум; Б. С. Г.-Пресс, 2001. 687 с.
13. *Малларме С.* Собрание стихотворений. М. : Художественная литература, 1990. 110 с.
14. *Мандельштам О. Э.* Полное собрание сочинений и писем : в 3 т. Т. 1. М. : Прогресс-Плеяда, 2009. 808 с.
15. *Метц К.* Воображаемое означающее. Психоанализ и кино. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 334 с.
16. *Петровская Е. В.* Боль повседневности // Электронный философский журнал Vox. 2016. № 20. URL: <https://vox-journal.org/content/Vox20/Vox20-PetrovskaiaE.pdf> (дата обращения: 19.06.2020). DOI: 10.24411/2077-6608-2016-00010.
17. *Петровская Е. В.* Послесловие // Поэзия как опыт / Ф. Лаку-Лабарт. М. : Три квадрата, 2015. С. 171–189.
18. *Платонов А. П.* Собрание сочинений : в 8 т. Т. 6: Сухой хлеб: Рассказы, сказки / сост. Н. В. Корниенко. М. : Время, 2012. 416 с.
19. *Рамачандран В. С.* Мозг рассказывает. Что делает нас людьми. М. : Карьера Пресс, 2014. 422 с.
20. *Сафонон Н.* Звучащие пустыни: шизоанализ, исследования звука и ингуманистическая экология // Stasis. 2019. Т. 7. № 1. С. 466–490.
21. *Скидан А.* Политическое/поэтическое // Сумма поэтики / А. Скидан. М. : Новое литературное обозрение, 2013. С. 286–294.
22. *Улитин П.* Макаров чешет затылок. М. : Новое издательство, 2004. 184 с.
23. *Aragon L.* Le Paysan de Paris. Paris: Gallimard, Le Livre de Poche, 1966. 256 p.
24. *Kounios J., Beeman M.* The Aha! moment: The cognitive neuroscience of insight // Current directions in psychological science. 2009. Vol. 18. No. 4. Pp. 210–216.

The principle of experimentation in the surreal code: the problem of the surreal image and the phenomenon of experience

O. S. Gorelov

PhD of Philological Sciences, associate professor, Ivanovo State University.
Russia, Ivanovo. ORCID: 0000-0001-5718-6588. E-mail: og-rus@inbox.ru

Abstract. The article deals with one of the key principles of the surrealist code of literature – the principle of experimentation. The relevance of the research is due to the need to develop a method for analyzing texts that show sufficient stylistic freedom, but at the same time belong to the same style field. The theory of style code (in our case, surreal), which is understood as an abstract structure that includes a set of principles and rules of implementation, just allows you to detect common settings of a variety of texts. The purpose of the article is to characterize the principle of experimentation and analyze the ways of its implementation in artistic writing. The subject of the study is the motivic and functional variations of the shift from the surreal image to the phenomenon of experience.

As a result of the study, it was revealed that in surrealist writing, the positions of irrational concreteness become particular manifestations of the shift from image to experience: narratives of evidence, statements, documentation, cataloging. Another important link of experimentation is the link to visuality in the diegesis of the artistic reality of surrealism. Visual experience is expressed through occultation, the motif of contemplation of the invisible, and the idea of brief naked or long but slowly exposed beauty from the second Manifesto of surrealism. The minimum gesture of visual experience is the contemplation of the invisible (ptyx-principle). Another motivic function of experimentation, which is repeatedly realized in the texts of the surrealist line, is the function of the auratic elusiveness of the subject-object in time. It is the result of a wonderful invisibility, the contemplation of the hidden. Constant referential and phenomenal doubt (the experience of contingency) unites the artistic realities of French surrealism, the texts of A. Platonov, S. Krzhizhanovsky, P. Ulitin, A. Dragomoshchenko, metarealist poets, as well as poets of modern times, in particular, G. Rymbu and V. Bannikov.

Keywords: subject, object, aura, style, literary code.

References

1. *Antologiya francuzskogo syurrealizma. 20-e gody* – Anthology of French surrealism. 20-ies / comp. S. A. Isaev, E. D. Galtsova. M. GITIS. 1994. 392 p.
2. *Benjamin V. O nekotoryh motivah u Bodlera* [On some motives in Baudelaire] // *Ozareniya – Insights* / V. Benyamin. M. Martis. 2000. Pp. 168–210.
3. *Breton A. Manifest syurrealizma* [Manifesto of surrealism] // *Nazyvat' veshchi svoimi imenami: Programmnye vystupleniya masterov zapadno-evropejskoj literatury XX veka* – To call a spade a spade: the keynote address of the masters of West-European literature of the XX century / comp. L. G. Andreev. M. Progress. 1986. Pp. 40–72.
4. *Brodskij I. Sochineniya Iosifa Brodskogo : v 7 t. T. 3* [The works of Joseph Brodsky : in 7 vol. Vol. 3]. SPb. Pushkin Fund. 2001. 312 p.
5. *Vozmozhnoe protiv real'nogo* – Possible vs. real // *Syurrealizm. Vozzvaniya i traktaty mezhdunarodnogo dvizheniya s 1920-h godov do nashih dnei* – Surrealism. Proclamations and treatises of the international movement from the 1920s to the present day / comp. Guy Girard. M. Gilea. 2018. Pp. 225–242.
6. *Geiro Zh. Tradiciya i vosstanie* [Tradition and rebellion]. Available at: http://hylaeva.ru/gayraud_tradition.html (date accessed: 20.06.2020).
7. *Deleuze J., Guattari F. Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [The thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia]. Yekaterinburg. U-Factoriya; M. Astrel. 2010. 895 p.
8. *Deleuze J., Guattari F. Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?] M. Academicheskij Project. 2009. 261 p.
9. *Dragomoshchenko A. Tavtologiya: Stihotvoreniya, esse* [Tautology: Poems, essays]. M. Novoye literaturnoe obozrenie. 2011. 456 p.
10. *Korchinskij A. V. Formanty mysli: Literatura i filosofskij diskurs* [Formants of thought: Literature and philosophical discourse]. M. Yazyki slavayanskoy kultury. 2015. 288 p.
11. *Krauss R. Fotograficheskie usloviya syurrealizma* [Photographic conditions of surrealism] // *Podlinnost' avangarda i drugie modernistskie mify* – Authenticity of the avant-garde and other modernist myths / R. Krauss. M. Khudozhestvenny Zhurnal. 2003. Pp. 97–722.
12. *Krzhizhanovskij S. D. Sobranie sochinenij : v 6 t. T. 1* [Collected works: in 6 vols. Vol. 1]. SPb. Symposium; B. S. G.-Press. 2001. 687 p.
13. *Mallarme S. Sobranie stihotvorenij* [Collection of poems]. M. Khudozhestvennaya Literatura. 1990. 110 p.
14. *Mandel'shtam O. E. Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 3 t. T. 1* [Complete collection of works and letters : in 3 vols. Vol. 1]. M. Progress-Pleiada. 2009. 808 p.
15. *Metc K. Voobrazaemoe oznachayushchee. Psihoanaliz i kino* [An imaginary signifier. Psychoanalysis and cinema]. SPb. European University in St. Petersburg. 2013. 334 p.
16. *Petrovskaya E. V. Bol' povsednevnosti* [Pain of everyday life] // *Elektronnyj filosofskij zhurnal Vox* – Electronic philosophical journal Vox. 2016. No. 20. Available at: <https://vox-journal.org/content/Vox20/Vox20-PetrovskayaE.pdf> (date accessed: 19.06.2020). DOI: 10.24411/2077-6608-2016-00010.
17. *Petrovskaya E. V. Posleslovie* [Epilogue] // *Poeziya kak opyt* – Poetry as experience lacoue-Labarthe. M. Tri kvadrata. 2015. Pp. 171–189.
18. *Platonov A. P. Sobranie sochinenij : v 8 t. T. 6: Suhoj hleb: Rasskazy, skazki* [Collected works : in 8 vols. Vol. 6: Dry bread: Stories, tales] / comp. N. V. Kornienko. M. Vremya. 2012. 416 p.
19. *Ramachandran V. S. Mozg rasskazyvaet. Chto delaet nas lyud'mi* [Brain tells. What makes us human]. M. Kar'era Press. 2014. 422 p.
20. *Safonov N. Zvuchashchie pustyni: shizoanaliz, issledovaniya zvuka i ingumanisticheskaya ekologiya* [Sounding of the desert: sezoanele, sound studies and inhumanities ecology] // *Stasis* – Stasis. 2019. Vol. 7. No. 1. Pp. 466–490.
21. *Skidan A. Politicheskoe/poeticheskoe* [Political/poetic] // *Summa poetiki* – Amount of poetics / A. Skidan. M. Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. Pp. 286–294.
22. *Ulitin P. Makarov cheshet zatylok* [Makarov scratches his head]. M. Novoe Izdatelstvo. 2004. 184 p.
23. *Aragon L. Le Paysan de Paris*. Paris: Gallimard, Le Livre de Poche, 1966. 256 p.
24. *Kounios J., Beeman M. The Aha! moment: The cognitive neuroscience of insight* // *Current directions in psychological science*. 2009. Vol. 18. No. 4. Pp. 210–216.

Итальянское искусство в поэзии Жозефины Пастернак

А. В. Марков

профессор, Российский государственный гуманитарный университет.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-6874-1073. E-mail: markovius@gmail.com

Аннотация. В поэзии Жозефины Пастернак образы западного искусства оказываются частью размышлений о природе памяти, влюбленности и любви. Внимательное чтение стихов и атрибуция упомянутых произведений позволяет объяснить предложенную поэтессой концепцию жертвенной любви. Вскрываются основные опорные точки этих размышлений: наследие Микеланджело и Бронзино, Пасха в Италии и туристическая индустрия. Музейные впечатления в ее стихах дополняют туристические, раскрывая профессиональную любовь художника к произведению. В этих стихах проводится определенный метод вживания в судьбу художника и в те обстоятельства, в которых он вынужден был действовать.

Как и для Бориса Пастернака, для Жозефины Пастернак важны не эмоции при встрече с искусством, а понимание общих законов художественного творчества, влияющих на восприятие социальной жизни и истории. Только в отличие от Бориса Пастернака, внимательного к переломным эпохам, Жозефина Пастернак исследует роль творчества в спокойной повседневности. Ключом к ее стихам становится ее философское исследование логики Сократа и Аристотеля. Жозефина Пастернак доказала, что силлогистике Аристотеля предшествовали различные визуальные подходы к личности Сократа, который создал ответственное высказывание. В стихах она применяет это свое историко-философское открытие к изобразительному искусству. Согласно мысли поэтессы, культура Ренессанса требовала различать влюбленность и любовь, и это различие создало более глубокое понимание памяти. Давид Микеланджело, Иоанн Креститель Пьеро делла Франческа и Христос Бронзино обладают для нее теми же свойствами, что Сократ, как равно требующие от искусствоведа создавать ответственные высказывания. Поэтому внимание к музейной ценности и незаметным особенностям произведений позволяет Жозефине Пастернак лирически представить миссию художника как создателя ответственной памяти о подлинной любви, значимой для всей вселенной.

Ключевые слова: Жозефина Пастернак, Микеланджело, Бронзино, экфрасис, живопись, Ренессанс.

Жозефина Леонидовна Пастернак (1990–1993) обладала особой одаренностью: значительно уступая своему великому брату в изобретательности, она равнялась с ним в открытости разным культурам, знании разных языков и разных форм культурного выражения, что отвечало и распределению ролей в семье, введенному Л. О. Пастернаком [1], и неожиданной роли философии для продолжения самоопределения братьев и сестер в этой семье друг по отношению к другу [15], к ценностям друг друга [14, с. 405] и даже мировоззренческим позициям [13, с. 285]. Такая живая эрудиция, требующая уметь ориентироваться в разных культурных мирах, опиралась на опыт предшествующих русских поэтов, что мы видим в ее стихах, многие из которых, особенно посвященные городам, развивают готовые мотивные комплексы вместе с их ритмическим сопровождением. Например, в строках стихотворения «Лука» [7, с. 31] «Мамонт без клыков и жизни, / Незаконченный собор. / Верный готике, эскизный / Безошибочный набор» нельзя не узнать хорей «Поездки в Ассизи» Михаила Кузмина (с прямыми параллелями, например, в изображении ненасильственного обращения с природой: «Жизни здесь не погоняют» как соответствие кузминскому-францисканскому «Довезет веселый ослик»). Стихотворение «Дольдельберг» [8, с. 24] с его романсовыми оборотами и ритмами, «Не знаю почему – в моем воспоминаньи / Мне чистый город этот – символ пустоты, / Необъяснимого, без встречи, расстаиванья – / Быть может потому, что отвернулся ты...» легко напоминает образы и обороты фетовского «Сияла ночь. Луной был полон сад...». Или стихотворение «Штарнберг» [7, с. 44], посвященное трагической кончине Людвига II на озере, сразу же напоминает о мотивах русского символизма: «Озера шири ширь и рознь / А это вольное как море, – / И если жизнь морочит – брось! / Смерть восстановит правду в споре» – такие повелительные призывы, обобщающие всё содержание жизни, сразу напоминают «Валерию Брюсову» Блока: «А красотой без слов повелено...» Тем самым для Жозефины Пастернак встреча с городами Европы была способом восстановить культурную память о сложных эмоциях и

переживаниях, которые уже нашли свою дикцию в русской поэзии, но которые именно поэтому нельзя сводить к развитию готовых сюжетно-мотивных комплексов – наоборот, столкнувшись с ни на что не похожим городом, надо заново собрать те мотивы, которые определяли эмоциональные режимы межличностных отношений, важных и для предпосылок романного строя Бориса Пастернака [2, с. 29], и тех способов передачи впечатлений искусства, которые нашли окончательную реализацию в романе, не археологического, а жизнетворческого типа [10, с. 27; 11, с. 59; 12, с. 105].

Некоторые стихи Жозефины Пастернак предвосхищают увлечения позднего Пастернака, например, строки «Не лейкой, ноктюрном Шопена Левкой, табак, резеду / Во тьме поливали, и пена / Не таяла долго в саду» [7, с. 53] ритмически напоминают «Средь шумного бала, случайно...» А. К. Толстого, но конечно, подсказывают нам образ Шопена у Пастернака («Во всем мне хочется дойти...»). А строки [7, с. 55]:

В круженьи снежинок бесшумном
Земля обручается небу,
И мягко сгребаются думы
У церкви Бориса и Глеба.

– сразу напомнят любому читателю Б. Л. Пастернака о географическом расположении сюжета его «Вакханалии». Можно говорить здесь о музыкальном переживании пространства как предпосылке новой психологической лирики [4, с. 84; 5, с. 22–24], общей для брата и сестры при всех прочих различиях. Главным различием можно считать то свойство, которое уже отмечалось для эмигрантской лирики [6, с. 619] – отказ от переживания переломных эпох как главного ресурса вдохновения в пользу перебора в воспоминаниях знакомых и экзотических пространств.

Будучи разносторонне одаренной женщиной, Жозефина Пастернак написала философскую диссертацию «Неопределимость: очерк философии познания», недавно переведенную на русский. Этот труд был признан необходимым вкладом в философскую дискуссию, и нам он важен тем, что в нем зрительная память противопоставляется простой ассоциативной памяти, основанной на силлогизмах. Пастернак прямо говорила, что в создании силлогистики Аристотель был «движим грамматическими соображениями» [9, с. 347] и что силлогистика не может правильно направлять мышление, а обладает разве некоторым потенциалом верификации [9, с. 404]. При этом она заметила, что Аристотель хотел «обуздать *сам процесс мышления*» [9, с. 403], и на следующей странице иронизирует, что если бы Сократ и Аристотель были современниками, никакой силлогистики мир не узнал, потому что Сократ ее бы высмеял, «как высмеял многие фантомы, плоды мышления, ведомого желанием» [9, с. 404], и «бестселлер из Стагиры» [5, с. 369] не состоялся бы.

Аристотель, по мнению Пастернак, руководствуется в выстраивании аргумента «Все люди смертны, Сократ смертен...» визуальным от противного: «Трудно зрительно представить бессмертных людей, и точно так же трудно зрительно представить бесконечность» [9, с. 391], сведением визуальной памяти к чистым функциям сравнения возможности или невозможности взвешенного суждения. Но Пастернак до этого уточнила, что смертность Сократа просто интереснее, чем внешность Сократа, «[п]о очевидным причинам» [9, с. 389]. Таким образом, согласно философской позиции Жозефины Пастернак, правильное мышление, не сводящееся к силлогизмам, основано на некоторой визуальной двуслойности: сначала мы замечаем внешние черты Сократа, но потом замечаем (и вполне зримо), и что Сократ может умереть. Сначала мы видим нечто, заставляющее нас влюбиться, пробуждающее влюбленность, а потом уже видим и жертвенность, и ответственность, и вечное значение фигуры Сократа. Объединяет эти два слоя, влюбленности и любви, только общее напряжение Сократа, готового помнить себя и познавать себя, напряженно знать себя и как бы парадоксально восходить выше себя самого, хотя силлогистика Аристотеля и должна была как бы упразднить все эти парадоксы. Но спор с Аристотелем и позволил Жозефине Пастернак открыть искусство по-новому, и ее стихи выглядят как раскрытие в образах тех принципов рассуждения о роли ответственного мыслителя, которые в ее философском труде даны в понятиях.

Чтобы понять смысл отсылок к искусству в поэзии Жозефины Пастернак, следует сначала определить, как она соотносила в поэтическом изображении пластические искусства с другими, а затем понять, в чем для нее состояла специфика восприятия итальянского искус-

ства в итальянском путешествии, – чем рассмотрение его на месте создания отличалось от знакомства с ним в музее или по репродукциям. На первый вопрос ответить легче всего, потому что музыкальные мотивы в стихах Жозефины Пастернак часты, но связываются со вполне определенным комплексом впечатлений, блокирующим другие чувства кроме слуха – с темной зимней ночью, вообще с невидимым полумраком, с зимним жаром и бессонницей в жар, когда разве слышны непонятные звуки. Так, музыка Моцарта сравнивается с проповедью Предтечи (а значит, с зимним праздником Крещения) «в полуночном Зальцбургском мраке» [7, с. 35], а Шуман вызывает в памяти «банкеты января» [8, с. 38]. Такой мрачный и зимний ландшафт музыкального исполнения требует понимать живопись и вообще пластические искусства как наслаждение зрения после долгого перерыва, иначе говоря, вписывать в контекст весны, что мы и видим в ее стихах итальянского путешествия, где действие происходит весной.

Второй вопрос усложнен тем, что и в стихах о путешествиях могут вполне упоминаться как непосредственные зрительные впечатления, так и опосредованные способы обращения с искусством, такие как покупка репродукции и рассматривание ее в дороге. Другими словами, определенные формы памяти, позволяющие правильно прочитывать произведение уже после того, как ты расстался с его непосредственным впечатлением, оказываются не менее важны, чем ощущение Италии с ее культурной атмосферой. Но мы видим, что и стихи, посвященные музейным экспонатам, судя по всему, увиденным только на репродукции, подразумевают не столько оживление изображенного, сколько размышление об аффектах, тех эмоциях, носителями которых являются эти произведения как хранители памяти. Многослойности существования произведения, которое известно и как оригинал, и как растиражированная репродукция, отвечает многослойность памяти. Это мы видим в стихотворении «Барельеф из Парфенона» [7, с. 46], где описывается барельеф «Задумавшаяся Афина» (в англоязычной традиции – Mourning Athena, скорбящая Афина), найденный на Акрополе в 1888 году и с тех пор находящийся в музее, при этом тиражируемый во многих книгах о древнегреческой культуре как образец высокой классики. Стихотворение представляет собой риторический диалог, который должен ответить на вопрос, почему смелая богиня, «на всё глядящая в упор», потупила взгляд. Ответ оказывается двойным, двуэтапным: для женщин-воительниц очень тяжела как первоначальная влюбленность в стремлении первого шага навстречу мужчине, так и уже необоримая страсть. Первая «смерть» выделяет женщину из среды других «Ев», обособляя ее индивидуальность, а вторая «смерть» несовместима с верностью, требуя подражать не хранительнице семейного очага Гере, но любвеобильному Зевсу:

Пусть умирают амазонки дважды
(Брунгильды сон, Пентезилеи гнев):
Смерть первая: сражающая жажда,
И утоление – не по рецепту Ев –

Вторая смерть. Их шлем тяжеле рока,
Бумаги – легче. Скинуть! страсть, бери!
(Но и любовь не служит им уроком
И Зевса чтят, не Геры алтари).

Таким образом, скорбь Афины выводится из ее природы: будучи мыслью Зевса, рожденная из ее головы, она не может не видеть страдания всех женщин и не печалиться о них, не сочувствовать, если настоящая мысль мыслит обо всем. Поэтому получается, что существование Афины на репродукции оказывается необходимым для того, чтобы видеть, как именно она высечена, рассматривать отрешенно артефакт и тем самым отмечать, что есть в этой стеле не только эмоция, но и вполне определенный замысел художника, мысль о мысли:

Но Зевса дочь ... тебя ль коснулось пламя
Нечистое – земнорожденных чад?..
– Такой тебя художник высек в камне,
Главой к плечу (куда, куда руками!)
С Олимпа увидавшей ад.

Такая двуслойность восприятия, открывающего тайну ремесла, а значит, соответствие художественной идеи произведения более глубокой идее жизненного предназначения женщины,

представлена и в итальянских стихах, рассказывающих как будто о непосредственном туристическом опыте. Так, в итальянских стихах сложная система указаний на невыразимое в атмосфере страны, на то, что не передашь искусством, должна произвести сам эффект столкновения с реальностью. Образ Тосканы открывается «Приездом» [8, с. 40], где обыгрывается имя Флоренции как цветущей. При этом образность Флоренции задается культурными смыслами отдельных символов: «молоко, смущенное клубникой» – молоко ассоциируется явно с изобилием и полнокровностью жизни, клубника – с любовным жаром, от которого «закипает кровь». Эти культурные символы группируются вокруг общего образа Флоренции как «зеркала Италии» [3]: «Левкой – в зеркале» сразу должны напомнить о весеннем цветении в Средиземноморье, опять же о цветущей Флоренции и о небывалой яркости цветов как таковых. Но кроме весенних впечатлений юга в этой Флоренции, погруженной «в цвета... и в аромат», есть и образы живописного искусства: если тосканская даль «подобно крыльям птицы / Трепещущая, сизая» – то она напоминает sfumato ренессансной живописи, причем поэтесса говорит, что это настоящее sfumato, настоящую зимнюю дымку, как и весеннюю зелень, нельзя передать в искусстве, она не вмещается ни в какую раму, даже в раму окна: «к окну / Не подходящая, сквозящая». Таким образом, Флоренция оказывается двуслойной: есть некоторая совокупность символов, которые сразу внушают определенные эмоции и настроение, но есть и общая мысль о невыразимости духа Флоренции в искусстве, даже если вся необходимая атрибутика живописной оптики, такая как зеркала, окна, рамы, соблюдена.

В дальнейших стихах о Флоренции достигается особое взаимопроникновение образов, основанное на метафоризации значительной части архитектурных, живописных и прочих туристических впечатлений. При этом ключевой образ, наиболее фантастический, как оказавшийся в центре такой метафоризации, также показывает как величие искусства, так и невозможность для искусства выразить подлинное душевное напряжение. Так, в стихотворении «Пиццале Микеланджело» [8, с. 41] площадь отождествляется с морским простором, а собор – с кораблем:

Подплывает, чаруя смещеньем,
Проглотивший пространство собор.

Две метафоры – море и корабль – поддерживают друг друга, и нельзя сказать, как именно одна вытекает из другой – они требуются обе. Туристические открыточные впечатления сменяют друг друга («И один за другим подниматься / Соберутся то церковь, то дом» – что дальше поддерживает образы морского простора и корабля!), но дальше появляется описание статуи Давида, как третьего предмета, который усиливает эти метафоры: его дыхание уже не морское, а океанское, он уже высится среди моря как зов, вроде маяка, способного выдержать все ветры, и некоторая двусмысленность отдельных сравнений (гордость Иеговы – это Давид прославляет Иегову или Иегова гордится Давидом? – первое больше соответствует библейскому духу, а второе – русским функциям падежей) только усиливает общее впечатление:

– Среди однообразья морского
Этой площади – зов, монолит:
Обернитесь же! гордость Иеговы:
Совершенство: библейский Давид.

Одарен океанским дыханьем
Непорочно разлившийся круг.
Терпеливо к ветрам изваянье,
Тело – скромно натянутый лук.

«Псалмопевец, собою одетый» оказывается самодовлеющим образом, выражающим способность искусства к предельному напряжению при виде совершенства. Давид как бы становится сам себе искусством, причем недостижимым искусством, искусством, недостижимым для самого себя, поэтому он и сравнивается с натянутым луком. Такой образ искусства, пытающегося подняться выше себя самого, позволяет дальше ввести новый способ для образов поддержать друг друга, указать на то, что искусство видит само себя в каком-то другом искусстве, и это оказывается фоном для разыгрывающейся любовной драмы, где уже не просто два образа поддерживают друг друга энергией своей метафоричности, но возлюбленные про-

должают роман благодаря энергии памяти. А именно в стихотворении «Пицца Сантиссима Анунциата» [8, с. 43] описывается довольно поздний, начала XVII в., памятник Фердинанду Медичи: «Бронзовый всадник стоит – взором к окну», «Полуоткрыто с тех пор / (всадника воля) окно». Такое искусство, которое заглядывает в окно, оказывается вписано в некоторую рамку восприятия, есть лишь условное обозначение места, где возлюбленные находят друг друга взглядом. В начале стихотворения арки на этой площади отождествляются со вздохами, в галерее происходит томительное ожидание и длительность времени ожидания соотносится с удаляющейся перспективой арок. Но статуя напоминает, что это свидание уже состоялось, сколь бы оно ни казалось невозможным, и теперь нужна память, которая по какой-то репродукции, связанной с этой площадью, восстановит ход любовного свидания.

Это и происходит в следующем загадочном стихотворении [8, с. 44], открывающемся с упоминания репродукции Бронзино, не названо какой:

Вот репродукция Бронзини.
И полицейский – Аполлон.
И неизменно темных пиний
Ничем не омраченный фон.

Их неизменна складка мантий.
В тарелке шляпе – иезуит.
Бутыл огромная кьянти
На таратайке дребезжит.

Весенний дождик сладко реет,
Поит глициний торжество.
И Аполлон, и портупея,
И пиний темно-серый ствол.

Еще не понимая, почему полицейский сравнивается с Аполлоном и зачем понадобилось имя Бронзино, о котором обычно знают в основном специалисты, мы узнаем признаки тосканских имений: пинии, которые обязательно растили как величественные деревья, глицинии как фиолетовый цветок Тосканы, такой же ее символ, как лаванда для Прованса, и, конечно, сосуд кьянти. Мы выехали из города с сувенирами, но что происходит в самом стихотворении?

Всё встает на свои места, если мы поймем, что здесь продолжается тема церкви Сантиссима Аннунциата, как места встречи возлюбленных, для которой Бронзино и написал алтарный образ Воскресения Христова (Сошествия во Ад), все художественные решения которого были подсказаны потрясшим художника Страшным Судом Микеланджело. Глициния цветет в апреле, на Пасху, тогда же бывают мелкие дожди. Получается, что повествовательница покидает город после Пасхи, уже воскресший город, город воскресения. Вне календаря у нас была бы память о романе юноши и девушки, но остается память о воскресении в виде гравюры. Таким образом, религиозное ренессансное искусство, начиная с Давида Микеланджело, оказывается функцией такого переживания Пасхи как итога итальянского паломничества.

Сопряжение Бронзино и Микеланджело продолжено стихотворением «Пиета (Микеланджело)» [8, с. 45–47], представляющим собой драматический миракль, в котором мир назван «[м]аленькая каменная кукла», «без лица и без мыслей», что вызывает ассоциацию с Бронзино в Уффици, где экспонируются его детские портреты Медичи. Раз имя Бронзино прозвучало, поэтесса не могла о нем не думать. Но также и стихотворение «Пистоя» [4, с. 48] требует видеть в городе пестрый рынок и рыночную корзинку, «узор арабески». Арабеска могла возникнуть как ассоциация с мавританской Испанией, потому что через Пистую шел путь паломников из Рима в Сантьяго-де-Компостелла, отвоеванный у арабов еще в 750 году, но эта ассоциация менее обязательная, чем цветные расшитые одежды Бронзино, как полная противоположность белому мрамору Микеланджело.

Как мы говорили, встреча с музеем и репродукцией требует особой двуслойности ассоциаций, история влюбленности как вдохновения и история любви как памяти, которая решается в собственной позиции изображаемого лица. Стихотворение «Крещение (Пьеро де ла Франческа)» [8, с. 64–65] описывает лондонскую картину, говорит о встрече в галерее. В первой части стихотворения дается традиционный экфрасис с указанием на такие детали,

как густота листьев, общая статичность композиции со стволом дерева в центре, неизвестное лицо, смиренно готовое принять крещение, особенности крещального ковша и обмелевший до самого дна Иордан:

Листья чернее гнева.
Тише рассветов ствол.
Голубь простертый и слева:
Покорности естество.
Смирение. Медной тарелкой
Бога покрыл человек.
Бледно намечен и мелко
Уровень неба и рек.

Единственное для нас, зрителей, – этот человек, снимающий покорно рубаху перед крещением, стоит справа, а не слева. Но здесь появляется главная тема – художник и создает ту рамку восприятия, которая и позволяет понять главные эмоции. Если дерево раскидисто, оно будет напоминать о гневе, а если небо взято в полукруг алтарной рамы, то оно тоже кажется мелким, как и река, оно не может уйти в глубокую даль, схваченное этим обручем. Но за первой частью, говорящей о власти художника, о влюбленности художника в свое произведение, появляется вторая часть, говорящая о любви:

Иоанн! Черный мужик!
Слушайся гласа! Служи.
Сын тебе темному внемлет.
Благословляет землю.
Да будет воля Отца.

Ты думаешь, надо? Крести!
Сын и это готов снести:
Теплой водицы грязь,
Духа Святого вязь.
Да будет воля Отца.

Ангелы встали топорно,
Сузился Бог покорно:
Отец Небесный! стою
На самом краю
У вод Иордана
Под дланью Иоанна.
Да будет воля Твоя.
Упруга, Отец, земля.
Да будет воля Твоя.

Любовь раскрывается здесь как постоянное действие воли Бога, готового к самопожертвованию по законам искусства, готового «сузиться покорно». Определение «черный мужик» для Иоанна Крестителя очень странное – на картине он смуглый, но не похож на мужика. Конечно, имеется в виду его борода и длинные волосы, «черный» в значении заросший волосами. Также и слова об ангелах «встали топорно» могут удивлять, потому что написаны они весьма искусно, но скорее всего речь идет о том, что они на картине как будто водят хоровод – отсюда ассоциация с народом, с теми же мужиками и с топорностью. Таким образом, речь идет здесь о том, что художник должен преодолевать множество трудностей, быть готовым к грязной предварительной работе, и только тогда чистая высшая воля исполнится. Образы Иоанна и ангелов как крестьян, а крещения – как грязной работы, вроде работы на земле, выражают то, с чем приходится иметь дело художнику, которого только постоянная любовь, а не мимолетная влюбленность в предмет, может направить к созданию совершенного произведения. Итак, как только мы вновь попадаем из-под неба Италии в музей или в альбом, мы говорим уже не о пережитой любовной драме, а об ответственности художника за произведение, о художнике как о мыслящем, о мысли Афины и мысли Иоанна Крестителя. Так и в третьей части наконец появляется взгляд Иоанна на ситуацию, именно Иоанн, как прежде Афина и Давид, оказывается напряжен:

Партиколаре. Частичка.
А замысел в ней.
Кисть авансцены кличка.
Приманка. Христос плотней
Булки из сонных пекарен.
Скучный Иоанн педагог.
Замысел сзади: парень,
Который не смог
Прикосновенья рубашки
К телу снести.
Брось, Иоанн, замашки!
Иди рядового крестить.

В этом сложном на первый взгляд финале сочетается две напряженные памяти: память о воскресшем Христе в хлебе и память о самом крещении как крещении «рядового». Иоанну нужно было крестить Иисуса как любого другого человека, сколько бы он ни отказывался, признавая пророческую силу Иисуса, он должен был тем самым перейти от напряжения отказа к особому напряжению, возвыситься до собственной непорочности. И как замысел Афины – это сострадание к женщинам, так и здесь замысел Иоанна как скучного педагога – это спасение всех благодаря частицам Евхаристии, благодаря подобиям, как бы репродукциям, но которые на самом деле и оказываются подлинными частицами. Кажется, что они «из сонных пекарен», что память спит, но на самом деле память оказывается самым живым ощущением того замысла, который настигает «сзади», застаёт врасплох. Как и в итальянских стихах память о Бронзино оживает как свидетельство о Пасхе, так и здесь память о евхаристическом хлебе оживает как освящение материи. Художнику надо бросить замашки и стать настолько сострадательным, чтобы вся материя его творчества освятилась.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Жозефина Пастернак как философ открыла двуслойность визуального акта, от влюбленности к любви, и доказала, что фигура Сократа и является фигурой ответственности за правильность любви как метода познания. В стихах, посвященных искусству, она говорит о такой же влюбленности и любви на фоне образов искусства и образов церковного календаря, находя в «Давиде» Микеланджело и живописи Бронзино необходимые ресурсы для создания нужных режимов зрения. При этом если мы перемещаемся из-под неба Италии в мир репродукций и музеев, мы уже говорим не об ответственности художника, превращающей любовный роман в общее переживание новой жизни после Пасхи, а об ответственности самих изображаемых лиц, таких как Афина и Иоанн Креститель, за человеческие страдания и их преодоление в особом напряжении, превращающем любого человека в художника хотя бы на уровне мысли, освящающего всю материю искусства как общее достояние человечества.

Список литературы

1. *Акимова А. С.* Художественный мир Л. О. Пастернака и поэтика Б. Л. Пастернака // *Объятие в тысячу охватов.* М., 2013. С. 27–39.
2. *Арустамова А. А.* Художественный мир романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» // *Литературное краеведение в школе.* Пермь, 2018. С. 160–177.
3. *Данилова И. Е.* Цветок Тосканы, зеркало Италии. Флоренция XV века: голоса современников. М. : РГГУ, 1994. 32 с.
4. *Иванов В. В.* О воздействии «эстетического эксперимента» Андрея Белого (В. Хлебников, В. Маяковский, М. Цветаева, Б. Пастернак) // *Философия. Литература. Искусство.* Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Александр Скрябин. М., 2013. С. 79–113.
5. *Колотаев В. А.* Фотоискусство как система поэтически эксплицируемых репрезентаций // *Артикульт.* 2017. № 1 (25). С. 18–32.
6. *Марков А. В.* Между викторианством, ар-нуво и ар-деко. Экфрасис в блоковской линии поэзии русской эмиграции // *Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения: материалы конференции.* Седльце, 2018. С. 617–634.
7. *Пастернак Ж.* Координаты: Стихи. Берлин : Петрополис, 1938. 84 с.
8. *Пастернак Ж.* Памяти Педро: [Стихи]. Paris: Ymca-Press, 1981. 109 с.
9. *Пастернак Ж.* Хождение по канату: мемуарная и философская проза, стихи. М. : Три квадрата, 2010. 543 с.
10. *Седакова О. А.* «Вакансия поэта»: к поэтологии Пастернака // «Быть знаменитым некрасиво...» Пастернаковские чтения. Вып. I. М. : Наследие, 1992. С. 24–30.

11. Седакова О. А. Апология разума. М.: МГИУ, 2009. 138 с.
12. Суханова И. А. Интермедиальные связи стихотворений Б. Л. Пастернака «Рождественская звезда» и «Магдалина» с произведениями изобразительного искусства // Ярославский педагогический вестник. 2000. № 2. С. 101–106.
13. Шмаина-Великанова А. И. Поэзия как выход из богословского тупика: «Доктор Живаго» и его последствия // Наше положение: образ настоящего. М., 2000. С. 280–291.
14. Шмаина-Великанова А. И. Письмо друзьям о похоронах Е. Б. Пастернака // Объяты в тысячу охватов. М., 2013. С. 405–409.
15. Шмаина-Великанова А. И. Сестра. Переписка Ольги Фрейденоберг и Бориса Пастернака // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 4. С. 99–116.

Italian art in the poetry of Josephine Pasternak

A. V. Markov

Professor, Russian State Humanitarian University.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-6874-1073. E-mail: markovius@gmail.com

Abstract. In the poetry of Josephine Pasternak, images of Western art are part of reflections on the nature of memory, infatuation and love. Careful reading of the poems and attribution of the mentioned works allows us to explain the concept of sacrificial love proposed by the poetess. The main reference points of these reflections are revealed: the legacy of Michelangelo and Bronzino, Easter in Italy and the tourism industry. The museum impressions in her poems complement the tourist ones, revealing the artist's professional love for the work. In these verses, a certain method of getting used to the fate of the artist and the circumstances in which he was forced to act is carried out.

As for Boris Pasternak, for Josephine Pasternak, it is not emotions that are important when encountering art, but an understanding of the general laws of artistic creativity that affect the perception of social life and history. Only unlike Boris Pasternak, who is attentive to critical epochs, Josephine Pasternak explores the role of creativity in a quiet everyday life. The key to her poems is her philosophical exploration of the logic of Socrates and Aristotle. Josephine Pasternak proved that Aristotle's syllogism was preceded by various visual approaches to the personality of Socrates, who created a responsible utterance. In poetry, she applies this historical and philosophical discovery to the visual arts. According to the poetess, Renaissance culture required a distinction between love and infatuation, and this distinction created a deeper understanding of memory. Michelangelo's David, Piero della Francesca's John the Baptist, and Bronzino's Christ have for her the same properties as Socrates, as well as requiring the art critic to create responsible statements. Therefore, attention to the museum value and inconspicuous features of the works allows Josephine Pasternak to lyrically present the artist's mission as the Creator of a responsible memory of true love, significant for the entire universe.

Keywords: Josephine Pasternak, Michelangelo, Bronzino, ecphrasis, painting, Renaissance.

References

1. Akimova A. S. *Khudozhestvenny Mir L. O. Pasternak I poetika B. L. Pasternak* [Artistic world of L. O. Pasternak and the poetics of B. L. Pasternak] // *Ob'yat'e v tysyachu ohvatov* – Embrace in a thousand circumferences. M. 2013. Pp. 27–39.
2. Arustamova A. A. *Hudozhestvennyj mir romana B. Pasternaka "Doktor Zhivago"* [Artistic world of the novel of Boris Pasternak "Doctor Zhivago"] // *Literaturnoe kraevedenie v shkole* – Literary study of local lore at school Perm. 2018. Pp. 160–177.
3. Danilova I. E. *Cvetok Toskany, zerkalo Italii. Florenciya XV veka: golosa sovremennikov* [Flower of Tuscany, mirror of Italy. Florence of the XV century: voices of contemporaries]. M. RSHU. 1994. 32 p.
4. Ivanov V. V. *O vozdeystvii "esteticheskogo eksperimenta" Andrey Belogo (V. Hlebnikov, V. Mayakovskij, M. Cvetaeva, B. Pasternak)* [On the impact of the "aesthetic experiment" of Andrei Bely (V. Hlebnikov, V. Mayakovsky, M. Tsvetaeva, B. Pasternak)] // *Filosofiya. Literatura. Iskusstvo. Andrej Belyj, Vyacheslav Ivanov, Aleksandr Skryabin* – Philosophy. References. Art. Andrey Bely, Vyacheslav Ivanov, Alexander Scriabin. M. 2013. Pp. 79–113.
5. Kolotaev V. A. *Fotoiskusstvo kak sistema poeticheski ekspliciruemykh reprezentacij* [Photo art as a system of poetically explicable representations] // *Artikul't* – Articult. 2017. No. 1 (25). Pp. 18–32.
6. Markov A. V. *Mezhdru viktorianstvom, ar-nuvo i ar-deko. Ekfrasis v blokovskoj linii poezii russoj emigracii* [Between victorianism, art Nouveau and art Deco. Ecphrasis in the line of Blok's poetry of the Russian emigration] // *Teoriya i istoriya ekfrasisa: itogi i perspektivy izucheniya: materialy konferencii* – Theory and history of ecphrasis: results and prospects of study: conference proceedings. Siedlce. 2018. Pp. 617–634.
7. *Pasternak Zh. Koordinaty: Stihi* [Coordinates: Poems]. Berlin. Petropolis. 1938. 84 p.
8. *Pasternak Zh. Pamyati Pedro: [Stihi]* [In Memory of Pedro: [Poems]]. Paris. Ymca-Press. 1981. 109 p.

9. Pasternak Zh. *Hozhdenie po kanatu: memuarnaya i filosofskaya proza, stihi* [Walking on a tightrope: memoir and philosophical prose, poems]. M. Three squares. 2010. 543 p.
10. Sedakova O. A. "Vakansiya poeta": k poetologii Pasternaka ["Vacancy of the poet": to the poetology of Pasternak] // "Byt' znamenitym nekrasivo..." Pasternakovskie chteniya – "To be famous is ugly..." Pasternak's readings. Is. I. M. Nasledie. 1992. Pp. 24–30.
11. Sedakova O. A. *Apologiya razuma* [Apology of reason] M. MSIU. 2009. 138 p.
12. Suhanova I. A. *Intermedial'nye svyazi stihotvorenij B. L. Pasternaka "Rozhdestvenskaya zvezda" i "Magdalina" s proizvedeniyami izobrazitel'nogo iskusstva* [Intermedial connections of B. L. Pasternak's poems "The Christmas star" and "Magdalene" with works of fine art] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* – Yaroslavl pedagogical herald. 2000. No. 2. Pp. 101–106.
13. Shmaina-Velikanova A. I. *poeziya kak vykhod iz bogoslovskogo tupika: "Doktor Zhivago" I ego posledstviya* [Poetry as a way out of the theological impasse: "Doctor Zhivago" and its consequences] // *Nashe polozhenie: obraz nastoyashchego* – Our position: the image of the present. M. 2000. Pp. 280–291.
14. Shmaina-Velikanova A. I. *Pis'mo druz'yam o pohoronah E. B. Pasternaka* [Letter to friends about the funeral of E. B. Pasternak] // *Ob'yat'e v tysyachu ohvatov* – Embrace in a thousand circumferences. M. 2013. Pp. 405–409.
15. Shmaina-Velikanova A. I. *Sestra. Perepiska Ol'gi Frejdenberg i Borisa Pasternaka* [Sister. Correspondence between Olga Freudenberg and Boris Pasternak] // *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* – Herald of RSHU. Series: History. Philology. Cultural studies. Oriental studies. 2017. No. 4. Pp. 99–116.

Концепция жертвы в системе образов в романах Пьера Буало и Тома Нарсежака

И. О. Бельский

аспирант кафедры зарубежной литературы,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.
Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: igor.belskiy.94@mail.ru

Аннотация. Целью данной статьи является анализ концепции «романа о жертве», выдвинутой Пьером Буало и Томом Нарсежаком, на примере ее воплощения в романах «Та, которой не стало» (1952) и «Из мира мертвых» (1954). Основные задачи: рассмотреть систему образов, принципы создания саспенса и особенности организации пространства и времени в романах французских писателей, описать трансформацию детективной традиции, изменение жанровых констант (элемент преступления, наказание, тип героя-сыщика). Для решения данных задач были использованы такие методы, как компаративный и структурный анализ, синтез.

В результате проведения данной работы представлен вывод о том, что центром повествования в произведениях Буало и Нарсежака становится история героя-жертвы. Также отмечается усложнение элемента разгадки, содержащей рациональную и мистическую трактовку событий. Лейтмотивами в рассматриваемых романах становятся поражение «маленького человека», тема безумия, слабости личности, тотальная разобщенность общества, утрата самоидентичности. Детективная схема является многоплановой благодаря использованию литературных аллюзий и реминисценций из античной мифологии (Миф об Орфее и Эвридике). Авторы идут по пути изменения и даже разрушения структуры классического детектива. В результате в финале нет традиционного торжества сыщика, олицетворяющего рациональное начало. Трансформации подвергается система образов. Классическая триада «жертва, сыщик и преступник» отсутствует. Роль сыщика и жертвы отныне может быть отведена одному персонажу, сыщик не всегда оказывается способен проникнуть в тайну и найти истину. В ходе исследования выделяются отличительные черты «романа о жертве»: сочетание реального (рационального) и фантастического (мистического), углубленный психологизм, личностный тон повествования, наличие в центре «героя-жертвы», мрачные, давящие пейзажи, отсутствие традиционного хеппи-энда.

Ключевые слова: французский детектив, криминальная литература, социально-психологическая модель, «роман о жертве».

Французские писатели Пьер Буало (Pierre Louis Boileau) и Пьер Робер Эро (Pierre Robert Augaud), известный под псевдонимом Том Нарсежак, совместно создали более 50 детективных романов. Расцвет творчества каждого приходится на послевоенный период. С начала 1950-х годов они становятся соавторами. Значительный вклад эти авторы вносят и в теорию жанра. В интервью неоднократно Буало и Нарсежак отмечают, что их задача заключается в создании нового типа детективного романа [5]. Интерес к мистической литературе в сочетании с классической загадкой, по их мнению, может дать новую жизнь жанру. Ими было написано эссе «Детективный роман» («Le roman policier», 1966), которое впоследствии легло в основу одноименной книги, посвященной истории жанра.

О популярности дуэта говорит тот факт, что их произведения экранизировали великие режиссеры: Анри-Жорж Клузо («Дьяволицы», 1954) и Альфред Хичкок («Головокружение», 1958). Интерес кинематографистов, на наш взгляд, связан с умением авторов создавать «острые ситуации, сложные перипетии, эффектные сцены» [8, с. 17]. В то же время произведения Буало и Нарсежака никогда не были предметом тщательного исследования ни отечественного, ни зарубежного литературоведения. Их творчество традиционно рассматривается в контексте массовой литературы [14]. В частности, наибольший интерес для исследователей представляет то, как классический французский детектив XIX века подвергается модификациям в произведениях Буало и Нарсежака [9].

Несомненная оригинальность этих писателей состоит в том, что они выдвигают собственную концепцию детективного романа как «романа о жертве», в котором ядром повествования становится история героя-жертвы. Существенно важным в контексте детективного повествования становится пересмотр такой категории, как «страх». В традиционном детективе

«страх – чувство, всегда возникающее во время поединка сыщика и преступника, но никогда не рассматривающееся как категория, которая может стать пружиной повествования, так как преступник никогда не мог одержать победу. Страх в детективе возникал в тот момент, когда читатель опасался, что сыщика постигнет неудача, но последнему всегда удавалось предъявить неопровержимые доказательства своего мастерства и восстановить справедливость» [13, с. 90]. В том типе романа, который создают Буало и Нарсежак, жертва выходит на первый план. Разумеется, считают они, «жертвой может быть только невинный»: «Персонаж, у которого само по себе было бы какое-то преступное сознание, стал бы плохой жертвой. Невинность поразит сильнее, если жертва будет как можно более безобидной. И переживать за нее будут сильнее, потому что убийца будет отвратительнее. Но автору здесь придется остерегаться. Если антитеза между жертвой и преступником чрезвычайно очевидна (например, жертва будет маленькой девочкой-калекой, а преступник – грубым садистом), то произведение приблизится к криминально-бульварным жанрам» [13, с. 91].

В понимании писателей жертвой является не тот, за кем гонятся, а тот, кто тщетно пытается проникнуть в смысл происходящих событий. Подобная авторская стратегия существенно меняет традиционную структуру детективного повествования. В соответствии с законами жанра «роман о жертве развивается последовательно. Совпадения стираются, потому что механизм построения устраняет случайность. Всё существенно» [13, с. 101]. Однако при этом страдания жертвы от способов, выбранных ее мучителями, приводят к появлению «фантастического элемента, из-за которого центральный персонаж оказывается не способен вернуться в реальную действительность» [13, с. 101]. В результате жертва, занимающаяся расследованием собственного дела, будет доведена до состояния бреда. Жертва старается рассуждать справедливо, однако логическое расследование обречено на провал, так как зависит от тревоги персонажа. Таким образом, создается возможность объединить традиционный тип интриги с саспенсом.

В своем творчестве французские авторы именно и стремятся совместить классический детектив, роман-загадку, с техникой триллера, поэтому в их текстах особое значение имеет мистическая линия сюжета. Интерес к приемам, использованным в триллерах, связан с популяризацией и переводом текстов американских авторов, выходящих в «Черной серии» [7]. В результате возникает двойственность в ключевом для детективной схемы элементе – мотиве тайны. Ориентируясь на фантастическую новеллистику Э. А. По [4] («Падение дома Ашеров»), Буало и Нарсежак утверждают, что в детективе должно существовать два одинаково возможных варианта разгадки: «логический» (рациональный) и «поэтический» (фантастический, метафизический). При этом загадка, которая в классическом детективе является главным элементом схемы, у Буало-Нарсежака выносится на периферию. Центром повествования становится характер, вокруг которого выстраиваются каркас сюжета, интрига, основные мотивы. Соответственно, детективный роман все более обретает черты романа психологического.

Буало и Нарсежака можно отнести к представителям социально-психологического детектива. В творчестве названного дуэта писателей, активно разрабатывающих концепцию «романа о жертве», прослеживается значительное влияние реалистической традиции французской литературы XIX века в приемах и способах создания образов, в раскрытии характеров, в поведении героев.

Роман «Та, которой не стало» («Celle qui n'était plus», 1952 [12]) – это первое произведение, в котором Буало и Нарсежак реализовали разработанную ими модель «романа о жертве». Авторы говорили о необходимости разрушить структуру классического детектива, что приводит к трансформации одного из основополагающих для жанра элемента – преступления.

В начале романа совершается преступление (мнимое): Равинель, уставший от жизни коммивояжер средних лет, вместе со своей любовницей Люсьеной решает избавиться от собственной жены Мирей. Обманом они заманивают жертву в домик в маленьком провинциальном городке, где в итоге и совершают задуманное. Это не преступление из детективного романа. Вопрос «кто убил?» не ставится авторами. Имена преступников известны, мотивы тоже (завладеть страховкой после гибели супруги). Буало и Нарсежак отмечают в своей книге «Детективный роман», что было необходимо повернуть время вспять: действие должно разворачиваться до преступления.

Основное сюжетное действие связано с образом Равинеля. Он вместе с любовницей решает представить гибель жены как несчастный случай (во время стирки жена утонула). Поэтому он сбрасывает тело в речку. А на следующий день выясняется, что тело исчезло. Вслед за этим Рави-

нелю начинают приходить письма от умершей жены, а друзья и родственники утверждают, что виделись с Мирей. В этот момент и складывается основная загадка романа – что случилось с Мирей: она выжила или мистически вернулась с того света? Происходит раздвоение мотива тайны.

Разгадывать данную загадку предстоит Равинелю. Именно он и становится центральной фигурой – героем-жертвой. В произведении функции детектива возложены на Равинеля. Буало и Нарсежак намеренно исключили из своих романов образ профессионального сыщика, способного раскрывать самые невероятные преступления. При этом в романе появляется эпизодический персонаж Мерлен, инспектор полиции в отставке, который хочет помочь герою раскрыть тайну исчезновения жены (для окружающих, безусловно, Равинель разыскивает свою жену, а не ее труп). Но этот персонаж изображен в большей степени в комическом ключе: «Мерлен все говорил и говорил, перебирая воспоминания, а Равинель... Равинель всячески пытался отогнать навязчивые мысли» [3, с. 135]. Заваливая Равинеля вопросами и не получая конкретных ответов, полицейский Мерлен практически сразу прекращает свою работу. Идея несостоятельности и беспомощности полиции подчеркивается с помощью портретной характеристики Мерлена: «Мерлен растоптал на полу сигарету. Он сразу осунулся, постарел, стал похож на жалкого, нуждающегося старика» [3, с. 141].

Повествование в романе ведется от третьего лица, но авторы намеренно выстраивают свой текст таким образом, что мир предстает перед читателем через восприятие Равинеля. В этом и состоит главная задача Буало и Нарсежака – показать все события глазами героя-жертвы. Эту же деталь отмечает и П. А. Моисеев в своей работе «Поэтика детектива», говоря о романе «Из мира мертвых»: «они (Буало и Нарсежак. – *Авт.*) пытались заставить читателя смотреть на происходящее глазами жертвы» [6, с. 207]. Мироощущение главного героя объединяет основные линии сюжета, придает произведению композиционную цельность и завершенность. Кто же такой Равинель? И почему он становится героем-жертвой? Равинель – вполне успешный коммивояжер, большую часть жизни он проводит в постоянных разъездах. Это ничем не примечательный персонаж, авторы создают образ типичного, заурядного человека. Равинель является типичным представителем общества потребления, в его образе во всей полноте показана идея бездуховности и обреченности человечества. Уже вначале авторами отмечаются абсолютная слабость и бессилие героя в эпизоде убийства Мирей: «Равинель стоял как зачарованный... Равинель вздрогнул, сцепил пальцы, потом сам испугался своего умоляющего жеста и заложил руки за спину» [3, с. 26]. Герой постепенно начинает терять ощущение реальности происходящих в его жизни событий. Буало и Нарсежак подробно показывают разрушение личности под влиянием необъяснимых обстоятельств. В романе неоднократно подчеркивается самим Равинелем фантастичность внешнего мира, например, во время прогулки: «Хоровод теней. Кафе, похожие на огромные, ярко освещенные пещеры... И здесь тот же легкий переход от реальности к миру теней... никто ничего не замечает» [3, с. 92]. Стоит отметить, что выбор пространства напоминает классические нуары. «В нуаре местом действия являются бедные кварталы, трущобы... улицы, кафе, вокзалы...» [15, с. 18]. Равинель поддается воздействию иррационального начала и окончательно теряет связь с реальной действительностью. Он убежден, что призрак Мирей желает отомстить.

В результате мы видим, что в повествование включается мистический план, который требовался Буало и Нарсежаку. Возникает та самая оппозиция в ключевом для детектива элементе тайны. Столкновение реального и фантастического начал приводит к тому, что становится возможным двойное толкование данного элемента: рациональное объяснение или мистическое. Главная проблема для Равинеля – неспособность проникнуть в тайну. Изначально герой стремится найти логическое объяснение: тело украли с целью выкупа, но никто его не требует. И чем больше он пытается рассуждать разумно, тем быстрее он соприкасается с непонятным и необъяснимым. Все попытки отыскать решение оказываются тщетными. Герой терпит одну неудачу за другой, что в итоге приводит к окончательному поражению. Равинель, потеряв все связи с реальным миром, погружается в мир безумия. Тайна полностью поглощает героя и вынуждает его совершить самоубийство. Причем он добровольно принимает поражение и смиряется со своей участью: «Равинель облегченно вздыхает. Он ждал этой минуты всю жизнь. Пора снова стать тенью. Быть человеком слишком трудно. Больше ему ничего не надо. Мирей его уже не интересует» [3, с. 165].

Прежде всего, Буало и Нарсежак говорят о слабости человеческой природы, неспособности противостоять таинственному. Ощущение хаоса и неопределенности способно разрушить личность. То, что оказывается за границами понимания, подавляет волю и разум.

Проблема эгоцентризма становится значимой в романах. Каждый персонаж стремится занять комфортное для себя место, игнорируя не только окружающих, но даже своих близких (Флавьер одержим идеей получить Мадлен, Равинель стремится избавиться от ненавистной ему жены). Исключительно личные интересы и желания определяют поступки героев. Следствием отсутствия диалога между людьми становится катастрофа «маленького человека». В романе доминирует ощущение разлада между людьми. Никакие моральные категории не действуют в данном мире. Неудивительно поэтому, что в произведении так и не появляется ни одного положительного героя.

В изображенном мире слабых и безвольных людей нет места спасению, каждый герой, по выражению Равинеля, – тень, которая не живет, а существует. И единственная цель – как можно скорее вернуться в беспросветное ничто. Отсюда и появляющийся многократно в тексте мотив тишины, окутывающей все пространство: «Равинель вернулся в дом, закрыл дверь, и на него навалилась тишина» [3, с. 142]. Тишина становится неперсонифицированным персонажем, сопровождающим Равинеля. Тишина как раз символизирует отсутствие связей между людьми. Внешний мир – пространство, лишенное звуков, тишина загробного мира. Каждый существует изолированно и не стремится изменить сложившееся положение: «Равинель чувствует себя в полной безопасности в этой как бы герметически закрытой машине. Нечто подобное он испытывал еще в детстве, когда ходил в школу в застегнутой на все пуговицы пелерине» [3, с. 53].

Трагическое мироощущение пронизывает все произведение. Даже увлечение Равинеля подчеркивает его собственную несвободу. Он занимается созданием искусственных мух для рыболовов, созданием приманки и считает это своим призванием: «Все же он был в своем роде художник. Он создавал искусственных мух, как другие создают искусственные цветы. В каталоге фирмы одна страница отведена цветным мухам Равинеля» [3, с. 158]. Символично, что Равинель, создавая искусственных мух – приманку, сам становится жертвой и заглатывает наживку (жена Мирей и любовница Люсьена в сговоре: они, устроив мнимое убийство Мирей, затем планомерно сводят с ума Равинеля с целью получить страховку после его гибели). Трагедия героя в том, что любые попытки сбежать от пугающей, сводящей с ума реальности оказываются тщетны. И тогда самоубийство становится для Равинеля единственной радикальной формой эскапизма.

Для детективной литературы обязательным элементом схемы является решение проблемы наказания. В данном случае Буало и Нарсежак снова идут собственным путем, отходя от классических канонов. В произведении даже нет персонажа, который смог бы совершить правосудие и снять маски с преступников. В романе «Та, которой не стало» виновны все персонажи. Каждый действует, исходя из личных интересов. Люсьена и Мирей хотят разбогатеть, а Равинель становится марионеткой в руках женщин. Он даже не планировал совершать преступление, ему это не под силу. Только поддавшись уговорам своей любовницы, он решается пойти на убийство. Но главная вина Равинеля даже не в преступлении, а в абсолютной беспомощности, нежелании бороться. Смирение равносильно смерти, что мы и видим в финале. Торжество разума не наступит, его и не может быть в мире иллюзий.

Что касается решения загадки, еще одного ключевого элемента детектива, то здесь авторы стремятся сохранить двойственность. С одной стороны, Равинель принимает мистическое объяснение. С другой стороны, в эпилоге рассказывается о плане двух женщин: Мирей и Люсьены, которые подстроили убийство Мирей, а затем планомерно сводили с ума Равинеля. Получается, что у Буало и Нарсежака данный элемент схемы решается однозначно. Герой-жертва поддается иррациональному началу и находит разгадку в метафизической плоскости, а для читателя, все-таки отстраненно наблюдающего за героем, предлагается еще и логическая, которая представляется истинной, то есть мы не видим необходимого баланса между двумя возможными разгадками, как того требовали авторы. Аналогичную ситуацию мы увидим, например, в романе «Из мира мертвых», который также является объектом нашего исследования.

Роман «Из мира мертвых» является одним из наиболее показательных произведений, в котором Буало и Нарсежак стремятся реализовать собственную теорию, соединив роман-загадку (*le roman d'énigme*) с «черным» романом (*le roman noir*). В романе рассказывается история адвоката Роже Флавьера, который по просьбе друга детства Жевиня начинает слежку за его женой Мадлен, чтобы разобраться в странном поведении героини. На первый взгляд традиционная завязка детективного сюжета, в духе классических образцов, практически сразу обрастает мистическими обстоятельствами, и повествование смещается в плоскость внутреннего мира Флавьера. Вся окружающая действительность представлена читателю через

восприятие главного героя. Флавьер, бывший инспектор, покинул службу в полиции после несчастного случая со своим напарником. Авторами подчеркивается способность героя к тщательному психологическому анализу. Флавьер опирается на внешние детали (движения, мимику, интонацию), чувствуя тончайшие нюансы человеческого поведения. Вот как представлен Жевинь, муж Мадлен, в восприятии Флавьера: «когда Жевинь распахнул ему объятия... Флавьер инстинктивно ощутил в этом движении какую-то неловкость, еле заметную нарочитость, натянутость. Жевинь суетился чуть больше, чем нужно, смеялся чуть громче, чем следовало» [2]. Такая оценка Флавьером поведения друга оказывается верной и дает ключ к пониманию не только лживой натуры Жевиня, но и к разгадке тайны (аферы Жевиня). Правда, изначально Флавьер не придает этому особого внимания.

Ядро повествования составляет история отношений между Флавьером и женой Жевиня. С образом Мадлен (настоящее имя – Рене Суранж) связан мистический уровень сюжета (в Мадлен вселяется дух прабабки Полины Лажерлак, и она повторяет ее судьбу). В финале все иррациональные события получают логическое объяснение. Мадлен – это традиционный образ «роковой женщины» («femme fatale») из американского нуара, что позволяет говорить о наличии следа нуара в данном тексте. Функция сыщика отведена в романе Флавьеру, он должен раскрыть тайну Мадлен, но ситуация переворачивается. Флавьер, влюбившись в героиню, теряет равновесие, способность логически воспринимать действительность и сам становится заложником фантастического мира: «он вдруг понял, что она (Мадлен) как-то странно действовала на него, буквально высасывала из него силы. Он был ее донором – но не крови, а чем-то вроде донора душевной энергии. Именно поэтому ему приходилось, когда он оставался один, погружаться в человеческий поток, стремясь вернуть себе то, что он отдал Мадлен» [2]. Таким образом, герой-сыщик превращается в героя-жертву, охваченного фобиями (боязнь высоты), а в произведении показывается утрата персонажем собственной идентичности, что приводит к трагической развязке.

В романе «Из мира мертвых» Буало и Нарсежак обращаются также к технике триллера. Одним из основополагающих элементов в построении сюжета является создание саспенса. В этой истории тревожное ожидание формируется за счет необъяснимого поведения Мадлен, за счет использования приема неясной фантастики (смерть Мадлен и ее воскрешение) и принципа двойничества, который заложен в образе Мадлен.

Художественный мир, воссоздающийся в романе, имеет характерный колорит. Мрачная, давящая атмосфера, депрессивные, беспросветные пейзажи формируют художественное пространство романа. «Февральская изморось висла в воздухе, неслась по блестящим от дождя улицам белесым облаком тумана» [2]. Подобная атмосфера подчеркивает внутреннее напряжение героя и работает на создание саспенса.

Метафоричным становится пространство театра, в котором Флавьер впервые видит Мадлен. «Театральность» затрагивает образ Мадлен, которая, подобно актрисе, постоянно меняет свой образ (принцип двойничества), и подлинное лицо так и остается скрытым от Флавьера. С другой стороны, само расследование и «сомнамбулизм» Мадлен представляют собой театральные спектакль, который намеренно разыгрывается перед лицом главного героя. В финале становится известно, что Жевинь намеренно вовлек в действие Флавьера. Значимой деталью становится мотив скрытности. Герой не может разглядеть лицо Мадлен, то есть не способен прочесть образ. Уже здесь Буало и Нарсежак заявляют идею поражения. До финала Флавьер так и не разгадает образ Мадлен, даже попытается сконструировать собственноручно, что в итоге приведет к трагической развязке.

Символическое значение имеет имя Мадлен. Буало и Нарсежак делают отсылку к творчеству Марселя Пруста и его циклу романов «В поисках утраченного времени». Пирожное «мадлен» из романа «В сторону Свана» открывает для Марселя, героя-рассказчика, мир воспоминаний, позволяет воскресить в сознании запечатленное время. Также и Флавьер находится в поисках своей Мадлен, которая способна вернуть ему прошлое. Герой «занят поисками времени прошедшего» [10, с. 167]. В романе можно проследить идею Бергсона, высказанную в «Творческой эволюции» [1] о том, что каждый человек субъективно воспринимает категорию времени. Время в романе – субъективное время главного героя, Флавьер статичен, следовательно, индивидуальное время героя статично.

Находит свое отражение в романе социальная проблематика. Она служит для создания определенного контекста, изображения окружающего мира. Авторы интересуют повседневную действительность, и они стремятся отразить наиболее актуальные проблемы современного общества. В романе Буало – Нарсежака «Из мира мертвых» социально-историческая про-

блематика присутствует, но выносится на периферию. Она связана с событиями Второй мировой войны и осмыслением ее последствий (действие романа начинается в 1940-м году, а завершается спустя 5 лет). Символом разрухи, постигшей Францию, становится в романе образ старухи-лавочницы, потерявшей всех на войне и оставшейся в полном одиночестве: «Лавочница подняла на него глаза, видевшие войны с начала до конца и утратившие всякое выражение» [2]. Тема опустошения и потерянности целой страны перекликается с судьбой Флавьера (но Флавьер не участвовал в войне, он эмигрировал в Африку, где открыл выгодное дело и смог нажиться за счет войны), также брошенного на произвол судьбы и утратившего жизненные ориентиры после «гибели» Мадлен. Крах гуманизма, ощущение страха, характерное для общества в целом, находит отражение в частной истории Флавьера.

В детективном жанре основополагающим элементом схемы является решение проблемы наказания. Отходя от канона классического детектива (торжество сыщика в финале), Буало и Нарсежак в романе «Из мира мертвых» разрушают традиционную модель. В порыве ярости Флавьер (герой – сыщик – жертва) убивает Мадлен и окончательно погружается в мир безумия. Никакого справедливого наказания виновного нет (о смерти настоящего преступника Жевиня мы узнаем еще в середине романа), как нет и торжества разума. Герой, который, казалось бы, получил желаемое – любовь, нравственно и духовно погибает, убивая свою возлюбленную, и сходит с ума.

Детективная схема в данном романе усложняется Буало и Нарсежаком путем включения литературных аллюзий и реминисценций. Они наблюдаются в образах героев, в построении фабулы, в развитии сюжета. Роман «Из мира мертвых» представляет собой парафраз мифа об Орфее и Эвридике. Этот миф обыгрывается на разных уровнях. Главный герой Флавьер дает Мадлен прозвище Эвридики. Флавьер, подобно Орфею (фонетическое сходство имен не случайно), не способен жить без Мадлен. Мадлен так и остается для Флавьера ускользающей тайной. Структура сюжета также повторяет миф. Буало – Нарсежаком обыгрывается мотив смерти Эвридики (мнимое самоубийство Мадлен), а финал представляет травестирование мифа. Флавьер, охваченный порывом ненависти, душит Мадлен. Флавьер, подобно Орфею, не смог обуздать собственные чувства, которые привели к трагической развязке.

Итак, рассмотрев романы «Та, которой не стало» и «Из мира мертвых», мы можем выделить отличительные черты модели «романа о жертве»: сочетание реального (рационального) и фантастического (мистического), углубленный психологизм, личностный тон повествования, наличие в центре «героя-жертвы», мрачные, давящие пейзажи, отсутствие традиционного хэппи-энда. Сама модель и ее художественное воплощение предопределены той исторической эпохой, в которой они появились. Общественное самосознание Франции 50–60-х годов оказалось под сильнейшим влиянием двух социальных трагедий: фашистской оккупации страны и послевоенной борьбы с коллаборационизмом. И в том, и в другом случае множество людей обретают судьбу и, следовательно, психологию «жертвы». Кроме того, послевоенное поколение постепенно оказывается в ситуации «общества потребления», что само по себе приводит к нивелированию личностного сознания. «Роман о жертве» Буало и Нарсежака создается в названном социокультурном контексте и отражает трагедию «маленького человека», утратившего веру в стабильность государственных устоев, не имеющего более системной иерархии нравственных ценностей, подавленного вновь обретенной «страстью к потреблению».

Список литературы

1. Бергсон А. Творческая эволюция. М. : Академический проект, 2015. 319 с.
2. Буало и Нарсежак. Из мира мертвых. URL: https://royallib.com/book/bualonarsegak/iz_tsarstva_mertvih.html (дата обращения: 09.12.2019).
3. Буало-Нарсежак. Та, которой не стало : романы / Буало-Нарсежак; пер. с фр. Л. Завьяловой, А. Дроздовского. М. : Эксмо, 2011. 384 с.
4. Ковалёв Ю. В. Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт : монография. Л. : Художественная литература, 1984. 296 с.
5. Кто такой Буало-Нарсежак? URL: <http://detectivemethod.ru/nine-q/two-voices/#fnref-8625-1> (дата обращения: 09.12.2019).
6. Моисеев П. А. Поэтика детектива. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 240 с.
7. Современный французский детектив. URL: <http://detectivemethod.ru/preamble/modern-french-detective> (дата обращения: 09.12.2019).
8. Уваров Ю. П. Пути жанра. М. : Прогресс, 1977. 21 с.
9. Филюшкина С. Н. Детектив и проблема культурной памяти. В. : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012. 82 с.
10. Шарыпина Т. А., Новикова В. Г., Кобленкова Д. В. История зарубежной литературы XX века. Ч. 1. М. : Юрайт, 2018. 297 с.

11. *Boileau-Narcejac*. D'entre les morts. P. : Denoel, 2010. 192 p.
12. *Boileau-Narcejac*. Celle qui n'était plus. P. : Denoel, 2010. 196 p.
13. *Boileau-Narcejac*. Le roman policier. Vendôme : Imprimerie des Presses Universitaires de France, 1975. 122 p.
14. *Messac R.* Le «détective novel» et L'influence de la pensée scientifique. P. : Belles lettres, 2011. 592 p.
15. *Wolf M.-B.* Le roman policier: Quand la littérature s'habille de noir. B. : IUFM de Bourgogne, 2003. 57 p.

The concept of sacrifice in the system of images in the novels of Pierre Boileau and Tom Narcejac

I. O. Bel'sky

postgraduate student of the Department of foreign literature, State University of Nizhny Novgorod
n. a. N. I. Lobachevsky. Russia, Nizhny Novgorod. E-mail: igor.belskiy.94@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to analyze the concept of the "novel of the victim", put forward by Pierre Boileau and Tom Narcejac, on the example of its implementation in the novels "The one who has gone" (*Celle qui n'était plus*) (1952) and "From the world of the dead" (*D'entre les morts*) (1954). Main tasks is to consider the system of images, the principles of creating suspense and the features of the organization of space and time in the novels of French writers, to describe the transformation of the detective tradition, the change in genre constants (the element of crime, punishment, the type of hero-detective). To solve these problems, such methods as comparative and structural analysis, synthesis were used.

As a result of this work, it is concluded that the story of the hero-victim becomes the center of the narrative in the works of Boileau and Narcejac. There is also a complication of the element of the solution, which contains a rational and mystical interpretation of events. The leitmotives in the novels under consideration are the defeat of the "little man", the theme of insanity, the weakness of the individual, the total disunity of society, the loss of self-identity. The detective scheme is multifaceted due to the use of literary allusions and reminiscences from ancient mythology (the Myth of Orpheus and Eurydice). The authors follow the path of changing and even destroying the structure of the classic detective story. As a result, there is no traditional celebration of the detective personifying the rational principle in the final. The image system undergoes transformation. The classic triad of "the victim, the detective and the criminal" is missing. The role of the detective and the victim can now be assigned to one character, the detective is not always able to penetrate the mystery and find the truth. The study highlights the distinctive features of the "novel about the victim": the combination of real (rational) and fantastic (mystical), deep psychologism, personal tone of the narrative, the presence of a "hero-victim" in the center, gloomy, oppressive landscapes, the absence of a traditional happy ending.

Keywords: French detective, criminal literature, socio-psychological model, "novel about the victim".

References

1. *Bergson A.* *Tvorcheskaya evolyuciya* [Creative evolution]. M. Academicheskij project. 2015. 319 p.
2. *Boileau and Narcejac.* *Iz mira mertvyh* [From the world of the dead]. Available at: https://royallib.com/book/bualonarsegak/iz_tsarstva_mertvih.html (date accessed: 09.12.2019).
3. *Boileau- Narcejac.* *Ta, kotoroj ne stalo : romany* [The one who has gone: novels] / Boileau- Narcejac; transl. from Fr. by L. Zavyalova, A. Drozdovskij]. M. Eksmo. 2011. 384 p.
4. *Kovalyov Yu. V.* *Edgar Allan Po. Novellist i poet : monografiya* [Edgar Allan Poe. Novelist and poet : monograph]. L. Hudozhestvennaya literature. 1984. 296 p.
5. *Kto takoj Bualo-Narsezhak?* – Who is Boileau- Narcejac? Available at: <http://detectivemethod.ru/nine-q/two-voices/#fnref-8625-1> (date accessed: 09.12.2019).
6. *Moiseev P. A.* *Poetika detektiva* [Poetics of the detective]. M. Higher School of Economics. 2017. 240 p.
7. *Sovremennyj francuzskij detektiv* – Modern French detective. Available at: <http://detectivemethod.ru/preamble/modern-french-detective> (date accessed: 09.12.2019).
8. *Uvarov Yu. P.* *Puti zhanra* [Ways of the genre]. M. Progress. 1977. 21 p.
9. *Filyushkina S. N.* *Detektiv i problema kul'turnoj pamyati* [Detective and the problem of cultural memory]. V. NAUKA-UNIPRESS. 2012. 82 p.
10. *Sharypina T. A., Novikova V. G., Koblenkova D. V.* *Istoriya zarubezhnoj literatury XX veka* [History of foreign literature of the XX century. Part 1]. M. Yurayt. 2018. 297 p.
11. *Boileau-Narcejac*. D'entre les morts. P. Denoel. 2010. 192 p.
12. *Boileau-Narcejac*. Celle qui n'était plus. P. Denoel. 2010. 196 p.
13. *Boileau-Narcejac*. Le roman policier. Vendôme. Imprimerie des Presses Universitaires de France, 1975. 122 p.
14. *Messac R.* Le "détective novel" et L'influence de la pensée scientifique. P. Belles lettres. 2011. 592 p.
15. *Wolf M.-B.* Le roman policier: Quand la littérature s'habille de noir. B. IUFM de Bourgogne. 2003. 57 p.

Визуально-графические особенности текста в книге стихотворений Е. Мнацакановой «Новая Аркадия»

А. Е. Япишина

аспирант, Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет). Россия, г. Челябинск. E-mail: ro.roy@yandex.ru

Аннотация. Актуальность заявленной в статье проблемы обусловлена тем, что русская поэзия одновременно с развитием технических средств становится полем для поиска новых визуально-графических приемов. Выразительные возможности уже сложившейся системы поэтических знаков перестают отвечать запросам современных авторов, поэтому они начинают поиски новых инструментов организации поэтического текста, способного подчеркнуть не передаваемые на слух смысловые оттенки. Один из таких авторов, расширивших визуальные возможности поэтического текста, – Е. А. Мнацаканова.

Цель статьи – исследовать визуально-графические приемы в книге стихотворений Е. А. Мнацакановой «Новая Аркадия», раскрыть их роль и специфику.

В процессе работы был использован структурно-описательный метод в целях последовательного описания, обобщения и систематизации информации с опорой на структуру выбранных для анализа объектов, а также аналитический, контекстуальный и биографический метод, так как визуально-графические приемы, применяемые Е. Мнацакановой, отчасти обусловлены биографией поэтессы.

Выявлены ключевые визуально-графические приемы текста книги «Новая Аркадия» и их функции. Приемы расположения текста на плоскости страницы, такие как «членение текста на несколько вертикальных потоков», отступы, пробелы, голофрастические конструкции, выполняют две основные функции: многовекторного восприятия текста и партитурно-интонационную; приемы шрифтовой акциденции – смыслообразующую, партитурно-интонационную, функцию акциденции магического значения слова; интеграция вербального и иконического компонентов – функцию создания параллельного текста, диалогизирующего с первоначальным. При этом все визуально-графические приемы, используемые Мнацакановой, соотносятся с концепцией творчества Мнацакановой – описанием мировой гармонии.

Результаты исследования могут применяться в теоретических исследованиях, посвященных современной русской визуальной поэзии, а также могут быть использованы в курсе современной русской литературы.

Ключевые слова: современная поэзия, визуальность, графика, визуальная поэзия, звуковая поэзия, Е. Мнацаканова.

Елизавета Аркадьевна Мнацаканова (1922 – сент. 2019) – поэт, художник, музыковед, переводчик с немецкого языка. В 1975 г. эмигрировала из Москвы и до конца жизни жила в Вене, где преподавала русскую литературу в Венском университете. Там же она издала несколько книг визуальной поэзии в небольших тиражах, а также книгу критики «Vorlesungen zur russischen Literatur» (2001).

В России поэтесса стала известна большому кругу читателей лишь в 2004 году, благодаря получению премии Андрея Белого и выходу книги «Arcadia», хотя критики проявляли внимание к ее творчеству с 1990-х годов. В частности, в 1992 году в «Митином журнале» выходят статьи В. Руднева («Стихосложение Елизаветы Мнацакановой» [10]) и А. Секацкого («Поэма и мантра») [12].

Изолированность поэтессы от родины и русскоязычной публики стали не только биографическим, но и художественным фактом ее творчества. С. Сэндлер, американская исследовательница творчества Мнацакановой, сравнивает ее с Хлебниковым – они оба творили в добровольной изоляции и стояли особняком среди поэтов своего времени [18]. Это сравнение неслучайно: Хлебников сыграл значимую роль в эстетической критике и эссеистической прозе поэтессы.

В эссе «Хлебников: “Клянусь...”» Мнацаканова пишет: «По существу и в глубине души он никогда не примыкал ни к одной группировке людей, как и творчество его всегда было и останется уникальным, неподражаемым, замкнутым и ограниченным самим собой явлением в отдаленных пространствах человеческой мысли» [7, с. 117]. Она называет Хлебникова «сто-

ронним», или «по-ту-сторонним» наблюдателем, поясняя: «Это – такой вид бытия, который лишь частично совершается на поверхности явлений. А большая часть скрыта, погружена в тайну» [7, с. 119]. Оба этих комментария точно описывают и манеру работы самой Мнацакановой, несмотря на то, что она отрицала любое сравнение ее творчества с творчеством других художников («Нет, он <Хлебников> не был моим учителем» [7, с. 120]).

Мнацаканова избирает для себя образ поэта-одиночки, что неоднократно подтверждается ее собственными словами: «Я никаких школ не понимаю и не знаю, и не принадлежу ни к каким школам» [11]. «Живя и работая в обстановке почти полной изоляции (это был мой свободный выбор), как бы абсолютного вакуума, я и не рассчитывала на интерес к своему творчеству и не желала его» [8].

Именно обособленность Мнацакановой от литературных школ и направлений делает разговор о ее поэзии непродуктивным в контексте неофициальной литературы. Хотя, конечно, критики ее творчества (Дж. Янечек, В. Аристов, И. Кукулин) предпринимали попытку поставить поэтессу в один ряд с поэтами-минималистами Г. Сапгиром, Вс. Некрасовым, Г. Айги. По мнению Ю. Орлицкого, это небезосновательно: «...и там, и тут – минимальное количество слов... то же обилие пустот на бумаге... та же внешняя простота лексики, использование только самых “главных” слов человеческой речи» [7, с. 9]. Однако, как он отмечает, в отличие от стихотворений Некрасова или Айги, стихи Мнацакановой невозможно «переложить на обыденный язык» [7, с. 8]. Дело в том, что поэзия Мнацакановой – не поэзия в прямом смысле этого слова, а «словесная музыка», то есть все ее произведения построены по законам музыкальной композиции. Слова же в ее поэзии используются не в традиционной смысловой функции, они – минимальные отрезки звучащего текста.

Кроме Ю. Орлицкого, аудиально-визуальный характер творчества Мнацакановой отмечали и другие исследователи: Дж. Янечек, И. Гулин, Т. Грауз, С. Бирюков, К. Корчагин. Так, в предисловии к поэме «Осень в лазарете невинных сестер» Дж. Янечек отмечает, что чтение поэмы «только глазом или только вслух обкрадывает восприятие...» [17], а С. Бирюков пишет, что Мнацакановой удалось объединить две стихии – поэзию и музыку [12]. Мы считаем, что аудиально-визуальный характер творчества поэтессы связан со «стерео-скопично-фоничным» мышлением самой Мнацакановой. Она утверждала, что чтение партитур для симфонического оркестра перестраивает мышление, делая его объемным, многолинейным [16].

При этом исследователи практически не говорят непосредственно о визуальном аспекте ее творчества, хотя о его значимости пишет сама поэтесса, сравнивая в своих эссеистических работах слова и буквы с визуальным искусством – живописью: «Каждая Буква – волшебная картина, нарисованная так тщательно... что радостно смотреть и видеть»; «Но Буквы имеют свою судьбу. Нарисованные с любовью, радостью и мучениями, они когда-нибудь займут свое, им предназначенное место, в незримых и неизмеримых пределах Гармонии» [8, с. 15]. Так, отношение Мнацакановой к фиксированному на бумаге тексту было особым. «НАПИСАННОЕ, НАПЕЧАТАННОЕ живет...» [Там же] – пишет поэтесса во вступительном слове к книге «Новая Аркадия». Кроме того, в Вене Мнацаканова выпустила несколько книг-альбомов, сочетающих вербально-графический и живописный элементы, в частности, поэтессой были созданы книги «Das Hoheild», «У смерти в гостях» (1976–1977), «Das Buh Sabeth» (1972–1988) и т. д., что также подтверждает то, что Мнацаканова – визуальный поэт.

Т. Семьян в монографии «Визуальный облик прозаического текста» выделяет несколько типов визуально-графических приемов: расположение текста на плоскости страницы, шрифтовая акциденция, интеграция вербального и иконического компонентов [13]. Методика анализа произведений Е. Мнацакановой в данной статье определяется классификацией Т. Семьян, а также диссертацией Д. Суховей «Графика современной русской поэзии» [14], в которой исследуются элементы визуальной выразительности в поэзии. В процессе работы мы использовали структурно-описательный метод в целях последовательного описания, обобщения и систематизации информации с опорой на структуру выбранных для анализа объектов, а также аналитический и контекстуальный методы. Также был использован биографический метод, так как визуально-графические приемы, применяемые Е. Мнацакановой, отчасти обусловлены биографией поэтессы.

В данной статье мы проанализируем ключевые визуально-графические особенности текста книги стихов Е. Мнацакановой «Новая Аркадия», выпущенной издательством НЛО в 2018 году. Она включает в себя работы поэтессы 1970–1990–2000-х гг.

Рассмотрим **приемы расположения текста на плоскости страницы** и их функцию в книге «Новая Аркадия». Среди таких приемов мы выделяем «членение текста на несколько

вертикальных потоков» [15] (термин Н. Фатеевой), отступы, пробелы, голофрастические конструкции.

Так, наиболее часто встречающийся прием в книге Мнацакановой «Новая Аркадия» – запись текста в несколько колонок, или, как называет его Н. Фатеева в статье «Форма записи текста и грамматика в поэзии Елизаветы Мнацакановой», «членение текста на несколько вертикальных потоков» [15, с. 176–180]. Д. Сухой в диссертации «Графика современной русской поэзии» называет две функции такого расположения текста: комментирование или развитие имеющегося текста и создание параллельного текста, диалогизирующего с первоначальным [Там же].

Эти функции выполняет расположение текста стихотворения «ПСАЛОМ на вечное поминовение» из поэмы «Маленький реквием», в котором центральную часть занимают непосредственно фрагменты, взятые из различных псалмов, а справа и слева находятся столбцы текста, представляющие собой фрагменты молитв, комментирующие и ведущие диалог с текстом псалмов.

надгробно рыдание творца песнь	1. ВСКЮЮ ПРИСКОРБНА ЕСИ, ДУШЕ МОЯ, И ВСКЮЮ СМУЩАЕШИ МЯ? УПОВАЙ НА БОГА ЯКО ИСПОВЕМСЯ ЕМУ, СПАСЕНИЕ ЛИЦА МОЕГО И ЛИК МОЙ!	лица твоего зарюю мой лик озари
тебе принесенна аллилуиа аллилуиа	2. АЩЕ БО И ПОЙДУ ПОСРЕДЕ СЕНИ СМЕРТНЫЯ НЕ УБОЮСЯ ЗЛА ЯКО ТЫ СО МНОЮ ЕСИ ДУШЕ МОЯ ВОИСТИНУ	спасение лица моего и дух мой
такое земля еси и в землю взойдем	3. ОТВОРИ УСТА НЕМОТСТВУЮЩИЕ И УТОЛИ ЗИМУ И ОГНЬ И ПЕЧАЛИ ТЩЕТНЫ ОТВОРОТИ СТРАСТЬ И ВСЯКУЮ НЕМОЩЬ ТАЯЩУЮСЯ СПАСЕНИЕ ЛИЦА МОЕГО И ВЕК МОЙ	такое земля еси и в земле взойдем
таково земли повеление еси	4. БУДИ ВРАЧ РАНЫ МОЯ И БОЛИ НЕВИДИМОЙ В ДЕНЬ СКОРБИ НЕИЗБЫВННАЯ БО ТАКО ТРАВА ЧЕЛОВЕК И ВЕК ЕГО ТАКО ЦВЕТ ЗЕЛЬНЫЙ	таково земли исполнение еси
земли цвет еси и в землю трижды взойдем		земли цвет еси и в земле трижды взойдем

Рис. 1. Псалом на вечное поминовение [8, с. 95]

При этом чтение предыдущего отрывка возможно как по вертикали, так и по горизонтали. Это объясняется тем, что, как правило, в стихотворениях Мнацакановой членение текста на несколько вертикальных потоков имеет еще одну функцию – оно задает альтернативные пути чтения, подчеркивая многовекторную ориентированность текста. Данный способ записи дает возможность трансформации одних языковых элементов в другие, нейтрализует семантические и формальные границы между словом и словосочетанием, делает относительными понятия слитности и раздельности написания и, конечно, позволяет читателю образовывать семантические связи при чтении в любом направлении.

Показателен в этом плане фрагмент стихотворения «Laudes» [7, с. 113] из первой части книги «Das Buch Sabeth», в котором делается акцент на дискретность единиц. Мельчайшей языковой и звуковой единицей в данном стихотворении выступает слог. Так, латинское выражение «noli oblivisci...», вынесенное в эпиграф, распадается на слоги -но-, -ли-, -бо-, -не-, складывающиеся, в зависимости от направленности чтения, то в «боль», то в «небо», то в мольбу «не боли», что семантически соотносится с заявленной в стихотворении темой памяти и забвения:

LUDMIL BAB

noli	noli	noli	noli	noli
но	но	ли	ли	не
	бо	ли	бо	бо
		не	бо	ли
		ли		
бо	марта	ли	не	бо
не	бо	не	бы	ли
	ло	марта	бы	но
	ли			ли
		бо		
		не		
		бы		
	ло	марта		
		Idus Martias		
			не	

Рис. 2. Laudes [8, с. 113]

иды марта
 я
 вдвоём
 мар мерт
 та и вы
 и и в марте
 ды да
 буд
 ты то в марте будто

Рис. 5. Das Buch Sabeth [8, с. 115]

Другой вариант немотивированного пробела у Мнацакановой реализуется через нижнее подчеркивание. Пробел в этом случае оказывается вербализирован: поэссой создается эффект осязаемости пустоты. В стихотворении «Колыбельные мертвеньким» из «Книги детства» подчеркиваниями отделены звуковые конструкции, имитирующие фольклорные напевы в колыбельных. Но кроме того, эти звуковые конструкции (ая, аа, ааа) имеют семантику боли, а пробел перед ними фактически делает осязаемым чувство одиночества, что усиливают слова с корнем «одн»:

аа _____ а
 одноглазааа _____ ая
 однурукаааа _____ ая
 ааднааа _____ аа
 ооднаа _____ ааа
 однааднааднааа
 ааа
 а

Рис. 6. Колыбельные мертвеньким [8, с. 64]

Пробелы у Мнацакановой, таким образом, часто отделяют друг от друга дискретные единицы, чтобы подчеркнуть их смысловую автономность. Но также в ее текстах могут создаваться недискретные образования – сращения, или голофрастические конструкции, в которых воплощается тыняновский принцип «слитного группового смысла» стихотворного ряда. Такие конструкции у поэтессы, как правило, полисемантичны. В стихотворении «Laudes» из книги «Das Buch Sabeth» примером голофрастической конструкции является слово настанет:

настанет март как будто будто настанет

Рис. 7. Laudes [8, с. 170]

В. Руднев в статье «Стихосложение Елизаветы Мнацакановой» называет эту конструкцию «просодически-смысловым единством» [10]. В ней отчетливо слышится словосочетание «нас там нет», в котором есть и надежда на встречу, и горечь утраты, и мольба о возрождении.

Другой тип сращений у Мнацакановой основан на повторении корней, как в отрывке из стихотворения «Песнь песней» [8, с. 245]. Чтобы создать непрерывное представление о времени, Мнацаканова выстраивает неологизм с корнем -долж-/-долг-, акцентируя внимание на середине -дол-, порождающей далее последовательность со значением «долго»:

любовь
 про про про
 тебя меня двоих
 про
 должаєтьсядолжаєтьсядолжаєтьсядолжаєтьсядол жаетсяпро
 дол
 годол
 годолголю
 бовь
 про
 тебя прод

Рис. 8. Песнь Песней [8, с. 245]

Во фрагменте поэмы «Осень в лазарете невинных сестер» [8, с. 271] мы находим звуковые стяжения, которые, по мнению Н. Фатеевой, имитируют устную речь, представляющую собой «причудливое сочетание неразборчивых звуков, плохо произнесенных слогов, пауз, стяжений. И, что хуже всего, нет никакой видимой связи между разрывами в произносимых звуках и границами между отдельными словами» [15].

бродитбратбродитбредитбредбратбродбро
дитбредет в беде в беде в дожде в дожде в дожде вежды струятся слепятся
дождедаждьдаждьдаждьдаждьнам днесьднесьвесьв беде
в беде в воде везде вбедеводе в аду в воде в дожде

Рис. 9. Осень в лазарете невинных сестер [8, с. 271]

Рассмотрим еще один тип визуально-графических приемов в книге «Новая Аркадия» – **шрифтовую акциденцию**, в которой выделим использование иноязычного и прописного шрифтов.

В монографии «Визуальный облик прозаического текста» Т. Семьян пишет, что «маркированные иноязычным шрифтом слова воспринимаются как зрительный раздражитель, визуальный знак другого культурного кода» [13, с. 211]. Мнацаканова же использует иноязычный шрифт не для того, чтобы «остранить» слово, а, напротив, чтобы продемонстрировать читателю, что «многоязычие» ее стихов подчинено единому звуковому началу. Так, в следующем фрагменте из поэмы «Осень в лазарете невинных сестер» в один звуковой ряд встают слова из русского (язык родины), немецкого (язык новой родины) и латинского (язык вечной родины – музыки). Дж. Янечком отмечается паронимастическая связь между русским «лейтесь», латинским *luceat eis* (да воссияет им) и немецким *ewig(es)* (вечный, вечно) [17]. Данный стиховой ряд говорит об относительности выбора автором алфавита и орфографической записи, так как они ориентированы лишь на звучание.

лейтесь **luceat eis**
lux слейтесь **luceat** лейтесь **eis** вечно **eis**
лейтесь **ewiges** слейтесь **ewiges** лейтесь **eis** вечно **ewig**
eis разлейтесь **eis lux**
perpetua светом **luceat**
eis разлейся **ewiges** вечно
разлейся **lux** раз
eis
лей

Рис. 10. Осень в лазарете невинных сестер [8, с. 277]

Кроме иноязычного, Мнацакановой часто используется прописной шрифт, который может выполнять как традиционную интонационно-партитурную функцию, так и смыслообразующую.

В фрагменте из поэмы «Маленький реквием» прописной шрифт выполняет интонационно-партитурную функцию, то есть прописными буквами выделены слова, созвучные друг другу и складывающиеся в единый интонационный рисунок:

тобою травую пою ПЕШНОПЕНИЕ
травы ветра могильного
ПЕНИЕ
так пою так пою над тобою травую пою
НАДГРОБНО
пою
НАД БЕЗДНОЮ ГРОБА
пою
НАДЗВЕЗДНО
пою

Рис. 11. Маленький реквием [8, с. 101]

В «Маленьком рассказе» из введения к книге «Новая Аркадия» прописные буквы применяются для акцентуации важных для автора смыслов. Автор выделяет с помощью шрифта

связанные с чтением и письмом слова: ЧИТАТЕЛЬ, НАПИСАННОЕ, НАПЕЧАТАННОЕ, ПИСЬМЕННОЕ, а также слова, имеющие семантику одиночества: ОДИНОЧЕСТВО, ОДИН, ОДНО [8]. Так, между двумя группами лексики устанавливается связь, отражающая творческий принцип Мнацакановой – обособленность и добровольная изоляция.

Также функцию смысловой акцентуации прописной шрифтом выполняет и в стихотворении «Песнь песней» [8, с. 156], где этим шрифтом выделен рефрен «ЛЮБОВЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ», усиливая магистральную тему текста – любовь побеждает смерть.

Д. Сухой также говорит о том, что в современной поэзии в словах, записанных прописными буквами, может актуализироваться мистическое или иконическое значение слов, что подтверждается на примере стихотворений Мнацакановой [14]. В книге «Das Buh Sabeth» [8, с. 175] неоднократно употребляется слово МАРТ, которое поэтесса выделяет прописным шрифтом. Многочисленное повторение этого слова и его семантических вариантов в данном цикле (март – мрак – смерть) отсылают нас к поэзии заговоров [2].

Кроме того, в книге «Новая Аркадия» присутствует и такой тип визуально-графического приема, как **интеграция вербального и иконического компонентов**, а именно включение в текст фрагментов текста, написанного от руки. Так, в третьей части книги «Das Buch Sabeth» «Утоли моя печали» [8, с. 175–199] свободное от печатного текста пространство страницы занимает рукописный текст. Причем чаще всего он представляет собой запись на иностранном языке, если печатный текст – на русском и, наоборот, – на русском, если печатный текст – на иностранном, то есть выполняет функцию создания параллельно идущего текста. В пределах плоскости страницы происходит смешение не только языков, но и типов письма, один из которых (рукописный) отсылает читателя к прошлому, вневременному, а другой (печатный) – к настоящему, современному, указывая на то, что поэзия – язык нескольких «измерений».

Таким образом, мы рассмотрели ключевые визуально-графические приемы в книге Мнацакановой «Новая Аркадия». В ходе работы мы пришли к выводу, что **приемы расположения текста на плоскости страницы**, такие как «членение текста на несколько вертикальных потоков», отступы, пробелы, голофрастические конструкции, выполняют две основные функции: многовекторного восприятия текста и партитурно-интонационную; **приемы шрифтовой акциденции** – смыслообразующую, партитурно-интонационную, функцию акциденции магического значения слова; **интеграция вербального и иконического компонентов** – функцию создания параллельного текста, диалогизирующего с первоначальным. При этом все визуально-графические приемы, используемые Мнацакановой, подчинены задаче создания многомерного, объемного текста, подобного музыкальной партитуре, что соотносится с концепцией творчества Мнацакановой – описанием мировой гармонии.

Список литературы

1. Аристов В. В. О книге стихов Е. Мнацакановой «Arcadia» // ARCADIA: Стихи. Из лекций. Статьи. Эссе. М. : Изд-во Р. Элинина, 2004. С. 7–9.
2. Бирюков С. Е. Поэзия: модули и векторы. Словомызыка Елизаветы Мнацакановой. URL: <http://www.topos.ru/article/3315> (дата обращения: 20.04.2020).
3. Бирюков С. Е. Року укор. М. : РГГУ, 2003. 510 с.
4. Грауз Т. Слова признаются в своей способности быть. URL: <https://discours.io/articles/culture/slova-priznayutsya-v-svoey-sposobnosti-byt> (дата обращения: 06.09.2019).
5. Гулин И. Единство и теснота стихового обряда // Коммерсантъ Weekend. 27.04. 2018. № 14. М., 2018. С. 18.
6. Корчагин К., Ларионов Д. Чтение партитур. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/37507> (дата обращения: 10.09.2020).
7. Мнацаканова Е. А. ARCADIA: Стихи. Из лекций. Статьи. Эссе. М. : Изд-во Р. Элинина, 2004. 352 с.
8. Мнацаканова Е. А. Новая Аркадия. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 352 с.
9. Мнацаканова Е. А. Осень в лазарете невинных сестер. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/4/osen-v-lazarete-nevinnyh-sester.html> (дата обращения: 06.11.2019).
10. Руднев В. П. Стихосложение Елизаветы Мнацакановой. URL: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj4546/rudnev.shtml> (дата обращения: 19.04.2020).
11. Самохоткин А. Фрагменты поэмы Елизаветы Мнацакановой. Интервью с автором // URL: <https://syg.ma/@samokhotkin/fraghmienty-poemy-ielizaviety-mnatsakanovoi-intierviu-s-avtorom> (дата обращения: 19.04.2020).
12. Секацкий А. К. Поэма и мантра // URL: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj4546/sekats.shtml> (дата обращения: 10.09.2020).

13. Семьян Т. Ф. Визуальный облик прозаического текста : монография. Челябинск : Библиотека Миллера, 2006. 214 с.
14. Суховой Д. А. Графика современной русской поэзии : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008. 288 с. URL: <http://levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOVEI/disser/index.html> (дата обращения: 19.04.2020).
15. Фатеева Н. А. Форма записи текста и грамматика в поэзии Елизаветы Мнацакановой // Синтез целого: На пути к новой поэтике. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 176–180.
16. Феценко В. В., Коваль О. В. Сотворение знака: очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М. : Языки славянских культур, 2014. С. 265–266.
17. Янечек Дж. «Реквием» Елизаветы Мнацакановой. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/4/rekviem-elizavety-mnatsakanovoj.html> (дата обращения: 10.09.2020).
18. Stephanie Sandler. Visual Poetry after Modernism: Elizaveta Mnatsakanova // Slavic Review. Vol. 63. Oregon : University of Illios, 2008. Pp. 610–641.

Visual and graphic features of the text in the book of poems by E. Mnatsakanova "New Arcadia"

A. E. Yapishina

postgraduate student, South Ural State University (National Research University).
Russia, Chelyabinsk. E-mail: ro.roy@yandex.ru

Abstract. The relevance of the problem stated in the article is due to the fact that Russian poetry simultaneously with the development of technical means becomes a field for searching for new visual and graphic techniques. The expressive possibilities of the already established system of poetic signs no longer meet the needs of modern authors, so they begin to search for new tools for organizing a poetic text that can emphasize semantic shades that are not transmitted by ear. One of these authors, who expanded the visual possibilities of the poetic text, is E. A. Mnatsakanova.

The purpose of the article is to investigate visual and graphic techniques in the book of poems by E. A. Mnatsakanova "New Arcadia", to reveal their role and specifics.

In the course of the work, the structural-descriptive method was used in order to consistently describe, generalize and systematize information based on the structure of the objects selected for analysis, as well as the analytical, contextual and biographical method, since the visual and graphic techniques used by E. Mnatsakanova are partly due to the biography of the poetess.

The key visual and graphic techniques of the text of the book "New Arcadia" and their functions are revealed. Techniques for placing text on the page plane, such as "dividing the text into several vertical streams", indents, spaces, holofrastic constructions, perform two main functions: multi-vector perception of the text and score – intonation; techniques of font accident-meaning – forming, score-intonation, the function of accident of the magical meaning of the word; integration of verbal and iconic components-the function of creating a parallel text, dialogizing with the original. At the same time, all the visual and graphic techniques used by Mnatsakanova correspond to the concept of Mnatsakanova's creativity-the description of world harmony.

Research results can be applied in theoretical studies on contemporary Russian visual poetry, and can also be used in the course of modern Russian literature.

Keywords: modern poetry, visual art, graphics, visual poetry, sound poetry, E. Mnatsakanova.

References

1. Aristov V. V. *O knige stihov E. Mnacakanovoj "Arcadia"* [About the book of poems by E. Mnatsakanova "Arcadia"] // *ARCADIA: Stihy. Iz lekcij. Stat'i. Esse* – ARCADIA: Poems. From the lectures. Articles. Essay. M. Publishing house of R. Elinin. 2004. Pp. 7–9.
2. Biryukov S. E. *Poeziya: moduli i vektory. Slovomuzyka Elizavety Mnacakanovoj* [Poetry: modules and vectors. Word Music Of Elizaveta Mnatsakanova]. Available at: <http://www.topos.ru/article/3315> (date accessed: 20.04.2020).
3. Biryukov S. E. *Roku ukor* [Roku ukor]. M. RSUH. 2003. 510 p.
4. Grauz T. *Slova priznayutsya v svoej sposobnosti byt'* [Words are recognized in their ability to be]. Available at: <https://discours.io/articles/culture/slova-priznayutsya-v-svoey-sposobnosti-byt> (date accessed: 06.09.2019).
5. Gulin I. *Edinstvo i tesnota stihovogo obryada* [Unity and tightness of the verse rite] // *Kommersant Weekend* – Kommersant Weekend. 27.04. 2018. No. 14. M. 2018. P. 18.
6. Korchagin K, Larionov D. *Chtenie partitur* [Reading scores]. Available at: <http://os.colta.ru/literature/events/details/37507> (date accessed: 10.09.2020).
7. *Mnacakanova E. A. ARCADIA: Stihy. Iz lekcij. Stat'i. Esse* [ARCADIA: Poems. From the lectures. Articles. Essay]. M. Publishing house of R. Elinin. 2004. 352 p.

8. Mnacakanova E. A. *Novaya Arkadiya* [New Arcadia]. M. New literary review. 2018. 352 p.
9. Mnacakanova E. A. *Osen' v lazarete nevinnyh sester* [Autumn in the infirmary of the innocent sisters]. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/4/osen-v-lazarete-nevinnyh-sester.html> (date accessed: 06.11.2019).
10. Rudnev V. P. *Stihoslozhenie Elizavety Mnacakanovoj* [Versification of Elizaveta Mnatsakanova]. Available at: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj4546/rudnev.shtml> (date accessed: 19.04.2020).
11. Samohotkin A. *Fragmenty poemy Elizavety Mnacakanovoj. Interv'yu s avtorom* [Fragments of the poem by Elizaveta Mnatsakanova. Interview with the author] // Available at: <https://syg.ma/@samokhotkin/fragmienty-poemy-ielizavety-mnatsakanovoi-interviu-s-avtorom> (date accessed: 19.04.2020).
12. Sekackij A. K. *Poema i mantra* [Poem and mantra] // Available at: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj4546/sekats.shtml>.
13. Sem'yan T. F. *Vizual'nyj oblik prozaicheskogo teksta : monografiya* [Visual appearance of the prose text : monograph]. Chelyabinsk. Miller Library. 2006. 214 p.
14. Suhovej D. A. *Grafika sovremennoj russkoj poezii : dis. ... d-ra filol. nauk* [Graphics of modern Russian poetry : dis. ... Dr. of Philol. Sciences]. SPb. 2008. 288 p. Available at: <http://levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOVEI/disser/index.html> (date accessed: 19.04.2020).
15. Fateeva N. A. *Forma zapisi teksta i grammatika v poezii Elizavety Mnacakanovoj* [Notation of the text and grammar in the poetry of Elizabeth Mnatsakanova] // *Sintez celogo: Na puti k novoj poetike* – Synthesis whole: towards a new poetics. M. Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. Pp. 176–180.
16. Feshchenko V. V., Koval' O. V. *Sotvorenje znaka: ocherki o lingvoestetike i semiotike iskusstva* [Creation of the sign: essays on linguistic and semiotics of art]. M. Languages of Slavic cultures. 2014. Pp. 265–266.
17. Janechek Dzh. *"Rekviem" Elizavety Mnacakanovoj* ["Requiem" by Elizaveta Mnatsakanova]. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/4/rekviem-elizavety-mnacakanovoj.html> (date accessed: 10.09.2020).
18. Stephanie Sandler. *Visual Poetry after Modernism: Elizaveta Mnatsakanova* // *Slavic Review*. Vol. 63. Oregon. University of Illinois, 2008. Pp. 610–641.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 4 (20) (2020)

16+

Редактор *М. О. Корякина*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. И. Чернышова*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 10.12.2020 г.
Дата выхода в свет 02.02.2021 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 17,0. Тираж 100 экз. Заказ № 6528.

Подписной индекс журнала "Вестник гуманитарного образования"
в объединенном каталоге "Пресса России" – 41252

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36